

A romantic close-up of a young couple. The woman, on the left, has long, wavy brown hair and is looking towards the man. The man, on the right, has dark hair and is looking down at the woman. They are very close, with their faces just inches apart, suggesting an intimate moment or a kiss. The background is softly blurred, showing hints of green foliage.

ГОД НАШИХ ПАДЕНИЙ

Сарина Ёуэн

Ее любимый спорт вне досягаемости. У любимого парня — другая. Что дальше? Кори Каллахан думала, что приедет в колледж игроком хоккейной команды, но после несчастного случая вынуждена начать учебный год в инвалидной коляске. В общежитии через коридор от нее оказывается еще один хоккеист, который выбыл из строя — слишком-классный-чтобы-быть-настоящим Адам Хартли с двойным переломом ноги. Который слишком хорош для нее. И ко всему прочему занят. Каким бы невероятным ни казался другим их альянс, но между Кори и Хартли в их «инвалидном гетто» завязывается нежданная дружба. За текилой, видеоиграми и помощью друг другу в столовой, где подносы так и норовят опрокинуться, они пытаются вместе преодолеть разочарование, которое никто больше не понимает. Разумеется, они просто друзья. Но наступает ночь, когда все меняется. К лучшему или к худшему — Кори не знает. Она понимает лишь, что влюбилась. По самые уши. Но сможет ли Хартли отказаться от своей статусной подружки ради такой, как Кори? Ведь если нет, ей придется искать в себе силы и по новой отстраивать свою жизнь — без спорта и без кареглазого парня, который боится ее полюбить.

Глава 1

Гаргульи и барбекю

Кори

— Выглядит многообещающе, — произнесла моя мать, оглядывая увитый плющом фасад общежития. В ее голосе слышалось предвкушение. — Доставай свою карточку, Кори.

Сегодня в колледже Хакнесс был день заезда, и по всему кампусу ходили, ахая и охая, родители новичков. Если вы обратитесь к официальному гиду, он сообщит вам, что в этом колледже с трехсотлетней историей отучились трое из шести последних президентов страны. И дважды в день студенты Гильдии звонарей преодолевали сто сорок четыре ступеньки Башни Бомон, чтобы сыграть кампусу серенаду на колоколах весом в тонну.

К сожалению, история с архитектурой интересовали мою мать в самую последнюю очередь. Ее внимание было поглощено пандусами для инвалидов колясок.

Я подъехала к картридеру и помахала перед ним своим новеньким студенческим удостоверением. Потом нажала на синюю кнопку с изображением инвалидной коляски и не отпускала дыхание, пока красивая арочная дверь не начала медленно открываться.

После того, через что я прошла в этом году, мне с трудом верилось, что все это происходит на самом деле. Я была в колледже.

Заехав по пандусу в узкий коридор общежития, я увидела справа и слева от себя две широкие двери — явный признак комнат, приспособленных для маломобильных студентов. Впереди виднелась лестница с красивыми дубовыми перилами. Здесь, как и в большинстве старых общежитий университета Хакнесс, не было лифта. В комнаты наверху мне — в моей инвалидной коляске — попасть не светило.

— Полы очень ровные, — одобрительно заметила моя мать. — У меня были сомнения, когда я узнала, что этому зданию восемьдесят лет.

Сомнения? Это еще мягко сказано.

Тот факт, что мои родители заклинали меня не уезжать в Хакнесс, был последним моментом горькой иронии в длинном ряду других моментов горькой иронии. Пока все

прочие родители новоиспеченных студентов практически забрасывали своих отпрысков конфетти, мои пережили по паре сердечных приступов, потому что их девочка выбрала колледж в тысячах миль от дома, где у них не будет возможности каждые полчаса ее проверять.

Хвала небесам.

После несчастного случая родители умоляли меня отложить поступление на год. Но кто согласился бы на еще один год безделья, прерываемого только сеансами физиотерапии? Увидев, что я не сдаюсь, они изменили тактику и попытались уговорить меня остаться в Висконсине. Я была подвергнута ряду тревожных лекций на тему «Почему Коннектикут?» и «Ты Не Обязана Что-то Доказывать».

Но я не отступилась. Я хотела получить возможность посещать тот же элитный колледж, который закончил мой брат. Я хотела стать независимой, хотела сменить обстановку и *очень* хотела смыть послевкусие прошедшего года.

Внезапно дверь слева открылась, и оттуда высунула голову симпатичная девушка с темными кудрявыми волосами.

— Кори! — просияла она. — Я Дана!

Когда в наш почтовый ящик в Висконсине пришло письмо о том, где и с кем мне предстоит поселиться, я не знала, чего ждать от Даны. Но за последний месяц мы обменялись несколькими емейлами. Дана была родом из Калифорнии, однако школу закончила в Токио, где работал ее отец-бизнесмен. Я уже посвятила ее во все прискорбные подробности своего состояния. Объяснила, что не чувствую ни правую, ни левую ногу. И предупредила, что большую часть времени нахожусь в инвалидной коляске. Хотя иногда с громоздкими скобами на ногах и костылями я могла очень убого имитировать и ходьбу.

И я уже извинилась перед ней за то, куда ее поселили, — с калеккой отдельно от всех остальных новичков. Когда Дана незамедлительно написала, что совершенно не против, мне на плечо приземлился маленький призрак надежды. Несколько последних недель это крылатое существо порхало поблизости, нашептывая мне на ухо ободряющие слова.

Теперь, когда я впервые увидела ее во плоти, моя маленькая фея надежды прошла по моим плечам колесом. Я развела руки, показывая на свое кресло.

— Как ты меня узнала?

Ее глаза сверкнули, а потом она произнесла самые правильные слова.

— Ха! А фейсбук на что? — Она широко распахнула дверь, и я завезла себя внутрь.

— У нас шикарная комната, — в третий раз повторила Дана. — Пространства минимум в два раза больше, чем у всех остальных. Для вечеринок самое то.

Было приятно узнать, что Дана из тех соседок, для которых бочонок с пивом всегда наполовину полон.

Наша комната и впрямь была замечательной. За порогом начиналось то, что местные студенты называли «общей комнатой», а весь прочий мир — гостиной. Помимо общей комнаты здесь были две отдельные спальни, обе достаточно просторные, чтобы там можно было развернуться в инвалидной коляске. Что касается мебели, то у каждой из нас было по столу и — неожиданно — по двуспальной кровати.

— А я привезла обычные простыни, — сказала я озадаченно.

— Я тоже, — рассмеялась Дана. — Может в этом корпусе во всех комнатах большие кровати? Ну ничего, значит просто пройдемся по магазинам. Подумаешь, беда!

В комнату, пыхтя под тяжестью одного из моих чемоданов, зашла моя мама.

— По магазинам за чем?

— За простынями, — ответила я. — Наши кровати оказались двуспальными.

Мама хлопнула в ладоши.

— Девочки, перед отъездом мы свозим вас в «Таргет».

Я бы предпочла поскорей попрощаться с родителями, но Дана приняла ее предложение.

— Но сначала дайте мне осмотреться, — сказала моя мать. — Вдруг тебе понадобится что-то еще. — Она направилась в нашу ванную, которая оказалась очень просторной, с большим, приспособленным для инвалидов душем. — Идеально, — провозгласила она. — Давай часть твоих вещей уберем и удостоверимся, что тебе есть, где сушить свои катетеры.

— Мама, — прошипела я. Мне правда не хотелось обсуждать свои пугающие интимные ритуалы в присутствии своей соседки по комнате.

— Если мы поедem в «Таргет», — донесся из общей комнаты голос Даны, — то заодно можно посмотреть и ковры. Здесь слишком гулко.

Моя мать поспешила выйти из ванной, чтобы опозорить меня еще больше.

— О, Кори нельзя находиться в помещениях с коврами. Она еще учится ходить и может споткнуться. Так, девочки, куда нам попросить Хэнка установить телевизор? — спросила она, оглядываясь по сторонам.

Я ухватилаcь за смену темы.

— Мой отец подписал нас на кабельное, — сказала я Дане. — Если ты, конечно, не против. Не все хотят телевизор.

Дана задумчиво взялась за подбородок.

— Вообще я сама смотрю его редко... — Ее глаза вспыхнули. — Но тут могут быть кое-какие люди... которым, возможно, захочется, прийти в нашу комнату, чтобы посмотреть, скажем, какой-нибудь спорт.

Моя мать рассмеялась.

— Что еще за кое-какие люди?

— А вы еще не познакомились с нашим соседом? Он учится на предпоследнем курсе. — Глаза моей новой соседки стрельнули в сторону коридора.

— И тоже живет в комнате для инвалидов? — спросила я. Искать в таких местах горячих парней я бы не стала.

Она кивнула.

— Подожди. Скоро сама увидишь.

Вопреки моим надеждам, поездка в магазин затянулась надолго. Моя мать настояла на том, чтобы заплатить за постельное белье Даны, обосновав это тем, что проблема с большими кроватями возникла исключительно из-за нас. Дана выбрала ткань с большими красными цветами. Я выбрала ткань в горошек.

— Очень веселенько, — одобрительно произнесла моя мать. Моей маме всегда нравилось все веселенькое. Но в этом году она стала хвататься за веселенькое, как за спасательный круг. — Дамы, давайте купим вам наволочки в тон. И... — Она свернула в

следующий проход. — По дополнительной подушке для каждой из вас.

— Она не обязана этого делать, — прошептала Дана.

— Просто не спорь, — сказала я. — Подожди... — Я поманила ее к себе, и Дана наклонилась, чтобы я могла шепнуть кое-что ей на ухо. — Иди взгляни на ковры. Если увидишь хороший, мы потом вернемся за ним.

Она нахмурилась.

— Но я думала...

Я закатила глаза.

— Она ненормальная.

Дана подмигнула мне и нырнула в проход с коврами.

Когда мы вернулись, мой отец стоял посреди пустой комнаты, переключая каналы на телевизоре, который он прикрутил нам на стену.

— Успех! — воскликнул он.

— Спасибо, пап.

Он улыбнулся усталой улыбкой.

— Без проблем.

Какой бы раздражающей ни стала казаться мне в последний год моя мать, мои отношения с папой осложнились даже сильнее. Мы с ним привыкли часами болтать о хоккее. То была наша общая страсть. Но теперь между нами повисло неловкое молчание. Его убивал тот факт, что я никогда больше не надену коньки. После несчастного случая он постарел лет на десять. Хотелось верить, что без меня дома у него получится снова вернуться в норму.

Пришло время выпроводить моих родителей в коридор и отправить их в путь.

— Ребят, на улице сейчас начнется барбекю для первокурсников. И мы с Даной пойдем туда. *Очень скоро.*

Моя мать всплеснула руками.

— Подожди. Я забыла установить у тебя ночник. — Она метнулась ко мне в спальню, а я подавила порыв сердито одернуть ее. Серьезно? У меня с семи лет не было ночника. Вот когда четыре года назад сюда уезжал мой брат Дэмьен, с ним никто не сюсюкался. Ему выдали только билет на самолет и хлопок по плечу.

— Она ничего не может с собой поделать, — увидев мое лицо, сказал папа. Потом поднял с пола набор с инструментами и пошел к двери.

— Ты же знаешь, у меня все будет нормально, — следуя за ним, проговорила я.

— Знаю, Кори. — Он положил мне на макушку ладонь и сразу убрал ее.

— Пап? Я надеюсь, у тебя будет отличный сезон.

Взгляд его глаз был тяжелым.

— Спасибо, милая. — При других обстоятельствах он пожелал бы то же самое мне. Он бы проверил мои щитки и нагрудник, и мы бы выбрали угол в комнате для моей сумки с экипировкой. Он бы забронировал билеты на самолет, чтобы прилететь на одну из моих игр.

Но теперь обо всем этом можно было забыть.

Мы молча выбрались в коридор. А там меня выбил из задумчивости вид на парня, который вешал около своей двери доску для объявлений. Первым делом я увидела очень

упругий зад и мускулистые руки. Он пытался, не уронив костыли, вбить в стену гвоздь.

— Черт, — буркнул он себе под нос, когда один костыль все-таки грохнулся на пол.

А потом он обернулся, и это было как солнце, выглянувшее после дождя.

Начать с того, что у него было красивое, как у кинозвезды, лицо, сверкающие карие глаза и густые ресницы. Его волнистые каштановые волосы находились в некотором беспорядке, словно он только что запускал в них пальцы. Он был высоким и сильным на вид, и хоть у него не было перекаченного тела лайнбекера, он определенно являлся спортсменом.

Определенно.

И вау.

— Привет, — сказал он, обнаружив ямочку на щеке.

Привет-привет, красавчик, ответил мой мозг. А рот, увы, ничего не сказал. Через секунду до меня дошло, что я пялюсь на его красивый рот, замерев при этом, как Бэмби в лесу.

— Привет, — через силу пискнула я.

Мой отец наклонился, чтобы поднять костыль, который уронило это прекрасное существо.

— Ничего себе, сколько на тебе гипса, сынок.

Я посмотрела вниз и почувствовала, как заливаюсь краской. Потому что посмотреть на гипс значило позволить глазам пропутешествовать по его телу. В конце моего медленного осмотра мне открылась одна мускулистая нога и одна нога в белом гипсе.

— Красотища, да? — В его голосе была мужественная хрипотца, от которой у меня в груди возник трепет. — Сломал в двух местах. — Он протянул моему отцу руку. — Я Адам Хартли.

— Ауч, мистер Хартли, — сказал отец, пожимая ему руку. — Фрэнк Каллахан.

Адам Хартли опустил глаза на свою ногу.

— Ну, мистер Каллахан, видели бы вы, что стало с моим противником. — Мой отец заметно напрягся, и лицо моего нового соседа расплылось в еще одной большущей усмешке. — Не волнуйтесь, сэр. Хулиганы рядом с вашей дочерью не живут. На самом деле я просто упал.

На лице у папы отразилось такое уморительное облегчение, что я, выйдя наконец из ступора, рассмеялась. Мой роскошный новый сосед протянул руку и мне, и я подъехала поближе, чтобы пожать ее.

— Неплохо разыграно, — сказала я. — Я Кори Каллахан.

— Приятно познакомиться, — начал он, своей большой рукой сжимая мою ладонь. Заглянув в маячившие передо мной светло-карие глаза, я заметила, что каждая радужка обведена кольцом более темного цвета. От того, как он наклонился, чтобы пожать мою руку, на меня напала внезапная робость. И почему здесь стало так жарко?

А потом момент нарушил вырвавшийся из его комнаты пронзительный женский вопль.

— Хартли-и-и! Мне надо, чтобы ты повесил на стену мою фотографию! Так ты не забудешь меня, пока я буду во Франции. Но я не могу решить, на какую!

Хартли едва заметно закатил глаза.

— Детка, так повесь для верности на каждую по одной! — крикнул он.

Мой отец усмехнулся и подал Хартли его костыль.

— Милый? — раздался все тот же голос. — Ты не видел, где лежит моя тушь?

— Прелесть моя, она тебе не нужна! — проорал он в ответ, засовывая костыли себе

подмышки.

— Хартли! Помоги мне искать.

— Никогда этот трюк не срабатывает. — Он подмигнул нам. Потом кивнул в сторону открытой двери в свою комнату. — Приятно было познакомиться. Пошел разрешать великий кризис с мейкапом.

Как только он исчез у себя, в коридор вышла с напряженным лицом моя мама.

— Ты уверена, что мы ничем больше не можем помочь? — спросила она со страхом во взгляде.

Будь вежливой, призвала себя я. Обустройство детской для малыша наконец-то закончено.

— Спасибо за всю вашу помощь, — сказала я. — Но кажется, ничего больше не нужно.

Глаза моей матери затуманились.

— Береги себя, детка, — сказала она охрипшим голосом, потом наклонилась и обняла меня, прижав к себе мою голову.

— Хорошо, мам, — ответила я ей в живот.

Сделав глубокий вдох, мама, кажется, взяла себя в руки.

— Если что — сразу звони. — Она открыла выходящую на улицу дверь.

— ...Но если ты не будешь звонить несколько дней, мы не станем паниковать, — прибавил мой папа, потом коротко салютовал мне, и дверь за ними закрылась. И они ушли.

В моем вздохе было одно облегчение.

Спустя полчаса мы с Даной отправились на барбекю. Она вприпрыжку шагала по тротуару, а я ехала в кресле с ней рядом. В Хакнесе студенты были разделены на двенадцать факультетов. Как в Хогвартсе, только без распределяющей шляпы. Нас с Даной приписали к факультету Бомон, где мы должны были начать жить со второго курса. А пока всех первокурсников поселили вместе в зданиях огромного Двора Новичков.

Всех первокурсников, кроме нас.

Одно утешение — наше общежитие было всего лишь через дорогу. Брат говорил, что МакЭррин используется для самых разнообразных целей. Там размещали студентов, в чьих комнатах шел ремонт, или иностранных студентов, приехавших на семестр или два.

И еще, судя по всему, в МакЭррин отправляли калек вроде меня.

Миновав мраморные ворота, мы с Даной пошли на запах курицы-гриль. Во Дворе Новичков все здания были более старыми и величественными, чем наше. Крутые каменные ступеньки вели к резным деревянным дверям. Не в силах с собой справиться, я крутила головой во все стороны, рассматривая пышно украшенные фасады, словно какой-то турист. Таков был колледж Хакнесс — каменные гаргульи и три века истории. Он был великолепен, хоть и не слишком приспособлен для инвалидов.

— Я только хотела сказать, что сожалею, что мы не живем во Дворе Новичков со всей нашей группой, — произнесла я, использовав подслушанное у брата разговорное название общежитий для первокурсников. — Несправедливо, что ты застряла в МакЭррине вместе со мной.

— Кори, прекрати извиняться! — решительно сказала мне Дана. — Мы познакомимся с кучей людей. И у нас отличная комната. Я ни о чем не переживаю.

Мы вместе приблизились к центру лужайки, где был установлен шатер. В теплом сентябрьском воздухе плавало тихое бречание чьей-то гитары, а наши ноздри щекотал запах горящих углей.

Я в жизни не представляла, что появлюсь в колледже в инвалидной коляске. Некоторые люди утверждают, будто после трагических происшествий, случившихся с ними, научились больше ценить жизнь и наслаждаться ею. Что они перестали принимать все, как должное.

Мне иногда хотелось прибить тех, кто так говорит.

Но сегодня я их поняла. Сентябрьское солнце было теплым, а моя соседка оказалась в реальности такой же дружелюбной, как и по переписке. И я дышала. Так что мне стоило научиться все это ценить.

Глава 2

Мам, смотри, здесь нет лестниц!

Кори

На следующее утро начинались занятия. Вооружившись своей особой копией Карты Кампуса Для Маломобильных Студентов, я поехала по солнышку к департаменту математики. Как и было обещано, с западной стороны здания имелся отвечающий всем требованиям пандус и широкие двери.

Так что математика была пусть и не воодушевляющей, но доступной.

Следующим предметом была экономика — курс, который предложил мне отец. «Я всегда мечтал побольше разбираться в деньгах», — признался он в один из редких мгновений сожалений о прошлом. «Я попросил твоего брата дать экономике шанс, и ему понравилось. Мне бы хотелось, чтобы и ты тоже попробовала». Это был сильный ход в наших переговорах, поскольку я разыграла карту Старшего Брата в своих собственных корыстных целях. Моим нокаутирующим ударом во время жарких дискуссий о том, куда мне следует поступить, было вот что: «В Хакнесе учился Дэмьен, значит там буду учиться и я». Моим родителям не хватило духу посмотреть в глаза своей дочери-инвалидке и ответить ей «нет».

Они уступили, а я, чтобы порадовать папу, записалась на один семестр микроэкономики. Что бы это ни значило. И теперь меня ждали страшно скучные понедельники, среды и пятницы — с математикой и экономикой по утрам.

Лекции по экономике проходили в аудитории огромных размеров, заставленной тесными рядами древних дубовых сидений. Поскольку специального места для инвалидов тут предусмотрено не было, я доехала задним ходом до дальней стены и остановилась рядом с парой старых разномастных стульев.

Минутой позже кто-то тяжело плюхнулся на стул рядом со мной. Скосив глаза вправо, я увидела загорелое и мускулистое предплечье вкуче с деревянными костылями.

Похоже, это прибыл мой красавчик-сосед.

Моя маленькая пернатая фея надежды проснулась и шепнула мне на ухо: *экономика только что стала куда интереснее.*

Хартли со стоном кинул рюкзак на пол перед собой и уложил на него свой гипс. Потом

привалился затылком к стене позади нас и сказал:

— Пристрели меня, Каллахан. Ну почему я записался на курс так далеко от МакЭррина?

— Ты всегда можешь вызвать калекомобиль, — предложила я.

Он повернул подбородок, и его шоколадно-коричневые глаза затянули меня в свое гравитационное поле.

— Что-что?

Я не сразу сообразила, что только что брякнула. Калекомобиль. Точно.

— Здесь есть микроавтобус. — Я дала ему свою карту кампуса. — Звонишь им заранее, и они отвозят тебя на занятия.

— Кто же знал. — Хмурясь, Хартли уставился в карту. — Ты им пользуешься?

— Тебе честно? Я скорее приклею себе на лоб большую красную Л, чем вызову этот микроавтобус. — Я показала пальцами универсальный знак слова «лузер», и Хартли фыркнул от смеха. У него на щеке опять появилась ямочка, и мне пришлось подавить порыв протянуть к его лицу руку и коснуться этой ямочки пальцем.

В этот самый момент к Хартли подсела худая девчонка с прямыми черными волосами и в очках на поллица.

— Прошу прощения, — сказал он, повернувшись к ней, — но этот ряд предназначен только для инвалидов.

Она огромными глазами уставилась на него, а потом соскочила со стула и, словно испуганный заяц, понеслась по проходу к другому свободному месту.

— Я, между прочим, знаю, что ты пошутил, — сказала я, глядя ей вслед.

— Серьезно? — Хартли одарил меня новой улыбкой, такой лукавой и теплой, что я не смогла отвернуться, а потом, когда преподаватель начал постукивать по микрофону, шлепнул себе на коленки тетрадь.

Профессор Румпель выглядел на сто девять лет плюс-минус десять.

— Класс, — начал он, — об экономике говорят чистую правду. Ответ на любой вопрос в любом тесте один: спрос и предложение. — Старичок издал придушенное фырчанье в микрофон.

Хартли наклонился ко мне и прошептал:

— Думаю, это задумывалось как шутка.

От его близости моему лицу стало жарко.

— Мы попали, — шепотом ответила я.

Но, говоря по правде, я имела в виду только себя.

После занятия у Хартли зазвонил телефон, так что я по-дружески помахала ему и выехала из аудитории в одиночестве. А потом, проконсультировавшись со своей верной инвалидной картой, направилась к самой большой столовой на территории кампуса. Она была построена в тридцатых годах и когда-то вмещала в себя всех учащихся. Я медленно заехала в переполненное помещение. Передо мной уходило вдаль около сотни столов. Чтобы понять, куда ехать дальше, мне пришлось посмотреть, в какую сторону движется основная толпа.

Студенты шли мимо меня к одной из стен помещения. И я, лавируя между столами, поехала к чему-то, что выглядело как очередь. Сдвинувшись вперед, чтобы прочитать

написанное мелом меню, я нечаянно наткнулась на девушку, которая стояла передо мной. Она круто развернулась с выражением раздражения на лице, но потом опустила глаза и поняла, что ее стукнуло.

— Извини! — произнесла она торопливо.

Моему лицу стало горячо.

— Извини, — отозвалась я эхом. За что она просит прощения? Это ведь я, балда, наехала на нее.

Странно, но когда ты сидишь в инвалидной коляске, то люди, в которых ты врежешься — даже если ты отдавишь им ногу, — в девяти случаях из десяти обязательно извинятся. Это было так нелогично и еще почему-то выводило меня из себя.

Я нашла конец очереди. Но потом заметила, что у всех, кто там стоял, были подносы и столовые приборы. Выкатив себя из очереди, я нашла подносы и вилки с ножами, после чего снова вернулась в конец. Находиться в очереди в инвалидной коляске значило иметь на уровне глаз чужие зады. Именно так выглядел мир, когда мне было семь лет.

Хартли

Клянусь богом, если б у типа, который делал мне сэндвич, были связаны руки, он и тогда не смог бы двигаться медленней. Я стоял там с пульсирующей болью в лодыжке и дрожью в здоровой ноге, и к тому времени, как он передал мне тарелку, думал, что вот-вот вырублюсь.

— Спасибо, — сказал я. Взял правой рукой тарелку, потом зажал подмышкой правый костыль и попытался было, не держась за ручку, пойти, но потерял равновесие и, чтобы остаться в вертикальном положении, прислонился к витрине. Мой костыль со стуком брякнулся на пол.

Облом. Хорошо, хоть сэндвич не катапультировался с тарелки.

— Привет хромоногим! — раздался голос у меня за спиной.

Я обернулся, но Кори нашел не сразу, потому что высматривал кого-то одного с собой роста. Спустя неловкое мгновение я опустил глаза и увидел ее.

— Каллахан, — сказал я. — Ты видела мой изящный маневр?

Она с улыбкой забрала у меня тарелку и поставила ее себе на поднос.

— Не убивай себя во имя... — она посмотрела в тарелку, — хлеба с индейкой. Я могу понести его вместо тебя, если ты возьмешь мне такой же.

— Спасибо, — вздохнул я. Отпрыгнул на одной ноге в сторону и стал ждать, когда все тот же медлительный тип слепит ей сэндвич на ланч.

Спустя несколько часов (я могу немного преувеличивать) на нашем подносе оказались два сэндвича, чипсы, печенье, мое молоко и ее диет-кола.

— Кажется, я вижу свободный столик вон там, в соседнем штате, — пробурчал я и заковылял вперед.

Кори тоже подвезла свою попку к столу, где я расчистил для нее парковочное место, убрав с дороги тяжелые деревянные стулья, а потом рухнул на стул и сам.

— Господи боже мой. — Я уткнулся в ладони лбом. — Это заняло всего-навсего в семь

раз больше времени, чем должно.

Кори передала мне мою тарелку.

— Ты совсем недавно травмировался, да? — спросила она, забирая с подноса свой сэндвич.

— Так заметно? Неделю назад на предсезонных сборах в хоккейном лагере.

— В хоккейном? — На ее лице появилось странное выражение.

— Ну... Видишь ли, я сломал ногу не на игре — так оно, по крайней мере, было бы не особенно тупо. Но я сломал ее, упав на скалодроме.

У нее отвисла челюсть.

— Порвались веревки?

Не совсем.

— Возможно, веревок там не было. И еще, возможно, было два часа ночи. — Я поморщился, потому что было нисколько не весело рассказывать симпатичной девчонке о том, какой ты идиот. — И я, возможно, был пьян.

— Упс. Значит, ты даже не можешь сказать людям, что стал жертвой неудачного силового приема?

Я выгнул бровь.

— Каллахан, ты что, любишь хоккей?

— Типа того. — Она покрутила в руках чипсину. — Мой отец работает хоккейным тренером в школе, — сказала она. — А мой брат Дэмьен год перед выпуском был вингером в вашей команде.

— Да ладно? Ты младшая сестра Каллахана?

Она улыбнулась, отчего ее голубые глаза заблестели. У нее была убийственная улыбка и румянец, словно она только что закончила марафон.

— Именно так.

— Видишь, я знал, что ты клевая. — Я сделал глоток молока.

— Значит... — Она взяла в руки сэндвич. — Если твоей травме всего неделя, то у тебя, наверное, сильные боли.

Я пожал плечами, прожевывая еду.

— Одну боль я бы еще смог перетерпеть, но с гипсом просто до ужаса неудобно. По полчаса одеваться. И устраивать цирковые представления в душе.

— По крайней мере, у тебя это временно.

Я застыл с полным ртом, обескураженный собственной глупостью.

— Блин, Каллахан. Слушать, как я ною насчет двенадцати недель в гипсе... — Я отложил свой сэндвич. — Ну и дебил же я.

Она покраснела.

— Нет, я ничего такого не имела в виду. Честное слово. Ведь если тебе нельзя немного пожаловаться, то и мне тоже нельзя.

— Почему? — Мне казалось, я только что доказал, что у нее есть полное право жаловаться. Особенно когда вокруг бегают дебилы вроде меня.

Кори начала складывать свою салфетку.

— Ну... после несчастного случая родители отправили меня в группу поддержки для людей с травмами спинного мозга, после которой я и очутилась вот тут... — Она помахала руками над своими коленями. — В общем, там был целый зал людей, у которых не работало куда больше частей тела, чем у меня. Многие не чувствовали своих рук. Они не могли ни

самостоятельно есть, ни переворачиваться в кровати. Они не смогли бы даже выбраться из горящего здания, или отправить письмо, или кого-то обнять.

Я закрыл лицо ладонью.

— Как воодушевляюще.

— Не то слово. Те люди настолько испугали меня, что больше я туда не ходила. И если ныть можно мне — а я, поверь, ною, — то и тебе никто не запрещает пожаловаться на то, что ты скачешь на одной ноге, как фламинго. — Она снова взялась за свой сэндвич.

— А... — Я понятия не имел, не слишком ли личный это вопрос. — А когда это случилось?

— Что именно? — Ее глаза избегали смотреть на меня.

— Несчастный случай.

— Пятнадцатого января.

— Погоди... *этого* пятнадцатого января? Типа, восемь месяцев назад? — Она чуть заметно кивнула. — То есть... на прошлой неделе ты сказала: «Пошло все к чертям, уже сентябрь. Поеду-ка я на другой конец страны, чтобы со всем этим покончить»?

Кори уставилась в свою колу — очевидно затем, чтобы не сталкиваться с моим испытующим взглядом.

— Более или менее. Ну, серьезно, разве где-то написано, сколько времени человеку положено оплакивать свои ноги? — Приподняв бровь, она посмотрела мне прямо в лицо.

Черт. Похоже, мне только что сделали прививку от нытья на всю оставшуюся жизнь.

— Кори Каллахан, ты крутая.

Она повела плечом.

— Колледж предложил мне отсрочку на год, но я отказалась. Ты видел моих родителей. Я не хотела сидеть дома и слушать, как они надо мной причитают.

У меня зазвонил телефон, и я жестом попросил Кори секундочку подождать.

— Привет, красотка, — ответил я Стасе. — Я за столиком у самой дальней стены. Тоже люблю тебя. — Я засунул телефон обратно в карман. — Окей... погоди. Выходит, это ласковая родительская забота погнала тебя в другой часовой пояс?

— У нас троих выдался полубезумный год. Так было лучше для всех.

Раньше я о том не задумывался, и зря. Когда с тобой случается что-то плохое, то оно затрагивает не только тебя.

— Представляю. Моя мама всю прошлую неделю пробушевала. Но я это, наверное, заслужил.

— Ее разозлило то, что ты сломал ногу?

— Ну естественно. Я же сломал ее не спасая из пожара младенцев. Ей пришлось пропустить два дня на работе, чтобы заботиться обо мне, ну и счет в больнице выкатили будь здоров.

— Твой тренер наверняка рвет и мечет, — заметила Кори.

— О да. Мне уже несколько раз прочитали лекцию на тему «Ты Всех Подвел».

Я начал высматривать Стасю. Спустя пару минут и полсэндвича в дверях наконец появилась роскошная девушка. Пока она, стоя у входа, оглядывала столы, я не мог отвести от нее глаз. В ней было все. Она была высокой и в то же время фигуристой, со струящимися песочными волосами и осанкой принцессы. Когда Стася заметила меня, ее ореховые глаза ярко вспыхнули. А потом длинные ноги понесли ее в моем направлении. Когда она подошла, то первым делом поцеловала меня в засос.

Мы встречались почти целый год, но эта ее привычка до сих пор всегда шокировала меня.

— Стася, — сказал я, когда она отпустила мой рот. — Это моя новая соседка Каллахан. Она и ее соседка Дана теперь тоже в Бомоне.

— Приятно познакомиться, — быстро проговорила Стася, удостоив Кори мимолетнейшего из взглядов. — Хартли, ты готов уходить?

Я рассмеялся.

— Детка, ты не представляешь, какого труда нам стоило раздобыть эту еду. Дай мне пять минут, чтобы доесть. — Я выдвинул для нее стул.

Стася села, однако скрыть свое неудовольствие не потрудилась. Пока я доедал печенье, запивая его молоком, она тыкала своим острым пальчиком в телефон.

Кори затихла, но это было ничего, поскольку Стася всегда была готова заполнить тишину своими многочисленными проблемами первого мира.

— Мой мастер говорит, что не сможет завтра сделать мне стрижку. Просто кошмар, — пожаловалась моя девушка.

— Наверняка в Париже тоже есть парикмахерские, — сказал я, хоть и знал, что она не прислушается. Стася была самой привередливой девушкой на планете. Еда в столовой не соответствовала ее стандартам, так что чаще всего она приносила обеды с собой. Шампунь она выписывала по почте, потому что ни один из пятидесяти брендов в аптеке ее не устраивал. К новым людям она тоже была не особенно благосклонна.

И все-таки на *меня* Стася смотрела в точности так, как на новую сумочку «Прада». Эта шикарная девушка из Гринвича, штат Коннектикут, хотела *меня*. Вот этого самого парня в кепке «Брюинз» и растянутой тренировочной майке.

Я бы мог сказать вам, что это не повышало мою самооценку, но к чему врать?

Кори допила свою колу и начала составлять наши тарелки со стаканами на поднос.

— Стася? — Я коснулся запястья своей девушки, чтобы привлечь ее внимание. — Можешь сделать нам одолжение и отнести это?

Она оторвала удивленный взгляд от экрана. Потом оглядела поднос и столовую, словно подсчитывая усилия, которые придется затратить. Долгое мгновение она колебалась. Когда мне показалось, что Кори находится на грани того, чтобы предложить свою помощь, Стася внезапно встала, схватила поднос и размашистым шагом ушла.

Качнув головой, я выдал своей новой соседке стеснительную улыбку.

— У нее дома такие дела выполняет прислуга.

По лицу Кори было видно, что она не может понять, шутка это была или нет. Однако я не шутил.

Да, Стася была той еще штучкой. Но она была *моей* той еще штучкой.

Глава 3

Мебельный джинн

Кори

— Как прошел твой первый день? — спросила Дана, когда я во второй половине дня вернулась домой. Она сидела на нашем широком подоконнике и красила ногти.

— Хорошо, — сказала я. — С первой же попытки нашла все три своих класса. А у тебя?

— Также неплохо! И мне очень понравился наш преподаватель истории искусств.

— Он секси? — Я шутливо поиграла бровями.

— Ну, если тебе нравятся семидесятипятилетние старички, то да.

— Кто сказал, что они мне не нравятся? — Я сделала крутой разворот в коляске, потому что никакой мебели у меня на пути не было. Стол Даны стоял у стены, как и ее чемодан. В комнате еще было эхо.

— Ой! А так не опасно? — спросила она.

— Неа. — Я повторила свой трюк. Откинулась назад, так что передние колесики задралась, и сделала полный оборот. — Только голова начинает кружиться.

— А бывает баскетбол в инвалидных колясках? — спросила Дана, дуя на свои ногти.

— Наверное, — уклончиво ответила я. Из-за моего спортивного прошлого мне уже человек десять задавали этот вопрос. Но до несчастного случая я никогда баскетболом не увлекалась. И тем более меня не интересовала подобная адаптивная хренотень. Почему людям казалось, будто это звучит увлекательно? Можно подумать, все инвалиды должны обожать баскетбол.

Дана закрутила крышечку лака.

— Короче... я сегодня собираюсь на джем. Хочешь пойти?

— Что такое джем?

— Это концерт. Прослушивание групп а-капелла. Может, и ты попробуешься?

Я покачала головой.

— Я была в хоре, но в восьмом классе бросила, потому что не успевала из-за хоккея.

— Тебе необязательно петь слишком уж хорошо, — возразила Дана. — Там десять групп, и общения столько же, сколько и музыки.

— Тогда пошли на твой джем, — сказала я. — Поглядим, что там такое.

— Отлично! Он начинается после ужина. Сейчас я посмотрю, где тут концертный зал... — Вскочив на ноги, она выудила из своей сумки карту кампуса.

— Классный телек, дамы, — раздался со стороны открытой двери сексуальный голос.

Я оглянулась и увидела прислонившегося к дверному косяку Хартли.

— Спасибо, — сказала я, и мой пульс чуть-чуть подскочил.

— Но что вам на самом деле нужно, так это диван. Вот здесь. — Он кивнул на пустую стену около двери. — Во Дворе Новичков продаются подержанные.

— Мы видели, — ответила Дана. — Но не придумали, как призвать мебельного джинна, чтобы он перенес его вместо нас.

Хартли поскреб свою великолепную челюсть.

— Думаю, двое калек и одна девчонка его не дотащат. Ладно, придумаю что-нибудь во время ужина. — Он взглянул на часы. — ...Который начинается прямо сейчас. Пойдете?

— Давай, — сказала Дана. — Я еще не была в столовой Бомона.

— Тогда пошли, — сказал Хартли, разворачивая свои костыли к выходу из МакЭррина.

Мы с Даной выбрались вслед за Хартли на улицу. Корпус факультета Бомон во всей готической красоте находился за большими железными воротами. Дана помахала удостоверением перед картридером, и замок на воротах, щелкнув, открылся. Она придержала створку сначала для Хартли, а потом для меня.

Парад инвалидов — с Хартли на костылях и с осторожной мной — продвигался небыстро. Плиты дорожки лежали неровно, и у меня не было желания попасть в трещину колесом и шлепнуться наземь. Было и так тяжело называться Девушкой в Инвалидной Коляске. Я не хотела становиться еще и Девушкой, Которую Выбросило из Инвалидной

Коляски.

Из маленького мощеного дворика мы попали во дворик побольше, который входил во все официальные экскурсии по колледжу. Мой брат Дэмьен как-то пожаловался на то, что ему приходится ходить на занятия сквозь толпы туристов с фотоаппаратами. Но такова была цена за проживание в гранитных и мраморных исторических стенах, и меня она устраивала.

В конце дворика Хартли остановился.

— Черт, — сказал он, окинув здание взглядом. — Столовая-то на втором этаже. Я забыл про лестницы.

— Знаешь, этой столовой на моей карте нет, — сказала я. — Я тогда попробую какую-нибудь другую. — Я уже запомнила, в каких корпусах были столовые на первом этаже.

Навалившись на ручки своих костылей, Хартли покачал головой.

— Я тоже не заберусь. Но... как сюда попадают продукты? Не по лестнице же их поднимают. — Он свел брови на переносице. — Поверить не могу, что я ел здесь два года, но ни разу не задумывался об этом. — Он повернулся к другим воротам, ведущим на улицу. — Дана, встретимся внутри. Здесь должен быть служебный вход. За мной, Каллахан.

С порозовевшим лицом я поехала вслед за Хартли к переулку, который уходил за корпуса факультетов Бомон и Тернер.

— Вот он, наверное, — усмехнулся Хартли. Он доковылял до серой металлической двери с интеркомом и нажал на кнопку.

— Да! — отозвался голос.

Он оглянулся на меня, показав ямочку на щеке.

— Доставка!

Через мгновение серая дверь отворилась. За ней оказалась тускло освещенная кабина служебного лифта, где нельзя было даже выпрямиться в полный рост.

— Шикарно, — сказал Хартли. — Ну что ж, рискнем. — Он чуть не споткнулся с невысокий порожек, но все-таки сумел занырнуть внутрь, и, пока я задним ходом заезжала в кабину, придерживал двери. Когда они, скрежеща, закрылись, мне стало страшно. Неужели меня ждал *тот самый* момент? Когда впоследствии ты оглядываешься назад и не можешь понять, зачем последовала за горячим парнем в дребезжащий трясущийся лифт? Но Хартли только хмыкнул негромко. — Надеюсь, у тебя сильные легкие — на случай, если нам придется кричать «помогите».

Кабина поднималась так медленно, что я оставалась в напряжении до тех пор, пока двери со скрипом не разъехались в стороны. Когда мы появились в залитой светом кухне, тип в поварском колпаке нахмурился, а несколько его помощников в белых передниках обернулись на нас.

— Только не говорите, что не забронировали нам столик, — пошутил Хартли, оглядываясь по сторонам. — Сюда, Каллахан. — Я поехала за ним через кафельный пол, обогнула стеклянную витрину и наконец оказалась в толпе студентов, которые стояли в очереди с подносами в руках.

— Вот вы где! — сказала Дона, освобождая нам место. — Как вы сюда поднялись?

— На служебном лифте, — ответил ей Хартли. — Все прошло как по маслу. Дана, не принесешь нам еще поднос?

— Конечно, бери мой. — Она убежала и скоро вернулась со вторым подносом и двумя наборами столовых приборов.

Очередь постепенно ползла вперед, и в конце концов мы стали следующими.

— Тебе видно, что там? — спросил меня Хартли.

Нет — как обычно.

— Что выглядит лучше всего? — спросила я.

— Булка с тефтельками. Рыба выглядит немного пугающе.

— Тогда выбор очевиден.

— Две порции тефтелек, пожалуйста, — сказал Хартли.

— Ребята, вам помочь что-нибудь донести? — спросила Дана, а Хартли ответил:

— У нас с Каллахан есть система.

Когда он отвернулся, Дана многозначительно выгнула в мою сторону бровь, и я, пряча усмешку, закусила губу.

Когда мы взяли нашу еду, Хартли указал костылем на стол в центре зала, где было несколько незанятых мест.

— Вон туда, дамы.

Когда мы приблизились к столу, нам помахал парень с темно-рыжими волосами.

— Хартли! Господи, ты только посмотри на себя.

— Ты всегда знаешь, что сказать, Бридж.

Рыжий поднялся и обошел стол, чтобы рассмотреть монументальный гипс Хартли.

— Чувак, это серьезно. Дико тебе сочувствую.

Хартли отмахнулся от него, словно не желая об этом слышать. Такая реакция была знакома и мне. Иногда даже самые вежливые вещи, которые говорят люди, только напоминают о том, насколько все плохо.

— Не выкинешь один из стульев для Каллахан? — спросил Хартли.

Бриджер одним движением пальца отодвинул тяжелый деревянный стул в сторону. Он тоже был первоклассным спортсменом — с широкой грудью, обтянутой футболкой с логотипом студенческой хоккейной команды, и бугристыми, покрытыми веснушками бицепсами. Бриджер был *почти* таким же красивым, как Хартли. Когда Хартли представил нас, как своих соседок, он усмехнулся.

— Так вот кому я сбаврил Хартли. Мы с ним должны были быть соседями. Если вдуматься, я мог неосознанно столкнуть его с той стены, чтобы заполучить себе сингл.

— Как мило, — сказал Хартли. — Слушай, можешь после ужина оказать нам услугу? Этим дамам нужно купить диван в Старом кампусе. Нести совсем близко, по лестнице подниматься не надо. И ты сможешь заценить мое модное инвалидное обиталище.

— Хорошо. Кстати, а что ты делаешь вечером?

Хартли покачал головой.

— Что решит Стася. Завтра утром она уезжает.

— Ясненько. — Брови Бриджера приподнялись. — Чувак, только побереги ногу. Оставь акробатические позы на следующий раз. — Когда Хартли бросил в него скомканной в шарик салфеткой, Бриджер только расхохотался. — Тебе дают нормальные болеутоляющие?

— Да, но меня от них выворачивало, так что я оставил их дома. Есть старый добрый адвил, его я горстями и ем.

К нам подсел еще один парень — стильный блондин с прилизанной стрижкой.

— Нога так сильно болит? — спросил он.

— Болит абсолютно все, — сказал Хартли. — Здоровая нога из-за двойной нагрузки, бедро из-за гипса. Даже подмышки болят.

— У тебя ручки на костылях опущены слишком низко, — проговорила я, вытирая салфеткой рот.

— Серьезно? — оживился Хартли.

— Серьезно. Подними их на деление выше, а на подмышечники больше не опирайся.

Он показал на меня палочкой жареной картошки.

— Ты очень полезный сосед, Каллахан.

Я покачала головой.

— Если б существовала телеигра на тему физиотерапии, я бы дошла до финала.

Блондин бросил на меня странный взгляд. Но я к таким взглядам привыкла. И потому вместо того, чтобы расстроиться, доела свою булку с тефтельками. Она была очень вкусной.

После ужина мы с Даной заплатили сорок долларов за подержанный диван не слишком уродского оттенка синего цвета, а Бриджер и блондин, которого они называли Фэйрфакс, доставили его к нашей комнате.

— Спасибо, спасибо, спасибо! — воскликнула Дана, крутясь перед ними и открывая дверь. Дверной проем в комнате для инвалидов был настолько широким, что им даже не пришлось укладывать диван на бок, чтобы занести его внутрь.

— Симпатичная комната, — произнес Бриджер, опуская свой край дивана. — Давай теперь посмотрим твою, Хартли.

С открытыми настежь дверями мне было слышно, как друзья Хартли восхищаются его комнатой. У Хартли не было общего пространства, как у нас, но я заметила, что его комната тоже большая.

— Двухспальная кровать? Офигеть.

— Как не вовремя твоя девушка решила уехать, — хмыкнул Фэйрфакс. — А где она, кстати?

— В торговом центре? В салоне? Короче, в каком-нибудь дорогом месте, — ответил ему голос Хартли. — Неважно. Кто хочет пива, пока она не вернулась?

Вдоволь навоسخищавшись нашим новым предметом мебели и уложив перед ним в качестве журнального столика Данин чемодан, мы отправились через весь кампус на джем а-капелла. В концертном зале нам выдали по программке. Там было перечислено десять групп, каждая из которых должна была исполнить две песни.

— Они раздают их, чтобы желающие прослушаться могли запомнить, кто что поет, — объяснила Дана, пока мы пробирались к месту для инвалидов, где мое кресло не торчало бы из прохода.

У всех групп были забавные названия, вроде «Херувимов Хакнесса» и «Нежных Нот». Когда верхний свет погас, на сцену вышла первая группа — двенадцать парней в одинаковых футболках и шортах хаки. Я заглянула в программку. Выступали «Музыкальные Мародеры».

— Пение а-капелла немного ботанистое занятие, — шепнула мне Дана. — Но в

хорошем смысле.

Через несколько минут я поняла, что склонна с ней согласиться. Один парень в дальнем конце достал камертон и издал одну ноту. Одиннадцать его друзей с закрытыми ртами подхватили ее. Затем лидер убрал камертон и поднял обе руки. Когда он их опустил, группа завела разложенную на четыре голоса «Up the Ladder to the Roof». Каким-то образом у них получилось сделать по-настоящему классной песню, которая играла по радио, когда мои родители были детьми. Я всегда считала, что предпочитаю спортсменов. Но сейчас была вынуждена признать, что дюжина зажигающих на сцене парней тоже выглядят довольно-таки привлекательно.

— Потрясающе, — прошептала я.

Дана кивнула.

— Они должны стать лучшей мужской группой.

Дальше выступала группа, где были и парни, и девушки. Они пели очень задорно, но им не хватало безупречности «Мародеров».

— *А теперь...* — прошептала Дана. Объявили следующую группу — под названием «Что-то с Чем-то», — и она, стиснув мое запястье, сказала: — Вот, куда я хочу попасть.

Девушки встали на сцене в идеально ровный кружок, взяли за руки и начали исполнять очаровательную версию «Desperado» Eagles.

Когда песня закончилась, их наградили бурными аплодисментами.

— Вау, — произнесла я. — Они очень крутые.

— Я знаю, — вздохнула Дана. — А ты заметила, какие они блондинистые? Вряд ли это чистое совпадение. Может, тебе все-таки прослушаться, Кори? У тебя почти нужный цвет.

— Ни за что, — на автомате ответила я, притрагиваясь к своим выгоревшим на солнце волосам.

Я задумалась о том, почему Дана не видит изъян в своей логике. Если «Что-то с Чем-то» настолько пеклись о своем внешнем виде, то представляете, как будет выглядеть среди их хорошеньких улыбающихся лиц некто в инвалидной коляске или на костылях? Неужели Дана искренне полагала, что любая из этих групп будет смотреться нормально со мной, припаркованной в центре?

Мне понравился джем, однако я знала, где мое место. В инвалидной коляске.

Глава 4

Думаешь, ты такая хитренькая?

Кори

На следующей неделе, пока мы с Даной сидели, погружившись в конспекты, в нашу дверь постучали.

— Открыто, — крикнула я.

Деревянная дверь распахнулась, и из-за нее показался Хартли и его костыли.

— Приветик, — сказал он. — Все упорно трудятся, да? Я тогда зайду в другой раз.

Дана захлопнула свой учебник.

— Я через полчаса уйду на прослушивание. Что такое?

— У меня есть одна странная и эгоистичная просьба.

— Интересно, — ответила Дана. — Я бы даже сказала — многообещающе.

— Ты умная девушка, Дана. — Он сверкнул своей ямочкой, и я почувствовала, что

подпала под его чары еще чуточку глубже. От этой улыбки могло расплавиться даже стекло. — Короче. У меня есть «квиркбокс». Но нет телека. У нас с Бриджером была неплохая команда — но телевизор был его, а не мой.

— «Квиркбокс» это игровая приставка? — спросила я, и он кивнул.

— В общем, если вам когда-нибудь захочется поиграть, я могу подключить ее здесь. Дело одной секунды.

— Так неси, — сказала я. — Давай попробуем прямо сейчас.

— Ты лучше всех. — На его лице вспыхнула радость. — Скоро вернусь.

Дверь закрылась, и мы слышали, как костыли Хартли застучали по коридору.

— Увлекаешься видеоиграми? — спросила Дана.

— Нет. — Я усмехнулась. — Хотя...

Она расхохоталась.

— Думаю, с этого момента мы будем называть его Сердцеед. Ладно, мне пора собираться на прослушивание. — И она ушла к себе, чтобы впасть в модный кризис.

— Я просто посмотрю. Видеоигры, в общем-то, не мое, — сказала я Хартли, пока он возился со шнурами, подключая приставку. С дивана открывался неплохой вид на его зад.

— Как тебе больше нравится. — Через минуту большой экран ожил, и на льду появилась команда невероятно реалистично нарисованных хоккеистов в форме «Брюинз».

Я непроизвольно подалась вперед.

— Это же Антон Ходобин! У них даже *лица* есть?

Хартли хмыкнул.

— Ага, но я помню, что видеоигры, в общем-то, не твое. — Балансируя на костылях, он встал с джойстиком в руках перед экраном. После гудка произошло вбрасывание, которое выиграл нападающий Хартли. Его команда пошла в атаку на ворота «Айлендерс», и Хартли сделал пас своему левому вингеру.

Последовал напряженный момент: защитник «Айлендерс» перехватил шайбу. Но Хартли с удовлетворенным возгласом отобрал ее и, готовясь забить, покатыл вперед. Вратарь ринулся к нему, но тут Хартли сместился в сторону, и его плечи загородили от меня телевизор. Не думая, я оттолкнулась от дивана, чтобы обойти его.

И упала.

За долю секунды до столкновения с полом я поняла, в чем состояла моя ошибка. Такое по-прежнему случалось время от времени — в моменты, когда я по-настоящему отвлекалась. Я забывала, что больше не могу стоять без опоры, и в итоге растягивалась на полу.

Я грохнулась с глухим «бум» и вдобавок ударилась локтем о наш импровизированный журнальный столик.

Голова Хартли крутнулась ко мне.

— Черт, ты цела?

— Конечно, — с пылающим лицом ответила я. — Просто... неуклюжая, вот и все. — Я потерла ушибленный локоть. — Смотри. — Я кивнула на экран, где завладевшие шайбой «Айлендерс» прорывались к воротам Хартли. Когда он отвернулся, я быстро усадила свою задницу на диван.

Он поставил игру на паузу, потом обернулся и пристально уставился на меня.

Я опустила глаза на свои руки.

— Так, — сказал Хартли. — Внимание. — И, когда я на него посмотрела, бросил мне джойстик. — За какую команду будешь играть? — Он одарил меня широченной улыбкой — той самой, от которой у меня все размякало внутри.

— За «Питтсбург», — не раздумывая, ответила я.

— Отличный выбор, Каллахан. — Он подхватил второй джойстик и вызвал на экране меню. — Секунду, только настрою. А потом ты будешь учиться у мастера.

Я бы много чему хотела бы поучиться у «мастера». Но сегодня вечером удовлетворилась игрой под названием «Реальные клюшки».

К следующему визиту Хартли я была уже подготовлена.

— Помнишь, на что нажимать? — спросил он, вручая мне джойстик.

— *Вроде бы.*

На этот раз мы сели рядышком на диване. Уложив свой гипс на журнальный столик, Хартли нажал «играть», и двое наших с ним игроков в ожидании вбрасывания уставились друг на друга. Цифровой судья уронил между нами шайбу, и я подхватила ее своей клюшкой. А потом, сделав пас вингеру, помчалась к воротам.

Впереди показался вратарь Хартли. Я направилась к нему, целясь в правый верхний угол ворот. Игрок Хартли сместился, прикрывая его. Тогда я сделала обманное движение влево, а когда вратарь на экране, как по команде, вильнул вслед за мной, вновь перевела шайбу вправо и забила гол.

Я хихикнула под рев ненастоящей толпы.

— Каллахан, какого хрена? — Хартли поставил игру на паузу. — Ты обвела моего вратаря? — Медленно-медленно его удивленное лицо расплылось в хулиганской усмешке. — Погоди-ка... Да ты же *тренировалась!*

Я сражалась с улыбкой.

— А ты бы на моем месте не стал?

— Ну все, ты за это заплатишь! — С молниеносностью какого-то ниндзя он наклонился, поднял мою руку вверх, и, не успела я опомниться, как его пальцы уже щекотали меня подмышкой.

— Хартли! — взвизгнула я, отпихивая его руку и прижимая к боку свою.

— Думаешь, ты такая хитренькая? — Он снова потянулся к моей руке, но то была просто уловка. Выросшая со старшим братом, я знала все эти трюки и, когда его ладонь, изменив направление, нырнула к моей талии, дернула локоть вниз, защищая себя. Но тогда Хартли привстал на здоровой коленке и набросился на мою уязвимую левую сторону. Я опять взвизгнула, а он прижал к дивану мое плечо и свободной рукой нашел сразу два щекотных места.

Сверху на меня смотрели его смеющиеся карие глаза, и, заглянув в них, я ощутила прилив тепла, а потом — чего-то еще. Внезапно выражение его лица изменилось, стало более серьезным. Почти голодным.

Хихиканье замерло у меня на губах.

— Что здесь происходит? — Из соседней комнаты, застегивая сережку, вышла Дана.

Хартли отпустил меня и, откинувшись на свою половину дивана, подобрал джойстик.

И момент был нарушен. А может, и не было никакого момента. Может, я все себе напридумывала. Пока Дана улыбалась, глядя на нас, я покосилась на Хартли, но он выглядел как обычно.

— *Кое-кто* продул, — проговорила я, чтобы спрятать смущение, — и потерял самоконтроль.

— *Кое-кому* следует преподать урок, — отпарировал Хартли, включая игру.

— Запускай, — ответила я.

Дана накинула куртку.

— Мне что, вызвать няньку? Никаких драк, ясно вам?

Но мы ничего не ответили, потому что игра уже началась. На сей раз вбрасывание выиграл Хартли, и отобрать у него шайбу я не смогла. Однако моему вратарю каким-то чудом удалось упасть на нее и остановить.

— Уф, — сказала я. — Чуть не попал. — Я оглянулась, но Дана уже ушла. — Ну что, счет по-прежнему один-ноль, «Питтсбург» ведет.

— Ты еще и хвастаешься? — изумился Хартли. — Сейчас я сотру эту улыбочку с твоего лица.

Тут проснулась моя маленькая крылатая фея надежды. *Я даже знаю несколько способов, как это сделать*, многозначительно шепнула она.

Видеоигра «Реальные клюшки» стала нашей с ним темой, а соперничество «Брюнз» с «Пингвинами» переросло в мою любимую одержимость. Мы порой садились по-быстрому сыграть перед ужином даже в будние дни. Дана только качала головой и называла нас наркоманами. Увы, но наше веселье нередко прерывал сотовый Хартли. Он ставил игру на паузу и отвечал, потому что в это время суток Стася только-только готовилась отправиться спать.

— Извини, — сказал он, когда это произошло в первый раз. — Просто позже я не смогу ей перезвонить. У них там уже одиннадцать.

— Без проблем. — Вот только я говорила неправду. Потому что эти телефонные звонки были мучительными.

— На выходные в Рим? Здорово! — говорил Хартли. Тот потакающий тон, которым он с ней разговаривал, был ему не к лицу. — Мне уже жалко твою кредитку. Не забудь купить там парочку дополнительных чемоданов, а то не сможешь привезти домой все свои дизайнерские трофеи.

Я терпела эти разговоры со стиснутыми зубами. Они не только мешали моему новому любимому увлечению, но и уводили мои мысли в совершенно нежеланную степь. «Привет, секси», — так частенько отвечал на звонок Хартли. Или: «Привет, малыш». Сложно сказать, которое из этих ласковых обращений беспокоило меня больше всего. Потому что меня саму никогда так не называли.

История заключалась в том, что под влиянием вспыхнувшего влечения к Хартли я начала сопоставлять себя с такими девушками, как Стася. До несчастного случая я полагала, что рано или поздно мне на пути обязательно встретится страстный роман. Но теперь мне резало слух то, как Хартли забрасывал свою роскошную девушку комплиментами. Существовал ли на свете парень, который смог бы назвать свою прикованную к инвалидному

креслу подругу «секси»?

Я в этом сомневалась.

Частью сделки, которую я заключила с родителями, было обещание продолжить в Хакнесе курс физиотерапии. Моим физиотерапевтом оказалась женщина спортивного вида в кепочке «Патриотов».

— Зови меня Пат, — сказала она, пожимая мне руку. — Я все выходные изучала твой файл.

— Извините, — проговорила я. — Скучное, наверное, было чтение.

— Вовсе нет, — улыбнулась Пат. Я заметила, что она вся в веснушках. — Твои инструкторы нашли тебя довольно-таки интересной.

Я рассмеялась.

— Если «интересная» это эвфемизм для стервозины, то я, может быть, и поверю.

Она покачала головой.

— У тебя был очень непростой год, Кори. Все это понимают. Ну что, давай начнем?

Первым делом Пат сделала мне растяжку. Именно с этого всегда начинались занятия — с выбивающего из колеи ощущения, как с моим телом возятся, будто с тряпичной куклой. Пат разработала мне тазобедренные суставы, затем колени и щиколотки. Прежде чем попросить меня сесть, она, поколебавшись, спросила:

— Можно взглянуть на твою кожу? Никто не увидит.

Я огляделась. Дверь в кабинет была плотно прикрыта, а в окне никаких лиц не наблюдалось.

— Только быстро, — сказала я.

Пат оттянула резинку моих леггинсов и заглянула за край белья. Дело в том, что от постоянного сидения в кресле у меня могли появиться пролежни.

— Там никаких проблем.

— Я не в группе риска, — сказала я. — Это родители попросили вас проверить, да?

Она улыбнулась.

— Ты же не станешь винить их за то, что они заботятся о тебе?

Я, вообще-то, могла бы.

— Если у нас получится поднять тебя из этого кресла, — Пат дернула большим пальцем в сторону вышеупомянутого объекта, — то никто об этом волноваться больше не станет. Сколько часов в день ты проводишь на костылях?

— По-разному, — уклончиво ответила я. Если честно, я пока не придумала, как встроить костыли в свое учебное расписание. — Я еще не разобралась, насколько далеко все корпуса.

— Ясно, — проговорила она. — Но если ты планируешь принимать участие в студенческой жизни, то тебе придется научиться подниматься по лестницам. Или выбрать колледж, построенный в семидесятых. Так что давай немного поделаем жим ногами.

Я старалась не сильно ворчать. Но год назад я выжимала удвоенный вес своего тела. А сейчас... Пат поставила всего фунтов шесть (25 кг — прим. пер.), но мне все равно приходилось давить на бедра руками, чтобы платформа сдвинулась с места. У первоклассника и то получилось бы лучше.

Серьезно, какой вообще в этом был смысл?

Но Пат мое паршивое представление не смутило.

— А теперь поработаем над твоим корпусом, — сказала она. — Сильное туловище — это ключевое условие для удержания равновесия на костылях. — Ничего нового для себя я не услышала. Пат брала свои реплики из того же сценария, что и все прочие мои физиотерапевты. А их было немало.

К сожалению, ни в одном из этих сценариев не говорилось о том, что тревожило меня больше всего. Пат знала, что делать, когда мои бедра начинали вилять во время планки. Но никто и никогда не учил меня, как справляться со странными взглядами, которые люди бросали на меня при виде инвалидного кресла. Иногда я замечала в их глазах неприкрытую жалость. Это не помогало, но было хотя бы честно. Еще были Большие Улыбки. Обычно люди не разгуливают, ухмыляясь, будто маньяки, всем, кто попадает на пути, но со мной они считали своей обязанностью выдать Большую Улыбку. Это было словно утешительный приз. *Твои ноги стали почти бесполезными, так что на тебе Большую Улыбку.*

Конечно, вслух я ни о чем подобном не жаловалась. Это прозвучало бы гадко. Но последние девять месяцев стали для меня одним сплошным унижением. Раньше, когда парни пялились на мою грудь, я обижалась. Теперь я могла об этом только мечтать. Потому что, когда они смотрели на меня, то ничего, кроме инвалидного кресла, не видели.

— Еще четыре раза, Кори, — сказала Пат. — И мы закончим.

Я посмотрела в ее решительное лицо и оторвала верхнюю часть тела от пола. Но мы обе знали, что это не закончится никогда.

Глава 5

Пьяный жираф на ходулях

Кори

Сентябрь быстро сменился октябрём, и жизнь была хороша. Я успевала по всем своим курсам и с каждым днем все легче перемещалась по кампусу. Дана находилась в разгаре изматывающего процесса по вступлению в одну из групп а-капелла. Для прослушивания она выбрала «Neu There» Делайлы, и после всех ее репетиций я начала слышать эту песню во сне.

Я сама общественной жизнью пока не обзавелась, но, возможно, на это требовалось какое-то время. Моим любимым развлечением в пятничные и субботние вечера была, без вариантов, игра с Хартли в «Реальные клюшки». С началом хоккейного сезона его приятели стали появляться все реже. Они или были на тренировке, или тусовались на вечеринках в таких уголках кампуса, куда Хартли было попросту не забраться. В такие вечера он плюхался рядом со мной на диван, и мы несколько раз играли в хоккей, а после иногда смотрели кино.

— Знаешь, ты слишком полагаешься на своего капитана, — сказал как-то вечером Хартли, когда я проигрывала.

Я не собиралась ему признаваться, но причина, по которой я в тот вечер проигрывала, имела очень мало отношения к моему центральному нападающему, и очень много — к тому факту, что Хартли был без футболки. Последние полчаса я провела, стараясь не пускать слюни на его пресс.

Он открыл бутылку пива и предложил ее мне, но я, махнув рукой, отказалась.

— Дигби неплох, но на льду есть и другие игроки.

— Но он такой симпатичный, — сказала я, отложив в сторону джойстик. И то была правда — мое сердце пускалось вскачь даже от цифровой версии капитана «Пингвинов». Он был *почти* самым горячим хоккеистом из всех, что я знала. Самый горячий сидел на диване рядом со мной.

Хартли фыркнул в свое пиво.

— Ты серьезно? — Он рассмеялся, что дало мне возможность снова полюбоваться его улыбкой. — Каллахан, я думал, ты настоящая фанатка. Я не знал, что ты одна из «пак-банниз».

Я возмущенно выдохнула.

— А я не знала, что ты засранец.

Не отпуская бутылку, он примирительно поднял руки вверх.

— Эй, я же шучу.

Пытаясь унять раздражение, я закусила губу. «Пак-банниз» было уничижительным термином для женщин, которым хоккеисты нравились намного больше хоккея. Меня еще никто так не называл. Самые счастливые мгновения моей жизни прошли на площадке, а не за ней.

Хартли уложил свою сломанную ногу на столик и, точно золотистый ретривер, склонил голову набок.

— Задел за живое? Прости.

Дотянувшись до Хартли через диван, я отняла у него бутылку и сделала глоток пива.

— Мне, наверное, стоит начать разрисовывать свою физиономию и орать на судью. Раз уж я такая большая фанатка.

Я протянула бутылку обратно, но он ее не забрал. Он просто сидел и смотрел на меня — так пристально, что впору было задуматься, не научился ли он читать мои мысли.

— Каллахан, — проговорил он медленно. — Ты что, играешь в хоккей?

С минуту мы просто моргали, уставившись друг на друга. Я всегда играла в хоккей — с пяти лет. А теперь была в лучшем случае просто фанаткой. И это было по-настоящему больно.

С трудом сглотнув, я ответила на вопрос.

— Играла. Ну, до того... До того, как перестала. — Я ощутила за веками жжение. Не плакать перед Хартли в мои намерения не входило, и я сделала глубокий вдох через нос.

Он облизнул губы.

— Ты говорила, что твой отец — школьный тренер.

— Он был *моим* школьным тренером.

— Да ладно? — Не прерывая зрительного контакта, Хартли открыл новое пиво. — На какой позиции ты играешь?

Играла. Прошедшее время.

— В центре, естественно. — Я знала, о чем на самом деле он спрашивал. — Капитан. Чемпионка штата. Предложения от колледжей и все такое. — Было так тяжело рассказывать ему, что именно я потеряла. Чаще всего люди не хотели это выслушивать. Они меняли тему и спрашивали, не планирую ли я заняться вязанием или увлечься шахматами.

Но Хартли только дотянулся до меня и чокнулся своей бутылкой пива с той, которую я все еще держала в руке.

— Знаешь, Каллахан, я сразу понял, что ты мне понравишься, — сказал он. После этих слов бороться со слезами стало еще сложнее. Но я сделала долгий глоток пива и все-таки

одержжала над ними верх. Повис еще один момент тишины. — Ну так что... — наконец прервал молчание Хартли, — полагаю, это значит, что я обязан научить тебя, как переключать ракурс, чтобы ты всегда видела, где у тебя защитники. Двигай сюда.

Радуюсь перемене темы, я переместилась поближе к нему, и Хартли одной рукой обхватил меня, чтобы мне был виден джойстик, который он держал передо мной.

— Если нажать вот на эти две кнопки одновременно, — сказал он, вдавливая их большими пальцами в джойстик и глядя в экран, — то можно переключаться между обзором с позиции тренера и обзором с позиции игрока. — Уютно окруженная им, я ощущала ухом его дыхание, когда он говорил.

— Ясно, — выдохнула я. Жар его голой груди, прижатой к моей спине, невероятно меня отвлекал. — Очень... полезная функция, — добавила я, запинаясь.

Пока он показывал мне еще пару маневров, я вдыхала чистый аромат его мыла и любовалась окружающими меня скульптурными предплечьями. Об этих предплечьях можно было слагать стихи. Хартли объяснял что-то насчет блока корпусом, но я едва улавливала смысл его слов. Каждый раз, когда он говорил «корпус», я могла думать только о его корпусе у себя за спиной.

— Поняла? — закончил он, пока я пыталась глотнуть чуть-чуть кислорода. — Теперь, когда я тебя сделаю, ты больше не сможешь свалить все на незнание. — Мягко дернув за мой короткий хвостик, он отпустил меня.

А я с пылающими щеками быстро переползла обратно в свой угол дивана.

— Включай тогда, — сказала я, собрав в кучку несколько клеток мозга. — Я готова тебя размазать.

— Это мы еще поглядим, — хмыкнул он.

Вечером следующей пятницы я наткнулась на Хартли, когда мы оба заходили в МакЭррин.

— Сыграем попозже? — спросила я. *Пожалуйста?*

Он покачал головой.

— Игровой сезон начнется еще только через неделю, так что Бриджер устраивает вечеринку. Тебе тоже стоит пойти — там всего шесть пролетов. Я заставил его сосчитать. Одолеешь шесть лестниц?

Я задумалась.

— Одолею, если смириться с тем, что я буду выглядеть, как пьяный жираф на ходулях. Только менее грациозный.

Он усмехнулся.

— Это я в свои лучшие дни. Я выхожу часов в восемь и зайду за тобой. Бери Дану и всех, кого хочешь. — И он ушел к себе в комнату.

— Хочешь пойти сегодня к Бриджеру на вечеринку? — спросила я Дану, когда она наконец-то вернулась домой.

— Я бы пошла, но не могу, — сказала она. — У меня две певческие вечеринки. Поможешь мне выбрать одежду?

— Конечно, — ответила я, еще больше обрадовавшись своему решению не присоединяться ни к каким хорам. Я была не лучшим кандидатом для вступления куда бы то

ни было, где требовалось и хорошо петь, и хорошо одеваться.

Мы выбрали фиолетовый джемпер в обтяжку и угольно-черные джинсы. Все это было Дане к лицу, и при этом не создавалось впечатления, что она слишком старается.

— А в чем пойдешь ты? — спросила она меня.

Покосившись на свою хакнессовскую футболку, я только пожала плечами.

— Это пивная вечеринка в комнате Бриджера. Смысл ради этого наряжаться?

Дана закатила глаза.

— Брось, Кори. Джинсы еще ничего, но верх нужен посимпатичнее. — Она решительно направилась в мою комнату и принялась выдвигать ящики комода. — Как тебе этот топ?

— Он же розовый.

— Я вижу. Надевай давай.

Сдавшись, я бросила футболку на кровать и взяла топ, который протягивала мне Дана.

Хартли

Когда я заглянул к девочкам, то услышал голоса, доносящиеся из-за полуоткрытой двери в спальню Кори.

— Все. Теперь мне можно идти? — спросила Кори.

— Так в сто раз лучше, — щебетала Дана. — И обтягивает во всех нужных местах. Погоди-ка. Надень еще вот эти браслеты.

— Ладно, — вздохнула Кори, — потому что это быстрее, чем спорить с тобой.

— И я не отпущу тебя без помады.

— Господи, ну за что?

Тут я засмеялся, и дверь в комнату Кори распахнулась полностью.

— Я пошла, — крикнула она Дане.

— Стой! — завопила ее соседка, обшаривая Корин комод. — У тебя что, правда нет туши?

— Удачи на вечеринках, — отозвалась Кори, торопливо двигаясь на костылях мне навстречу. — *Бежим*, — одними губами произнесла она, и я открыл дверь.

Пусть и с некоторым трудом, но Кори преодолела шесть пролетов до комнаты Бриджера, что было отлично, потому что я предложить ей помощь не мог. Однако настоящая работа ждала нас на самой вечеринке. Она оказалась именно такой, как я и предполагал. Теплое пиво в пластиковых стаканчиках? Есть. Слишком громкая музыка, под которую невозможно общаться? Есть. Девчонки, липнущие к моим товарищам по команде? Есть и есть.

В комнате Бриджера было не протолкнуться от толстовок и курток с лого нашей хоккейной команды. Вокруг них крутились, заискивая, «пак-банниз». Проследовав за Кориным взглядом, я обнаружил, что о Бриджера трется какая-то поднабравшаяся девица. Кори приподняла бровь. Я только и смог, что пожать плечами. Если вам кажется, что в таких пафосных школах, как Хакнесс, «пак-банниз» не водятся, то вы в корне не правы. На каждой домашней игре присутствовал минимум один нарисованный вручную плакат с надписью «Будущие хоккейные жены». Они даже не особо скрывались.

Когда мы с Кори продрались в центр вечеринки, Бриджер выдал нам по теплой улыбке и по теплomu пиву. И вот тогда-то и выяснилось, насколько сложно с технической точки зрения пить пиво на костылях. Кори оказалась умнее, поскольку усадила себя на

подлокотник раздолбанного Бриджерова дивана, а костыли приставила к стенке, так что обе руки у нее оказались свободны.

Со своего насеста Кори разглядывала комнату, которую я делил бы с Бриджером, если б не сломанная нога. Корпусу Бомон было сто лет, и он несколько десятилетий не видел ремонта. Резные деревянные панели были исцарапаны, стены пожелтели, но все равно это было одно из самых крутейших мест, где я был. В арочных окнах стояло настоящее витражное стекло, разделенное на крошечные мерцающие прямоугольники. Под окнами тянулись скамьи из темного дуба, на которых теснились — совсем как в 20-х годах — студенты со стаканчиками в руках. Мне всегда дико нравилось это место, но сегодня оно произвело на меня удручающе унылое впечатление.

У Бриджера даже висел войлочный стяг со словами «Esse Quam Videri» над неработающим-с-шестидесятих камином. То был девиз университета: «Быть, а не казаться». Симпатичная фраза, но прямо сейчас атмосфере в комнате Бриджера больше подходили другие строки: «Показать себя, посмотреть на других и напиться».

Первое пиво закончилось быстро.

— Хочешь еще? — спросил я у Каллахана.

— Не, не очень, — с улыбкой отказалась она.

Что было кстати, потому что я вряд ли смог бы донести ее пиво, не расплескав. Зажав стаканчик в зубах, я пробрался сквозь толпу к пивному бочонку, умудрившись по пути не отдавить никому костылями ноги. Бриджер вытянул стаканчик у меня изо рта и начал его наполнять.

— Куда делся тот осьминог, который висел на тебе, когда мы пришли? — спросил его я.

Он прикоснулся к краю стаканчика, чтобы было поменьше пены.

— Господи. Пришлось отодрать ее от себя. Это сестренка Хэнка.

— Серьезно? Я думал, она сильно младше.

— В том и проблема. Ей шестнадцать, просто приехала на уикенд. Она уже переключилась на Фэйрфакса. Нашла, кого выбрать, конечно.

Я просканировал взглядом толпу. И на скамье под окном увидел девицу с глазами в кучку, которая липла к нашему товарищу по команде. Фэйрфакс с виду тоже был прилично навеселе.

— Черт. А где, кстати, сам Хэнк?

— Понятия не имею. Уже давно куда-то пропал. Кто-то, наверное, предложил ему дунуть. — Он передал стакан мне, и мы оба уставились на пьяного Фэйрфакса, который запустил девушке в рот свой язык. — Это просто ни в какие ворота, — пробормотал Бриджер. — У тебя есть телефон?

— Конечно. Подержишь? — Отдав стакан Бриджеру, я скинул Хэнку короткое сообщение. «911. Отложи бонг и приходи за сестрой».

Прихлебывая пиво, мы с Бриджером стояли и следили за дверью. Но Хэнк все не появлялся. Я снова оглянулся на счастливую парочку.

— *Пинец*. Она что, пощупала его причиндалы?

Бриджер поморщился.

— Нам надо вмешаться. Будь на ее месте моя сестра, я бы... — Он не договорил. — Она пьяная в стельку.

Да, не вмешаться было нельзя.

— Дорогу! — крикнул я, и мы с Бриджером начали протискиваться к окну. К тому

времени, как мы добрались до цели, они по-прежнему жарко пыхтели.

Я похлопал девушку по плечу.

— Прощу прощения, но тебя ищет Хэнк.

Их губы с громким чпоком разъединились.

— Чего? — невнятно отозвалась она.

— Твой брат, — сказал Бриджер, оттаскивая ее от Фэйрфакса. — Ищет тебя прямо сейчас.

— Чтоб тебя, Дарси!

Над нами навис Хэнк. Этот чувак был почти семь футов ростом (*около двух метров — прим. пер.*). Одну свою гигантскую ручищу он положил сестре на плечо, а второй поднял вверх телефон.

— Спасибо, Хартли. Я твой должник.

Я только махнул рукой, но Фэйрфакс успел это заметить и после того, как Хэнк увел свою сестру прочь, устремил свой расфокусированный взгляд на меня.

— То есть, ты теперь обламываешь меня?

Серьезно?

— Не, мужик. Наоборот. Я тебе помогаю. Малышей трогать нельзя. Таков закон.

— Ты такой ублюдок, Хартли. И *всегда* был ублюдком.

Мои кулаки непроизвольно сжались.

— Ну нет, — выпалил Бриджер и положил ладонь мне на грудь. — На моей вечеринке никаких мордобоев. Каким бы козлом ни был сегодня Фэйрфакс.

Но моя кровь уже закипела. Это проклятое слово. Почему людям обязательно нужно использовать это проклятое слово?

— Чувак, не надо, — взмолился Бриджер, удерживая меня уже обеими руками. — Просто забей. Если ты его ушатаешь, он скажет тренеру... а из этого ничего хорошего не выйдет. И, Хартли, он нарезался в ноль. Утром он даже не вспомнит об этом.

Словно в доказательство этого заявления Фэйрфакс начал оседать на скамью.

Я стряхнул с себя Бриджера, но на Фэйрфакса бросаться не стал.

— Всякое доброе дело наказуемо, — прибавил Бриджер, протягивая мне костыль, который я уронил.

Точно. Что ж, это было весело.

Не сказав больше ни слова, я развернулся и направился к Кори и ее насесту на подлокотнике. Собственно сам диван был занят двумя парочками, находившимися на разных стадиях предварительных ласк, но у стены около Кори никого не было. К ней я себя и приставил, опираясь на костыли и двумя пальцами придерживая свой полупустой стаканчик.

— Все хорошо? — мягко спросила она.

— Нога сегодня просто достала, — пробормотал я, глядя в остатки своего пива.

Кори стянула с плеча свою сумку, покопалась на дне и выудила маленький пузырек адвила, а потом, благослови ее боже, вытряхнула мне на ладонь пару таблеток.

— Ты просто прелесть, — сказал я и закинул их в рот.

— Ну-ну, — ответила она, закатывая глаза.

Я подмигнул ей, и одна из стоявших напротив «пак-банниз» — пышноволосая девица со внешностью чирлидерши, одетая в нечто, похожее на тесную блестящую майку — бросила на Кори враждебный взгляд.

— Стася реально обломала тебя, да? — спросила меня «блестящая майка».

— С чего ты взяла? — Я сильнее навалился на стену. Было всего десять вечера, а я уже конкретно расклеился.

— Ну разве справедливо, что она разгуливает по Парижу, а ты торчишь здесь, в солнечном Коннектикуте? Целый семестр *без ничего*. — Она отбросила волосы за плечо, тем самым отправив мне недвусмысленное приглашение.

Подмигнув ей, я взвесил на ладони свой сотовый.

— Для того и придумали скайп. — Девушка и ее подружка с готовностью захихикали, в то время как Кори опять закатила глаза. — Единственная сложность в том, как поместить все, что надо, в картинку. — Я вытянул камеру перед собой и, держа ее на уровне паха, сделал вид, что уменьшаю масштаб, отчего они опять взвыли от смеха. Я допил свое пиво, гадая, зачем я это сделал.

Ко мне, раздвинув девчонок, протиснулся парень, которого все называли Существом, и я как никогда был ему рад.

— Здорово, мужик. Как жизнь? — спросил я. — Знаком с младшей сестрой Каллахана?

— Приятно познакомиться. — Существо пожал Кори руку. — Тренировка сегодня была просто жесть, Хартли. Сначала нас загоняли на треке, потом чуть не убили отработкой на льду. Даже не сыграли ни разу. И скукотища, и мучение одновременно.

Я смял свой пустой стаканчик.

— Мужик, поверь, сегодня был день, когда пропустить тренировку значило не пропустить *ничего*.

— Даже так? — сказал я. Но про себя подумал: *херня*. Я бы отдал все, что угодно, лишь бы побывать сегодня на тренировке, а не валяться с огромным гипсом. На полсекунды я перевел взгляд на Кори и обнаружил у нее на лице понимающую улыбку.

Угу. В этой комнате она была единственной, кто меня понимал.

Когда Существо отвалил, Кори снова накинута на плечо лямку сумки и нашла свои костыли.

— Я, пожалуй, пойду, — сказала она.

— Я тебя провожу, — немедленно вызвался я.

Она направилась к выходу, а я, стараясь не пришибить никого своим гипсом, поковылял за ней следом.

— Тебе необязательно меня провожать, — сказала она, когда мы дошли до лестничной площадки. — Зачем два лишних раза мучиться с лестницей?

Я поморщился от боли в лодыжке.

— На самом деле, Каллахан, я просто использую тебя, как оправдание улизнуть. — С превеликой осторожностью я поставил на первую ступеньку костыль. — Ладно, можешь уже сказать это вслух. Вечеринка была совершенно бессмысленной.

— Думаешь? Если честно, она оказалась лучше, чем я ожидала. На меня никого не стошнило, и я не расквасила нос, пока поднималась по лестнице. — Каллахан соскочила на одну ступеньку вниз, потом на следующую. По сравнению со мной она была настоящей газелью.

— Видимо, вся суть в ожиданиях, — пробормотал я, штурмуя вторую ступеньку.

— Как всегда и во всем, — тихо согласилась она.

Глава 6

Веселее, чем в Диснейленде

Кори

В понедельник утром, собираясь выйти из комнаты, я обнаружила под дверью записку — сложенный вчетверо лист со словом «Каллахан». Внутри было написано: «Меня сегодня не будет на экономике, потому что утром мне ставят в колено винты. Поделишься, пожалуйста, потом своими конспектами? Х.»

Я подождала до обеда и отправила ему сообщение. *Получила твою записку. Операция? Очень сочувствую.*

Пару часов спустя он ответил. *Не надо. Наркоз это круто. Меня можно не навещать, но если вдруг соберешься, то принеси еды.*

Я: *Какой еды?*

Хартли: *ОМГ, да любой. Больничная еда похожа на рвоту.*

Я рассмеялась, потому что это была чистая правда.

Когда я просунула голову в больничную палату Хартли, то первым, что бросилось мне в глаза, было его перебинтованное колено, лежащее на аппарате, который то сгибал его, то разгибал.

— Весело тут у тебя. — По крайней мере, огромный гипс с него сняли. Остался только второй, поменьше, у него на ступне.

— Ага. Веселее, чем в Диснейленде. — Хартли повернул голову и выдал мне слабое подобие улыбки. Он был одет в больничную сорочку, а к его руке была прикреплена трубка капельницы.

Я поборола дрожь — настолько все это было знакомо.

— Извини, — сказала я. — А зачем вообще нужна была операция?

Он опять откинулся на подушки.

— Тренер по хоккею решил показать меня своему любимому ортопеду. И тот сказал, что с винтами оно заживет быстрее.

— Но... это же хорошо, разве нет?

Он пожал плечами.

— Хорошо для коленки. Но лодыжка, что с ней ни делай, быстрее не заживет. Так что я пытаюсь понять, что изменилось — кроме того факта, что теперь у меня есть стальные части тела.

— Будешь звенеть в металлодетекторах. — Я заехала подальше в палату. — Ничего, что я пришла? Я всегда ненавидела посетителей.

Хартли приподнял голову.

— Почему? Что ты имеешь против людей, которым ты нравишься?

— Не хотела, чтобы они видели меня такой, вот и все. Было так унижительно лежать на спине, немойтой и практически голой, если не считать маленького хлопкового халатика.

— Тут мы с тобой различаемся, — сказал Хартли, склонив голову набок. — Меня отсутствие душа вполне устраивает. И нагота тоже.

Я выудила из рюкзака белый бумажный пакет.

— Что ты мне принесла?

— Итальянский сэндвич и чипсы. И «гаторейд».

— Я уже говорил тебе, что ты прекрасна?

— Каждый раз, когда я предлагаю тебе еду.

— Точно. Давай сюда. — Он протянул руку, и я передала ему пакет.

Потом посмотрела на капельницу и на поступающие ему в руку лекарства.

— Тебе вообще можно есть?

— Какая разница? Я умираю от голода. — Он развернул сэндвич и откусил от него. —

М-м-м... — протянул он. — Красота.

— Я или сэндвич?

— Вы оба. — Он откусил еще. — Каллахан? Сколько времени ты пролежала в больнице?

От этого вопроса все у меня в груди сжалось. Несчастный случай не относился к вещам, которые мне нравилось обсуждать.

— Шесть недель.

У него округлились глаза.

— Это слишком долго для того, чтобы питаться реально кошмарной едой.

Я кивнула, хотя плохая еда не входила даже в первую десятку причин, по которым я не любила больницы.

— Сколько школы ты пропустила?

— Три месяца. Вернулась на последние пару недель. К счастью, я рано подала документы в Хакнесс. Так что письмо о зачислении пришло до несчастного случая.

— Но ты выпустилась со всеми?

— Как только я отправилась на реабилитацию, школьный округ прислал мне репетитора.

— Сурово.

— Разве? — Я вздохнула. — Все равно мне больше нечем было заняться. Уж лучше решать уравнения, чем просто сидеть целыми днями и думать. — Я указала на его колено. — Хочешь сказать, ты бы не предпочел прямо сейчас оказаться на экономике?

Он задумался.

— Да, но только если бы мне разрешили оставить сэндвич. — Он открыл пакет с чипсами и предложил их мне. Я взяла одну, и какое-то время мы молча хрустели. — Каково это было? Вернуться в школу в инвалидной коляске.

Я вздохнула.

— Ты всерьез собираешься заставить меня говорить на эту тему?

Он широко раскинул руки.

— Ты не обязана. Но ты же не откажешь больному...

— Это было именно так ужасно, как ты себе представляешь. Все, конечно, были со мной очень-очень милы, но легче от этого не становилось ни вот настолько. Я убивала любой разговор. Стоило мне подъехать, как люди мигом прекращали обсуждать то, что они обсуждали — выпускной или что-то еще. Им казалось, что при мне этого делать нельзя.

Минуту Хартли молчал.

— Нда. Фигово... А тебе обязательно было возвращаться?

— Нет... но дома было еще тоскливей. Родители все время были на нервах, и я подумала, что если вернуться в школу, то они смогут, ну, изводить себя немного поменьше. Мне было тошно находиться у них под микроскопом. — А теперь по-настоящему затошнило от этой беседы. — Дана сейчас тоже себя изводит. Завтра вечером станут известны

результаты прослушивания.

Хартли опять слабо мне улыбнулся.

— Да? Если завтра меня выпустят из этой тюрьмы, то я зайду посидеть вместе с вами. Ну, и конечно сыграем с тобой пару матчей в хоккей.

— Непременно, — согласилась я.

На следующий день, вернувшись около девяти вечера из библиотеки, я увидела, что дверь в комнату Хартли открыта. Я заглянула к нему и обнаружила, что он сидит с подставленным под ногу стулом у себя на кровати.

— Привет, Каллахан, — сказал он и, вырвав из блокнота листок, смял его в шарик.

— И тебе привет. — Окинув его внимательным взглядом, я отметила бледность лица и усталость в глазах. — Ты неважно выглядишь.

— Спасибо за комплимент. — Он бросил скомканную бумажку в мусорку на другом конце комнаты. И, конечно, попал. Потому что это был Хартли.

Опираясь на костыли, я зашла к нему в комнату.

— Серьезно, у тебя все нормально?

— Нет, но будет. Второй день всегда самый ужасный, разве нет? Мне надо выспаться, вот и все. Ты же знаешь, что такое больницы. — Он покосился на меня снизу вверх.

— Да уж. — Осторожно, стараясь ничем не толкнуть его, я присела с ним рядом. — Сколько раз они будили тебя, чтобы проверить твои показатели?

— Не знаю. Сбилсся со счета. — Он наклонился к полу за бутылкой воды и допил то, что в ней оставалось. — Каллахан, ты не могла бы налить мне еще?

— Конечно, сейчас. — Я вскочила и, подцепив петлю у горлышка пальцем, поковыляла в ванную, где налила в бутылку воды. — Тебе уже можно снова принять ибупрофен? — спросила я, заметив стоящий на раковине пузырек.

— Черт, еще бы, — сказал он.

Я вытряхнула из пузырька две таблетки и убрала их в карман. Потом принесла ему бутылку воды. На Хартли было страшно смотреть. Страдающий и уязвимый, он был совсем не похож на себя. Поддавшись внезапному импульсу, я приложила к его лицу руку. И его большие карие глаза поднялись на меня.

— Температуры, вроде бы, нет, — проговорила я быстро. — Послеоперационные инфекции — это жуткое дело.

Он закрыл глаза и позволил тяжести своей головы прислониться к моей ладони. И я замерла. Я понимала, что должна отодвинуться, хотя мне хотелось совершенно иного — обеими руками обхватить его и крепко обнять. Я бы так и сделала, если б думала, что он разрешит.

Вздохнув, я скользнула ладонью по его плечу и вложила ему в руку бутылку с водой. Когда он выпрямился, я достала из кармана таблетки.

— Всего две? — спросил он. Его голос был хриплым.

— Но больше нельзя! Сколько ты обычно принимаешь за раз?

— Три или четыре, конечно.

— Хартли, там написано максимум две.

— Знаешь что, Каллахан? Давай-ка я сейчас на тебя сяду, а ты расскажешь мне, почему

моя дозировка должна быть такой же, как у тебя. — Его рот улыбался, но до усталых глаз улыбка не добралась.

— Ну и язва ты, Хартли, — сказала я, чтобы спрятать волнение за него, и отправилась в новый поход в его ванную за третьей таблеткой.

— Спасибо тебе, — прошептал он, когда я вернулась. Потом, проглотив все таблетки, с гримасой на лице откинулся назад на руках. — Который сейчас час?

Я бросила взгляд на часы.

— Почти девять.

— Нам надо пойти посидеть с Даной, — сказал он.

Я моргнула. На мгновение я напрочь забыла о том, что сегодня Дане предстоит важный вечер. Через считанные минуты должна была начаться безумная погоня за лучшими исполнителями, во время которой группы а-капелла будут бегать по Двору новичков и приглашать к себе понравившихся им первокурсников.

— Точно. Ты уверен, что хочешь двигаться?

Он на секунду прикрыл глаза, потом снова открыл их.

— Хорошо, что это всего лишь через коридор.

— погоди, — сказала я. — Дай я сперва все подготовлю.

Я поковыляла к себе, где расчистила от книжек диван и придвинула для коленки Хартли журнальный столик. Потом меня осенило, и я вытолкнула свою инвалидную коляску через дверь в коридор и дальше к комнате Хартли. Это было идеальным решением, поскольку я ходила в библиотеку на костылях (там было всего три пролета), и мне самой коляска была не нужна.

Вернувшись к Хартли, я обнаружила его на ногах.

— Зацени, — сказала я. — Тебе даже не придется идти.

— Ну... спасибо, — вздохнул он. Толкая коляску бедром, я переставила ее ему за спину и, когда он сел, быстро поправила подножку, подняв его больную ногу повыше. Он положил руки на колеса и крутнул их. — Так вот как для Каллахана выглядит мир, — сказал он, покатав к двери.

— Дана, мы здесь! — сказала я, когда мы зашли в нашу общую комнату. — И уже девять часов. Что нам делать?

Она вышла из своей спальни.

— Просто ждать.

— Можно включить футбол? — спросил Хартли.

Моя соседка нахмурилась.

— Только без звука. Иначе я не услышу, как они постучат.

Хартли хватило вежливости не указывать на то, что мы в любом случае их не пропустим — поскольку Дана распахнула все окна, плюс наша комната была совсем рядом с входной дверью в здание. Он просто молча взял пульт. Найдя канал с футбольной игрой, он припарковал мою коляску возле дивана и начал неуклюже искать способ, как из нее выбраться.

— Здорово, ребята! — К нам зашел Бриджер — с целой сумкой со льдом. — Специальная доставка. Закину тебе в холодильник, окей, бро?

— Спасибо, мужик. Вообще он не помешал бы мне прямо сейчас.

Бриджер исчез, и Хартли вновь переключил внимание на попытки выбраться из моей инвалидной коляски.

— Можешь просто в ней и остаться, — предложила я. — Чтобы лишний раз не тревожить ногу.

Хартли обдумал эту идею, но в итоге покачал головой и, привстав на здоровой ноге, пересадил себя на диван.

— Лучше я посижу здесь, — пробормотал он.

И мне в глаза он не смотрел.

Я безмолвно откатила коляску в сторону. Но правда заключалась в том, что его реакция задела меня. Судя по всему, мысль о том, чтобы сидеть в инвалидной коляске, пока к нам будут заходить девушки из певческих групп, была для Хартли невыносима. Мне всегда казалось, что коляска превращает меня в невидимку или в объект для жалости, и Хартли, можно сказать, только что со мной согласился.

От этих невеселых мыслей меня отвлек топот ног за нашим окном. На лице Даны застыло радостное волнение.

Быстро подхватив костыли, я дошла по коридору до входной двери, открыла ее, и мимо меня побежали к нашей комнате двенадцать девушек в красных футболках. Они взялись за руки и запели песню Ареты Франклин «Respect» еще до того, как я успела вернуться обратно.

Как только песня закончилась, девушки спросили Дану, хочет ли она стать членом «Нежных нот». Я затаила дыхание, поскольку не представляла, каким будет Данин ответ. Я знала, что на первом месте у нее стояла другая группа. Впрочем, они пришли к ней относительно рано, а значит по-настоящему хотели ее к себе.

— Возможно, — быстро сказала она. Допустимыми ответами были «да», «нет» и «возможно», но после девяти вечера — то есть, всего через сорок пять минут — группа имела право, если хотела, отдать место другому.

— Мы надеемся, что ты изменишь «возможно» на «да»! — Запевала вручила Дане карточку со своим телефоном, и девушки отправились обходить следующих кандидатов.

— Блин, — пробурчала Дана, когда они вышли. — Может, надо было просто ответить «да»? — Она снова заняла позицию у окна. — Я ужасно хочу «Что-то с чем-то», — прошептала она. — Но к ним так сложно попасть.

— Мне бы тоже хотелось получить что-то с чем-то, — ухмыльнулся Хартли, закинув руки за голову.

— Хартли! — вскричала Дана.

— Обезболивающие, похоже, неплохо вставляют, — пробормотала я.

В комнату возвратился Бриджер. Получив от него пакет, полный льда, Хартли начал было прикладывать его к колену. Но тут у него зазвонил телефон. И даже то минимальное движение, которое ему пришлось сделать, чтобы вытащить из заднего кармана мобильный, заставило его поморщиться от боли. Взглянув на экран, он сбросил звонок.

— Не поздновато для Стаси? — спросил Бриджер.

Хартли пожал плечом.

— Напилась, наверное, и звонит мне из какого-то клуба. Я не могу справляться одновременно и с ней, и с болью.

Бриджер фыркнул.

— Можешь напомнить, почему ты хранишь верность кому-то, кто даже не знает, как утешить больного мужчину?

— Бридж, не лезь в это. — Голос Хартли был изнуренным.

— Окей. Но раз уж ты выступаешь обязательства с такой привлекательной стороны, больше не жарь меня на тему кучи подружек. — Он сел на диван.

— Я не хочу тебя жарить, Бриджер. Ты не в моем вкусе.

— Спасибо за красочный образ, — отпарировал Бриджер, и я засмеялась.

Дана, похоже, не слышала ни слова из нашего разговора. Она все мяла в руках карточку и расхаживала из угла в угол. Ее собственные феи надежды явно работали сверхурочно, нашептывая слова ободрения и сражаясь со страхом.

— Дана, держись там, — сказал Бриджер, а потом показал на экран телевизора. — Чувак, а где звук?

Хартли только покачал головой.

Довольно долго ничего не происходило. Только «Патриоты» забили тачдаун. Пока медленно утекали минуты, Дана попеременно пыталась то протереть дыру в нашем новом ковре, то изорвать в лохмотья карточку, которые дали ей «Нежные ноты». Хартли, между тем, стало лучше, и он больше не делал при малейшем движении странные мучительные гримасы.

На меня же свалилась эмоциональная перегрузка. Было так сложно удержаться от того, чтобы не начать обнимать их обоих. От нервного напряжения Дана выглядела несчастной и вымотанной. Нет, я точно правильно сделала, решив не присоединяться к певческим группам. Ожидание результатов прослушивания было каким-то средневековым самоистязанием, во время которого мир уведомлял тебя, насколько ты ему нужен.

Кому это надо? Уж лучше получать отказы мелкими порциями. Регулярную дозу своих я получала изо дня в день — в виде выражения на лице Хартли от идеи посидеть в инвалидной коляске или в виде Больших Улыбок от людей, которые не знали, что мне сказать. Я смотрела на Дану, на ее рассыпающуюся браваду и спрашивала себя, зачем покупать проблемы, когда они выдаются бесплатно?

Только я начала задаваться вопросом, сколько еще продержится Дана, как из-за окна опять послышался топот, и все мышцы в теле моей соседки напряглись. Раздался стук во входную дверь. И Бриджер, вскочив, выбежал в коридор, чтобы впустить их.

К нам в комнату ворвалась стайка девушек в лиловых футболках. Взявшись за руки, они запели разложенный на четыре голоса спортивный гимн нашего колледжа, и лицо Даны засияло, как елка в Рождество у Рокфеллеровского центра.

— Дана, ты согласна стать новым членом «Что-то с чем-то»? — спросила запевала, когда песня закончилась.

— Да! — взвизгнула Дана.

Парни захлопали в ладоши, а я обняла ее. От радости ее даже немного трясло.

Внезапно уроки этого вечера повернулись ко мне такой стороной, от которой мне стало больно. Риск, предпринятый Даной, окупился сполна. Она нашла своих. Большая толпа девчонок в лиловых футболках, которые обнимали ее, не была миражом. Я была искренне счастлива за нее и улыбалась во все лицо.

Вот только чего мне стоила эта улыбка.

Твой образцовый парень Кори

К тому времени, когда листья совсем пожелтели и покраснели, почти все промежуточные экзамены были закончены. Я блестяще сдала испанский и с грехом пополам справилась с математикой. Моим любимым предметом теперь была экономика, поскольку по понедельникам, средам и пятницам я сидела в инвалидном уголке вместе с Хартли. А после занятия мы вместе шли на обед.

Единственным темным пятном была еженедельная физиотерапия.

— Ну что, как мы ходим по лестницам? — как всегда спросила у меня Пат.

— Нормально. Небыстро. — По какой-то непонятной причине физиотерапия превратила меня в человека, изъясняющегося односложными предложениями.

— Потренируемся? — сказала она.

— Давайте, — с каменным лицом ответила я.

Пат вывела меня на лестничную площадку, на которой я никогда не была.

— Окей, начинай, — сказала она. — Посмотрим на твою технику.

Я по очереди поставила костыли на первую ступеньку, потом подтянула к ним ноги. Потом повторила все заново. И еще раз. Но на седьмой ступеньке я оглянулась на Пат.

Это было ошибкой.

Я вдруг отчетливо осознала, насколько легко будет споткнуться и полететь по семи бетонным ступенькам. Я, будто наяву, увидела, как мое тело скачет по их острым углам. *Падение на спину.* Вот, что ужасало меня.

Внезапно я застряла на середине лестницы. Подниматься вверх я боялась, а развернуться и спуститься вниз не могла.

И тогда Пат встала у меня за спиной.

— Я тебя подстрахую, — сказала она, положив ладонь мне на лопатку. — Давай. Осталось чуть-чуть.

Потее, я вновь начала карабкаться вверх. После каждой ступеньки Пат касалась моей спины, чтобы я знала, что она по-прежнему сзади. На площадке мы обе остановились.

Пока я отдувалась, Пат с задумчивым видом похлопывала себя пальцем по подбородку.

— Я знаю, что тебя учили ходить на двух костылях, — наконец сказала она, — но, возможно, с опорой на один костыль и перила у тебя получится лучше. — Она подвела меня к лестнице и забрала правый костыль.

Второй пролет дался мне легче, потому что я мертвой хваткой вцепилась в перила.

— Вниз спустимся на лифте, — объявила Пат, когда я добралась до верха. Она отдала мне костыль и нажала на кнопку.

Мрачная и взмокшая, я пошла за ней в кабинет физиотерапии, где она посадила меня на мат и сняла с меня скобы.

— Понимаешь, Кори...

Я терпеть не могла, когда люди начинали разговор с этой фразы. После нее почти всегда начинались увещания.

— ...Чем чаще ты будешь ходить, тем лучше начнешь себя чувствовать. У твоего прогрессирования еще остался запас. Я знаю, что при ходьбе ты ощущаешь себя неуклюжей, но есть кое-какие потрясающие вещи, которые смогут сделать твою походку естественнее.

— Например? — Моя «походка» с прямыми ногами была *очень* далека от естественной.

— Есть новые скобы, которые, когда надо, сгибаются или фиксируются. Мне кажется, ты довольно неплохой кандидат. Но производитель ставит условие: согласиться на восемь месяцев терапии на них.

— Если для того, чтобы они заработали, нужна восьмимесячная терапия, то чем они хороши?

Пат улыбнулась улыбкой человека, который старается быть терпеливым.

— Я думаю, эти скобы могут творить чудеса. Но ты должна тренировать свое туловище, торс и ягодичы, чтобы они тебе помогали. Подумай над моими словами, а пока давай-ка поползаем.

Я бросила на Пат измученный взгляд, потому что ползание было самым выматывающим из наших с ней упражнений.

— Руки на мат, пожалуйста, — сказала она.

Вздохнув с плохо замаскированным раздражением, я развернулась и поставила ладони на мат. Потом, как кошка, выгнула спину и с помощью своих ослабших конечностей встала в нечто похожее на четвереньки. Пат поправила мои отказывающиеся сотрудничать ноги.

— Начинай, — сказала она. — Осталось всего восемь минут.

Я переставила руку вперед.

— Проще переставлять руку и одновременно ногу с другой стороны, — сказала мне Пат. — Давай покажу. — Она опустилась на четвереньки и продемонстрировала, как правильно снимать вес с ноги, которую я хочу передвинуть.

Дверь в кабинет физиотерапии открылась, и чей-то голос сказал:

— О, клево. Женщины на четвереньках.

— *Мистер* Хартли. — Голос Пат был ледяным. — Высказываться подобным образом обо мне или о моих пациентах недопустимо.

— Не беспокойтесь, Пат, — сказал Хартли. — У вас будет целый следующий час на то, чтобы меня наказать, а Каллахан потом накажет меня в «Реальные клюшки».

— Еще как накажу, — отозвалась я, усадив задницу на свои полубесполезные ноги, что по причинам кровообращения было категорически запрещено. Врачи в реабилитационном центре начинали истерить, даже если я садилась на ноги всего на секунду.

— Продолжай, Кори, — сказала Пат. — Нужно, чтобы ты доползла до конца мата.

Но я колебалась. Мне *очень* не хотелось, чтобы Хартли смотрел, как я ползаю, точно пьяная, да еще с задранной задницей. Я посмотрела на Пат и еле заметно покачала головой.

Пат на секунду задержала на мне пристальный взгляд. Потом обернулась:

— Хартли, ты не мог бы оказать мне услугу? Будь добр, сходи вниз и заberi мою почту. Мне должно прийти кое-что важное. Все равно до начала у нас еще есть пара минут.

— О-кей... — медленно протянул он. — Может, заодно еще что-нибудь сделать? Сбегать за кофе? Или в химчистку?

— Нет, это все, — ответила Пат.

Когда он вышел, я подняла задницу в воздух и, приготовившись ползти, вполголоса проговорила:

— Спасибо.

— Без проблем, — вздохнула она.

— Кстати, Кори, — сказала Дана, надевая куртку. — Ты слышала, что на следующей неделе будут танцы «Сделай соседа»?

Хартли уже загрузил нашу хоккейную игру, но играть мы еще не начали.

— О, это всегда дико весело, — сказал он. — В прошлом году я устраивал свидание Бриджеру. Приковал его наручниками к дереву во дворе, а ключ отдал его паре.

— Звучит... интересно, — откликнулась я. — Дана, а ты пойдешь? — Хотя, раз она подняла эту тему, ответ, очевидно, был утвердительным.

Она пожала плечами.

— Там может быть весело. А ты не хочешь пойти? Какие парни в твоём вкусе? У тебя есть идеал?

Хартли вручил мне джойстик.

— Для Каллахана существует только один мужчина, и он недоступен.

Тут мое сердце пустилось вскачь, точно пони, и я даже ощутила вкус желчи во рту. Потому что была уверена: Хартли знает о моих чувствах к нему и собирается сказать это вслух.

— У «Питтсбурга», видимо, сегодня игра, — продолжил Хартли, — иначе, пригласи ты их капитана, он уже на всех парах летел бы к тебе.

Мой сердечный ритм начал снижаться к норме.

Дана хихикнула.

— Тебе нравится капитан «Питтсбурга»? Сейчас погуглим его. — Она склонилась над моим ноутбуком, который лежал на чемодане, и застучала по клавиатуре. — О-о! — воскликнула она. — Все понятно. Он вау.

— Вот-вот, — согласилась я, а Хартли фыркнул.

— Кори? — позвала меня Дана. — Тебе звонят в «скайпе». Дэмьен. Мне ответить?

— Да, спасибо.

Дана передала ноутбук мне, и на экране материализовалось лицо моего брата.

— Привет, коротышка, — сказал он. — Что делаешь?

— Да ничего. Просто отдыхаю. Ты еще на работе? — За ним виднелась офисная мебель.

— Ага, веду роскошную жизнь. — Мой брат до поступления в юридический колледж год работал помощником юриста.

Рядом со мной на диван плюхнулся Хартли — с бутылкой текилы в одной руке и коктейльным шейкером в другой.

— Опа! Это же Каллахан! Как жизнь, мужик?

— Чувак. Почему ты не на тренировке, а в комнате моей младшей сестры?

— Ну, капитан, причина заключается в долбанном гипсе у меня на ноге. Так что теперь я могу играть в хоккей лишь на экране, а у твоей сестры клевый телек. Вот такие развлечения у нас в инвалидном гетто. — Хартли оглядел принесенные с собой припасы. — Черт, лимоны забыл. Я сейчас. — Подхватив костыли, он встал и похромал к двери.

Дэмьен, скрестив руки и сдвинув брови, подождал, пока он уйдет.

— Пожалуйста, скажи, что не встречаешься с ним.

Этим он меня рассмешил.

— Не встречаюсь. Но... господи, Дэмьен... тебе-то какая разница?

— Я бы не выбрал для тебя такого, как он.

Ну, он уже выбрал не меня, а другую, так что можешь не волноваться.

— Смешно. Дэмьен, а кого ты бы для меня выбрал?

— Естественно, никого. Ты же моя маленькая сестренка.

— Понятно.

— Пожалуйста, держись подальше от всей хоккейной команды. Они настоящие свиньи.

— Кажется, ты только что обозвал свиньей самого себя.

Мой брат широко улыбнулся.

— Просто называю вещи своими именами.

— Слушай, мне пора выигрывать в видеоигру. Давай поговорим позже?

Дэмиен нахмурился.

— Не разрешай Хартли накачивать себя алкоголем.

— Ты правда решил прочитать мне лекцию о спиртном? Давай полегче, окей? Иначе мама узнает, что на самом деле случилось с той бутылкой кулинарного хереса, которая пропала, когда ты учился в десятом классе.

Он усмехнулся.

— До скорого, коротышка.

В первой игре я победила. А потом, вместо того чтобы всласть позлорадствовать, сказала Хартли, что мне нужен совет.

— Да, тебе стоит продать своего вратаря в другую команду. Он слишком слабый. — Я наблюдала за тем, как Хартли выжимает в коктейльный шейкер лимон, потом добавляет туда текилу и ложку меда. Ему сказали больше не охлаждать колено, поэтому план был таков: истратить остатки льда, принесенного Бриджером, на «маргариты».

— Нет, правда. Насчет «Сделай соседа». Дана хочет, чтобы я устроила ей свидание. Но поскольку я живу, как в пещере, то не знаю, с кем ее лучше свести.

Он начал смешивать наши коктейли.

— Каких парней она предпочитает?

— Не знаю. Спорт ей нравится не особо. Я бы представила ее с каким-нибудь музыкантом или ботаником-театралом.

— Тогда ты обратилась за помощью не по адресу. — Он снял крышечку шейкера и процедил результат в два стакана из столовой. — Жаль, я не догадался прихватить соль. Вот, держи. — Он протянул мне стакан.

Я сделала глоток.

— Знаешь, у меня были сомнения насчет меда. Но получилось довольно вкусно.

— Держись меня, детка, и все будет хорошо.

Если б я только могла.

— Скажи мне вот что, — проговорил Хартли, сгибая колено на пару градусов и морщась. — Если Дана придет ко мне за советом насчет того, с кем лучше свести *тебя*, то что мне ей ответить? У нас в команде есть пара новичков, которые были бы не против пойти. Я, правда, не знаю, какое у них расписание игр.

Я покачала головой.

— Я не пойду.

— Не хочешь, чтобы тебя сделали?

Моему лицу стало жарко.

— Господи, вот интересно, в который раз ты говоришь эту шутку?

— У, какая ты суровая для вечера пятницы, — усмехнулся Хартли. — Слушай, там правда прикольно и можно без напряжения перезнакомиться с кучей народу. Без обид, Каллахан, но ты совсем никуда не выходишь.

Я чуть не поперхнулась коктейлем.

— Хартли, когда мне захочется, чтобы меня пошпыняли за нелюдимость, я позвоню своей матери.

— Я не шпыняю тебя, я просто не понимаю. Вот почему *мне* приходится торчать в пятницу вечером на диване и глотать адвил, я знаю. У меня ноет нога, а моя девушка на другом континенте. Я типа как в списке травмированных.

Я сделала очень большой глоток «маргариты», и у меня на языке остался мерцать вкус лимона.

— Какая хорошая аналогия. Думаю, я тоже присутствую в этом списке. Хартли, это же *танцы*. Что мне там делать?

Он покрутил в стакане коктейль.

— Ну ладно, может, это мероприятие не совсем для тебя.

— Неужели? И только подумай, с кем ты хотел свести меня. *Со спортсменом*. Он бы решил, что у тебя извращенное чувство юмора.

Хартли облокотился на спинку дивана и повернулся так, чтобы меня было лучше видно.

— Думаешь, спортсменам нравятся только спортсмены? Некоторые мои бывшие девушки считали, что нанесение макияжа сойдет за физическую активность.

Конечно, Хартли был прав, но я все равно ощущала себя непригодной для каких-либо свиданий. Все во мне было не так, как раньше. Волосы были не такой, как надо, длины, ноги начали худеть от постоянного сидения в инвалидной коляске. То, что Хартли не видел, насколько все плохо, не значило, что все хорошо.

После несчастного случая один терапевт из благих побуждений дал мне кое-что почитать о культуре тела после травм позвоночника — брошюру, полную бодрых предложений «научиться любить новую себя». Но ответов на мрачные вопросы, которые теснились у меня в сердце, я на ее глянцевого страницах не обнаружила.

Моя «маргарита», между тем, быстро заканчивалась.

— Превенная я с радостью согласилась бы на свидание с хоккеистом, — сказала я. — Но я больше не выпляжу, как раньше. И не чувствую себя превенной. — *А еще я влюблена в тебя. Но это совершенно другая проблема*. — Может, надо просто подождать еще какое-то время.

— Да, ты еще пытаешься встать на ноги. — Взгляд его карих глаз был мягким. — Надеюсь, ты не возражаешь против капельки черного юмора.

— Я его обожаю.

— Вот видишь? Ты прикольная, Каллахан. На самом деле, все не так уж и сложно.

— Все очень сложно, окей? — Текила уже начала действовать. — Абсолютно все. Я даже не знаю, на что я еще способна.

Он нахмурился.

— Что ты имеешь в виду?

— Ничего. Неважно. — Я подобрала джойстик, но Хартли забрал его у меня.

— Каллахан, ты о сексе?

Я несчастно пожала плечами.

— Я не могу обсуждать это с тобой.

— Ну а с кем тогда можешь? Просто все это выглядит довольно гигантской проблемой.

— Если можно так выразиться.

— Нет, серьезно. Когда я сказал своим друзьям, что сломал в двух местах ногу, все сказали, ну не член, и то хорошо. Так что жизнь не может быть так уж плоха.

Я пыталась не высосать свою «маргариту» до дна.

— И в том-то и состоит разница в общении у парней и у девушек.

Он обвел кончиком пальца ободок своего стакана.

— Когда ты сказала, что не знаешь, на что способна, то имела в виду...

— Хартли, пожалуйста. Для меня это непростая тема.

— Тогда добавим еще текилы. — Он забрал у меня стакан. — Так. Значит, если парень парализован, то у него больше не может встать, верно? Стася заставила меня посмотреть «Аббатство Даунтон».

У меня вырвался смешок.

— Вроде того. Но все зависит от места и от вида травмы. Бывает, что у парней в инвалидных колясках все работает просто прекрасно. Но некоторые флаг поднять могут, а вот *почувствовать* его — больше нет.

Его глаза округлились от ужаса.

— Пипец.

— Вот именно.

— Значит, у женщины...

Я покачала головой.

— Следующую тему, пожалуйста.

— Мне кажется, женщины в любом случае могут. Но если она ничего не чувствует, то, может, просто не хочет.

Я уставилась в потолок, надеясь, что продолжать он не станет.

Хартли сделал глоток коктейля.

— Каллахан, если ты не в курсе, то знай: меня смутить невозможно.

— Ну, а меня возможно, — сказала я.

Но он меня не услышал.

— Вот парень, который не знает, насколько там все работает, начал бы наяривать кулаком сразу после возвращения из больницы домой, — сказал Хартли. — Даже раньше. Как только его оставили бы одного в больничной палате. И загадка была бы разрешена.

Он начал бесить меня.

— Серьезно, ты понятия не имеешь, о чем говоришь.

— Так просвети меня, Каллахан. Раз я понятия не имею. — Он в упор уставился на меня, и у нас началась очередная игра в гляделки. Я, конечно, была очень азартной, но выиграть у Хартли не представлялось возможным. По крайней мере, если вы были мной. Потому что его шоколадно-карие глаза всегда выбивали меня из колеи и напоминали, как сильно мне хочется забраться внутрь его взгляда и никогда больше оттуда не выбираться.

Я опустила глаза в свой стакан и попыталась подобрать объяснение.

— Этот твой парализованный парень... Очень долго он будет не в состоянии понять, что работает, а что нет, потому что повреждение позвоночника — это стресс для всего организма. Какое-то время у него вообще не будет чувствительности от грудной клетки и ниже. Потом врачи примутся спорить на тему, что может восстановиться, и до жути пугать его маму с папой.

Когда я опять подняла лицо, то увидела, что Хартли глядит на меня спокойным,

прозрачным взглядом.

Вопреки моей воле у меня в горле начало становиться тесно и горячо.

— Ну, а твой образцовый парень? У него к причиндалам приделан катетер, окей? И он не знает — и не будет знать, может, много недель, — сможет ли когда-нибудь по-нормальному ходить в туалет по-большому. — Я залпом осушила стакан. — На то, чтобы все улеглось и опять заработало, требуется немалое время. Да и потом твой парень все равно будет переживать из-за всего. Даже самому озабоченному типу придется сделать перерыв в дробке. Просто чтобы не спятить.

Выражение лица Хартли смягчилось.

— Хреновый расклад для нашего гипотетического друга.

— Гипотетически — да.

Мы на минуту умолкли, но молчание не было неудобным. Мои плечи снова начали расслабляться. С Даной я никогда не делилась кровавыми подробностями своей травмы — не хотела напрашиваться на жалость. Но Хартли каким-то образом сумел развязать мне язык. Оставалось надеяться, что впоследствии я об этом не пожалею.

Какое-то время мы прихлебывали наши коктейли, пока Хартли в итоге не положил мне на колени джойстик.

— Давай проверим рефлексы твоего вратаря после двух «маргарит».

— Да, давай, — согласилась я.

Глава 8

Но тебе не стоило

Хартли

Пока я сидел и просматривал свои конспекты по биологии, ко мне в дверь постучали.

— Войдите! — Я думал, что сейчас ко мне зарулит Кори, чтобы помучить меня насчет пары моих поражений во вчерашние «Реальные клюшки». Но за дверью оказалась Дана. — Что такое?

Она запрыгнула в комнату и закрыла за собой дверь.

— Я хочу организовать вечеринку.

Я бросил тетрадку на стол и переключил все свое внимание на нее.

— Похоже на план. А по какому поводу?

— В общем, у Кори в пятницу день рождения. — Она уселась ко мне на кровать. — Но мы не устраиваем праздников в честь дней рождения, потому что это для пятилеток.

— Само собой.

— И все-таки я хочу закатить вечеринку, потому что... давно пора, правда? У нас ведь такая шикарная комната. Так что в качестве подарка я сделаю целое море своей знаменитой сангрии. И мы пригласим всех наших знакомых.

— Круто. А что требуется от меня?

Дана замаялась.

— Ну... ты свободен в пятницу? Потому что с тобой Кори знакома ближе всего.

— Ни за что в жизни не пропущу. В семь у хоккейной команды домашняя игра. Могу привести часам к десяти Бриджера и еще кого-нибудь из нашей банды.

Она хлопнула в ладоши.

— Отлично! И вот еще что...

— Собираешься попросить нас купить алкоголь?

Дана усмехнулась.

— Как догадался?

— Потому что твой поддельный ID настоящая липа, а у Каллахана и такого нет. — Я подобрал телефон, чтобы скинуть смс Бриджеру. — Сделай заказ в винном на Йорк-стрит, и Бридж в пятницу вечером его заберет.

— Хартли, ты супер! — Она соскочила с моей кровати и умчалась за дверь.

Как и ты, Дана. Игра в рулетку, когда тебе давали соседа по комнате, не всегда была добра к первокурсникам. Но Дана была классной, и Кори с ней повезло.

Когда в пятницу после игры я подошел ко входу в МакЭррин, оттуда в вечернюю темноту уже летел смех и приятные звуки музыки.

— Парни, сюда.

Дюжина хоккеистов последовала за мной в комнату Кори. Там уже собрались Данины подружки из «Что-то с чем-то» и еще несколько первокурсников. На фоне играли «Mumford & Sons».

— Добро пожаловать! — Дана помахала нам черпаком. — Сангрия здесь. — Она стояла над большим пластмассовым тазиком, рядом с которым возвышалась груда стаканчиков.

Я взял у нее сангрию.

— Круто. А где именинница?

Она показала вглубь комнаты, где Кори, прислонившись к дивану, благодарила Бриджера за доставку вина.

— Да не за что, Каллахан, — сказал Бриджер. — Пойду-ка попробую, — подмигнул он. — Сама понимаешь, контроль качества и все такое.

— Распробуй хорошенько, — сказала Кори Бриджеру вслед.

— С днем рождения, красавица. — Не успев подумать, я привлек Кори в свои объятия, и это было по-настоящему классно, но потом я почувствовал, как она напряглась, и отклонился назад, надеясь, что не сделал ничего оскорбительного. Конечно, обнимашки были у нас не в ходу, но я всего лишь хотел поздравить ее с днем рождения.

— Ты ходил на игру, — прошептала она.

И тогда я все понял. Она уловила, чем пахнет от моей куртки — ощутила до боли знакомое дуновение ледяной стружки. Всего несколькими часами ранее я испытал то же самое чувство, когда впервые за месяцы попал на каток. С этим запахом не могло сравниться ничто на земле.

Я расслабил руки.

— Да. Вызвал калекомобиль. Ты тоже хотела пойти?

— Не, — быстро сказала она, стараясь спрятать свою реакцию. — Но кто победил?

— Естественно, мы. И теперь мы готовы праздновать.

Кори огляделась по сторонам.

— Всех этих ребят привел ты? Здорово.

— А то. Было, конечно, непросто затащить их на вечеринку со спиртным и кучей поющих девчонок, но у меня получилось. Слушай... я сейчас вернусь, ладно? Только куртку сниму. — Отпустив Каллахана, я похромал в ее спальню, где сбросил куртку и уже потянулся

было к карману, как вдруг зашел Бриджер.

— Салют, мужик. — Бриджер бросил свою куртку на кровать Кори.

— Неплохо сегодня сыграли, — сказал я, что было неправдой. Однако бесполезному травмированному игроку стоило оставить критику при себе.

— Ну... так, — ответил он. — Главное, выиграли. Могло быть и хуже. Зато теперь вон та рыжая просит глазами, чтобы я ее трахнул.

— Так поспеши к ней. — Надо было, чтобы Бриджер ушел и не мешал мне тайком достать из куртки подарок для Кори.

— Ага, — сказал он, но не сдвинулся с места. — Слушай, а что у вас с Каллахан?

Такого вопроса я точно не ожидал.

— Крепкая дружба — и все. — Я пожал плечами со всей небрежностью, какую только получилось изобразить. Бриджер был не способен понять меня. Он не водил дружбы с девушками. Его стиль взаимодействия с ними был очень простым: обмен телесными жидкостями и до свидания.

— Вы с ней прямо как два голубка. — Бриджер сложил руки на груди. — После Стаси она будет большим шагом вперед.

— Как мило с твоей стороны, засранец. Когда Стася в следующий раз позвонит, я передам ей, что ты ее любишь. — Бриджер не делал тайны из того, что не являлся президентом фан-клуба моей девушки. Увы, это чувство было взаимным.

Бриджер примирительно поднял руки вверх.

— Просто высказал наблюдение. Кори намного больше отвечает твоим вкусам, чем Стася.

С этим было сложно поспорить. До принцессы Стаси я всегда западал на спортсменов. И не просто на каких угодно спортсменов. Нет, было что-то невероятно сексуальное в хорошеньких девушках, которые умели обращаться с футбольным мячом, а также не возражали против похода на игру «Брюинз». Но это к делу не относилось.

— Стася никуда не денется, Бридж. — Ему лучше было с этим смириться.

— Очень жаль. — Он развернулся и вышел из комнаты.

Вновь оставшись один, я достал из кармана куртки подарок и положил его на подушку. Черт, если бы Бриджер знал, что в коробке, он бы никогда не поверил, что мы с Кори просто друзья. Когда она откроет ее, то покраснеет, как помидор. Подарок был типа как шуточным и типа как нет. Я надеялся, она поймет, почему я его выбрал, — с учетом той напряженной дискуссии, которая случилась у нас неделю назад.

— Хорошая вечеринка, — сказал я ей, когда вернулся в общую комнату. Вечеринка и впрямь была неплохой — комната бурлила разговорами и энергией.

К сожалению, я был не в настроении веселиться. Последние два часа я потратил на попытки не завывать от расстройства. Мало того, что мне пришлось заплатить пятерку за право посмотреть игру своей же команды из студенческой секции, так они еще еле-еле выдержали победу, размочив ничью за пятнадцать секунд до гудка. Не существовало чувства ужасней, нежели смотреть, как твои товарищи по команде мучаются без тебя. А холодный воздух катка все это время медленно замораживал мою ногу до состояния пульсирующей болью сосульки.

Было эгоистично позволять себе подобные мысли, но что мне сейчас действительно было необходимо, так это провести пару часов с Кори наедине. И ощутить на себе тот теплый взгляд, который я всегда получал от нее, когда заходил в ее комнату.

Как бы ни расценил это Бриджер, мне был необходим укол моей Кори.

Я плюхнулся на пустой диван и похлопал по подушке рядом с собой. Она посмотрела вниз, подсчитывая, сколько усилий придется затратить, чтобы взять костыли и переместиться с подлокотника на диван. Математика на костылях: вводный курс. Я тоже занимался ею изо дня в день.

Решив избавить Кори от всех этих сложных действий, я дотянулся до нее и подхватил за бедра. Через полсекунды она с изумленным лицом приземлилась рядом со мной.

— Хорошо, что там было немного, — сказала она, заглянув в свой стаканчик.

— Да уж. — Я уложил свою ноющую ногу на журнальный столик. — Поговори со мной, Каллахан. Есть новые сплетни?

— Ого, — сказала она. — Посмотри-ка на Бриджера. А он быстро работает.

Я поднял лицо. Ну конечно — Бриджер уже увлеченно обжимался в углу, слившись губами с одной из поющих подружек Даны. Потерев больную ногу, я усмехнулся.

— *Очень* быстро, и не с только с дамами. Бридж за один день успевает больше, чем большинство людей за неделю. Ты знаешь, что он на программе, где ты получаешь степень магистра одновременно со степенью бакалавра?

— Правда? — Кори выгнула бровь в сторону угла, где Бриджер чуть ли не ел лицо рыжей девушки. — Как он находит время?

— В отличие от нас, нормальных людей, Бридж никогда не спит. А когда заканчивается хоккейный сезон, он три ночи в неделю водит грузоподъемник на складе.

— Серьезно? Вы с ним давно знакомы, да? — Она облокотилась о спинку дивана и повернулась ко мне лицом. Кори всегда отдавала мне всю полноту своего внимания, словно никого больше в комнате не было.

— Угу. В школе мы с Бриджем играли в одной лиге. Плюс мы оба состоим в одном клубе.

— В каком?

Моя улыбка, наверное, больше напоминала гримасу.

— В бедняцком. Бридж вырос в десяти милях отсюда, по ту сторону индустриального пустыря. — В то время, как кампус колледжа был замечательным, окружающий его город был настоящей дырой. — И мой родной город тоже не лучше. Когда я приехал в Хакнесс, то обалдел от всех этих денег.

Кори задумчиво сделала глоток сангрии.

— Но в Хакнесе студенты живут в общежитиях и едят в общей столовой. Этим-то он мне и нравится. Здесь неважно, кто богат, а кто нет.

Я покачал головой.

— Подожди до весны, когда народ начнет спорить, на какой из Карибских островов лучше отправиться на каникулы.

— Лично я проведу их в солнечном Висконсине.

— Ну а твоя подружка Дана наверняка полетит на Санта-Крус или Сент-Джон. Готова поспорить на деньги.

Корин взгляд переметнулся к ее соседке в другом конце комнаты.

— Ну вообще у ее семьи есть дом на Гавайях.

— Видишь, о чем я? На первом курсе мне кто-то сказал, что у него есть второй дом на озере Тахо, а я, помню, подумал: «Странно. Зачем людям два дома?» Я, блин, тогда понятия не имел. Тут тебе дают отличное образование во всех смыслах этого слова.

— Чувак. — Рядом возник Бриджер. Наклонившись, он вполголоса спросил у меня: — Где ты держишь своих вратарей? У меня кончились.

Хмыкнув, я отвесил ему тычок в плечо.

— В тумбочке, где же еще. Бери, не стесняйся.

— Потом все верну. — Бриджер выпрямился.

Мог и не возвращать. Все равно в ближайшем будущем презервативы были мне не нужны.

— Чувак, только это... Перенеси вечеринку куда-нибудь в другое место, окей? — Обнаруживать у себя в кровати Бриджера, трахающего какую-нибудь девчонку, мне совсем не хотелось. Когда мы были соседями, это случалось не раз и не два.

— Заметано. — Бриджер вышел и через полминуты вернулся за своей сегодняшней девушкой. Они постояли немного посреди комнаты, обмениваясь слюной, а потом вместе ушли.

Кори посмотрела им вслед.

— Погоди... вратари? — Я смотрел, как на ее лице проступает догадка, а потом она фыркнула и смущенно захлопнула рот ладонью. Но в ее глазах плясал смех. — Окей, — сказала она, когда отдышалась. — А я-то думала, брат научил меня всему хоккейному сленгу. Но, очевидно, я ошибалась.

— Да? — Я откинул голову на диван. — Он упустил очень хорошее слово.

Кори усмехнулось.

— Была бы у тебя младшая сестра, ты бы понял. По крайней мере, так мне говорили.

Точно. Я ощутил в животе знакомый укол. Если б жизнь сложилась иначе, у меня на самом деле была бы младшая сестра. И два брата. Но я оттолкнул эту мысль.

— Я все понимаю. Твой брат считает, что его маленькая сестричка не должна думать о подобных вещах.

На ее губах заиграла озорная усмешка.

— Хартли... скажи-ка мне правду. Насколько озабоченным был мой брат?

— Ну, по шкале от монаха до Бриджера... — Я развел руки в стороны, и Кори хихикнула. — Я бы сказал, ровно посередине.

— Выпьем же за заурядность, — сказала она, поднимая стаканчик.

— Давай.

Осушив свой стаканчик, Кори показала на темный экран телевизора.

— Как думаешь, кто-нибудь начнет возражать, если мы проверим хоккейный счет? Вряд ли я смогу дотерпеть до конца вечера, не зная, как проходит разгром твоих «Брюинз».

Она перевела свои голубые глаза на меня, и у меня по какой-то непонятной причине кольнуло в груди.

— Включай, именинница. Пусть мне и не хочется, чтобы в свой главный праздник ты впадала в депрессию. Потому что в этой игре тебе точно не победить.

— Не мне, а тебе. — И она с широченной улыбкой начала искать пульт.

Кори

«Пингвины» *размазали* «Брюинз» со счетом 4:1. В какой-то момент мне даже показалось, что Хартли вот-вот начнет лить в свой стаканчик слезы.

Впрочем, победа «Пингвинов» не стояла на первой строчке подарков, которые я хотела

бы получить в день рождения. Подарком, о котором я мечтала по-настоящему, был фанат «Брюинз», который сидел на диване рядом со мной.

Хартли остался до самого конца вечеринки. Потом чмокнул меня в макушку и еще раз сказал «с днем рождения». А потом мы с Даной снова остались одни.

— Давай оставим уборку на завтра? — зевнула она.

— Без вопросов, — сказала я, мысленно поклявшись сделать всю уборку самостоятельно.

Я уступила ей очередь в ванную, а когда наконец добралась до постели, то обнаружила у себя на подушке небольшую красную коробку. Сверху черным маркером было написано: «Мистер Дигби».

Что?

Я подняла крышку. Внутри оказался лиловый пластиковый предмет в форме толстой сигары и около шести дюймов длиной. Мне потребовалось несколько долгих секунд на то, чтобы понять, на что я смотрю.

Это был вибратор.

— О боже, — сказала я вслух. Можно было предположить, что на столь странную идею с подарком Хартли навел наш неловкий разговор о сексе после паралича. Хотя в комнате никого больше не было, я ощутила, как по моим щекам и шее расплзается жар.

Черт. Когда человек оставляет тебе подарок, ты обязан как минимум подтвердить, что все получил. Ррр! Хартли не мог не знать, что смутит меня. Может, на то он и рассчитывал?

Сказать ему лично я не могла. Никак. Пришлось выпутываться иначе. Я написала ему сообщение. И на мою удачу он сразу ответил.

Кори: ...Хартли?

Хартли: *Да-да, красавица?;*)

Кори: *Эм... может, не стоило?*

Хартли: *Я подумал, что, раз тебе понравились «Реальные клюшки», то и второе мое любимое хобби тоже может вызвать у тебя интерес.*

Я покраснела еще сильнее — если такое вообще было возможно. Девушка посмелей ответила бы: «Спасибо за красочный образ». Но я такой девушкой не была.

Кори: *Какой ты... заботливый?*

Хартли: *Эх, жалко, я сейчас не вижу твое лицо.*

Кори: **фейспалм**

Хартли: *Я уже говорил, что меня невозможно смутить?*

Кори: *И ты не шутил.*

Хартли: *Спокойной ночи, Каллахан. Отличная вечеринка.*

Кори: *Спокойной ночи, Хартли.*

Глава 9

Мир в королевстве

Кори

— Каллахан, что случилось? — спросил меня Хартли, пока мы медленно шли на обед.

Я засунула сотовый в сумку и догнала его.

— Ничего. Мама расстроилась, когда я сказала, что не хочу на День благодарения прилетать домой.

— Почему нет?

Я пожала плечами.

— Слишком много самолетов, поездов и автомобилей ради нескольких дней. — Перелет в инвалидном кресле был мучением, особенно потому, что студентам Хакнесса приходилось добираться до аэропорта на автобусе. Мне просто не хотелось связываться со всей этой морокой.

— В кампусе все вымирает на праздники. Ты не захочешь торчать тут одна.

— Я и не буду одна. Дана не уезжает в Японию. Так что мы потусуемся вместе. Кафе медицинского факультета на праздниках будет открыто.

Хартли перестал ковылять к столовой.

— Ты не станешь праздновать День благодарения в кафе медицинского факультета. — Он достал из кармана свой сотовый и нажал пару кнопок, потом поднес его к уху.

Я, понятно, остановилась и стала ждать его, потому что человек не может идти на костылях и одновременно разговаривать по телефону.

— Мам, привет. Мне надо привезти на День благодарения еще пару друзей.

— Хартли! Не надо...

Он помахал рукой, чтобы я замолчала.

— Не волнуйся. Она по-прежнему благополучно находится за океаном. Эти друзья совершенно нормальные. Никто не станет ждать икру или, там, фуа-гра. — Он сделал паузу. — Отлично. Люблю тебя. — Хартли повесил трубку, запихал телефон обратно в карман и снова взялся за костыли.

— Хартли, — запротестовала я. — Твоей маме не нужны лишние гости.

— Конечно, нужны. Я уже беру с собой Бриджера и его сестру. Я всегда кого-нибудь привожу, потому что живу недалеко. Единственный гость, от которого моя мать была не в восторге, это Стася. — Мы подождали, когда загорится зеленый свет, чтобы перейти улицу. — Нам с тобой, конечно, придется остаться на первом этаже. Если ты не против ночевать со мной в одной комнате.

Я не знала, что и ответить. Хотела ли я поехать вместе с Хартли к нему домой? Черт, еще бы. Но я могла представить подводные камни... в основном, ситуации, когда я выставляю себя на посмешище.

— Это страшно мило с твоей стороны, — сказала я, еще думая. — Ты сказал, у Бриджера есть сестра?

Хартли расхохотался.

— погоди. Скоро ты с ней познакомишься.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Спустя неделю я смотрела, как за окошком Бриджеровой машины проносятся сонные улочки Этны, Коннектикут. Хартли сидел на переднем сиденье и снова разговаривал с матерью по телефону.

— Мы только что свернули с шоссе, — говорил он. — Надо что-нибудь купить по пути?

Сзади, сидя между Даной и мной, прыгала на сиденье младшая сестра Бриджера Люси.

— Через реку, через лес едем в гости к Хартли мы... — распевала она. — Мы еще не приехали?

Сестра Бриджера оказалась совсем не такой, как я себе представляла, — в основном

потому, что ей было семь лет, и она была второклассницей.

— Если пнешь спинку сиденья еще раз, — пригрозил Бриджер из-за руля, — я буду щекотать тебя до тех пор, пока ты не опишешься.

— Противно, — согласилась Люси, перестав дергать ногой. Ее хвостик был точно такого же роскошного красновато-рыжего цвета, как волосы Бриджера.

— И не смей пинать Каллахана, — прибавил Бриджер.

— У меня все в порядке, — быстро ответила я.

Хартли еще разговаривал со своей мамой по телефону.

— В том надувном матрасе — дыра, — сказал он. — Но все нормально, потому что Бриджер и Люси могут занять гостевую спальню, а Дана — мою старую комнату. Каллахан ляжет со мной, потому что мы с лестницами не дружим. — Он послушал минуту. — Мам, расслабься. Заканчивай утюжить салфетки и выпей бокал вина. Мы уже подъезжаем.

Когда Бриджер свернул на подъездную дорожку, мы увидели, что мама Хартли ждет нас, сидя на качелях на крыльце старого деревянного дома. Стоило Хартли открыть свою дверцу, как она, перепрыгивая через ступеньки, сбегала вниз, поцеловала его и взъерошила ему волосы.

Она была симпатичной, с блестящими черными волосами и розовой кожей, и оказалась моложе, чем я ожидала. У нее были такие же красивые глаза, как у Хартли, только темнее.

— Добро пожаловать! — с широкой улыбкой сказала она, когда Дана выпрыгнула из машины. — Я Тереза.

— Тетя Тереза! Привет! — завопила Люси, обнимая ее за талию.

— О! Как ты выросла, — воскликнула мама Хартли. — Стала совсем большой девочкой. Собака наверху, Люси. Она будет рада тебя увидеть.

И маленькая девочка тотчас забежала по ступенькам крыльца в дом.

— Мам, это Каллахан, а это Дана.

— Надеюсь, мы вас не сильно обременим, — не могла не сказать я. — Хартли почему-то не разрешил нам остаться в кампусе.

— Вот еще! — рассмеялась она. — Только не в День благодарения.

Дана вложила ей в руки бутылку вина.

— Большое спасибо, что принимаете нас.

— Мы всегда рады гостям. Но погоди-ка, Адам, я не знала, что мисс Каллахан — это девушка. Она не захочет спать вместе с тобой.

— Мам, абсолютно все дамы хотят разделить со мной ложе.

— Хартли! — Я шлепнула его по руке, и его мать рассмеялась.

— У меня кровать размером с Массачусетс. Я не шучу, — сказал он мне, потом повернулся к матери: — Ты не уговоришь меня спать на той мерзкой кушетке. — Хартли поцеловал ее в щеку. — Как у тебя дела?

— Хорошо, — сказала она.

— Помочь тебе с чем-нибудь, пока мы с Бриджером здесь?

Она склонила голову набок.

— Было бы неплохо поменять масло в машине. Можете заняться этим на выходных. Сэкономите мне сорок баксов.

— Будет сделано, — сказал он.

Большую часть приготовлений перед праздничным ужином Тереза уже сделала: индейка почти приготовилась, а на стойке остывали два пирога.

Тем не менее, Хартли повязал на талии фартук, потом вылил в миску кварту густых сливок, достал из ящика венчик и начал энергично наворачивать им в миске овалы.

— В чем дело, Каллахан? Никогда раньше не видела, как парень взбивает сливки?

Я стряхнула с себя удивление.

— Просто не ожидала, что ты умеешь готовить.

— Я всего лишь помощник. — Хартли удвоил скорость, так что венчик стал размытым пятном, потом взял сахарницу, отсыпал немного в миску и снова начал взбивать.

Я заставила себя оторвать глаза от аппетитного вида на верхнюю часть его тела, занятую активным трудом.

— Так чем я могу помочь? — спросила я. — Готовить, хм, я не умею, но достаточно неплохо выполняю инструкции.

— Все нормально, мы управимся сами, — сказала Тереза, хотя казалось маловероятным, что в два часа дня в праздничный день для меня нет ни единого дела.

— Мам, — сказал Хартли. — Каллахан начинает психовать, когда ей кажется, что с ней нянчатся. Если хочешь, чтобы в королевстве был мир, поручи ей какую-нибудь работу.

Его мать рассмеялась.

— Извини, Кори. Просто я к этому не привыкла. Не все друзья Хартли положительно относятся к работе на кухне.

— Класс, мам, — сказал Хартли. — Не упускаешь случая подколоть ее, даже когда она на другом континенте.

Я указала на пакет с картошкой на стойке.

— Не надо ее почистить?

— Обязательно. — Тереза открыла ящик и достала картофелечистку.

Я сунула пакет с картошкой подмышку и поковыляла к кухонному столу, а там усадила себя на стул. Тереза смотрела, как я расстегиваю замки на коленях и поворачиваюсь к столу. Потом мне дали газету для очистков и миску. Чистка картошки была занятием долгим, однако я была вовсе не против.

— Адам, как проходит твоя терапия? — спросила Тереза.

— Нудно, — ответил он, еще занимаясь сливками. — У нас с Каллахан один врач. Прапорщик Пат.

— Мне терапевты напоминают дантистов, — сказала я. — Никто не стремится к ним на прием. Или, может, мы с тобой просто вредины.

— А может, все дело в Пат, — предположила Тереза.

— Нет! — решительно возразила я. — Я жутко недолюбливала всех своих терапевтов, а их было немало. — Я бросила еще одну картофелину в миску. — Хотя с возрастом я, похоже, смягчилась. С Пат я не такая злобная, какой была с остальными.

— Почему? — спросил Хартли.

— Ну, самые первые мои физиотерапевты учили меня надевать носки и пересаживаться из кресла в кровать. И меня дико бесило, что для обучения таким банальным вещам мне

теперь требуются специальные люди.

— Понимаю, — сказала Тереза.

— Хотя они знают много ловких приемов. Когда они что-то показывают — например, как подняться с пола и снова сесть в кресло, не опрокинув его, — становится очевидно, насколько тебе необходима их помощь. И от этого становится только хуже. Ты ненавидишь процесс обучения, но понимаешь, что обойтись без него невозможно.

— Засада, — сказал Хартли.

— Вы можете предположить, что я должна была превратиться в образцового пациента, раз столько лет потратила на спортивные тренировки, однако вы ошибаетесь, — сказала я им. — Так, ладно. Прекращаю ныть, — сказала я, бросая в миску картошку.

— Каллахан, ты никогда не ноешь, — великодушно возразил Хартли. — За исключением тех случаев, когда проигрываешь мне в «Реальные ключи».

— Что случается крайне редко, — сказала я, и Тереза расхохоталась.

По дому поползли чудесные ароматы. Дана с Бриджером пошли накрывать на стол, поклявшись, что в данный момент моя помощь им не нужна. Так что я села на диване в гостиной и стала листать учебник по экономике — приближались экзамены.

Передо мной с пачкой карточек в руках появилась Люси.

— Ты умеешь играть в «Уно»?

— Конечно. — Я закрыла книжку. — Хочешь сыграть?

— Ага! Ты умеешь тасовать? А то у меня не выходит. — Она плюхнулась на пол и разделила колоду на две половины.

Я отстегнула свои скобы и бросила их на пол. Потом без какой бы то ни было грации соскользнула с дивана и, приземлившись на зад рядом с Люси, расправила с помощью рук свои ноги и забрала у нее колоду. Пока я тасовала и раздавала карточки, Люси протянула руку и осторожно коснулась моей ступни.

— Каллахан? — Она посмотрела на меня с вопросом в глазах. — Ты правда совсем ничего не чувствуешь?

Я покачала головой.

— Правда. Клянусь богом. — Я смотрела, как ее палец обводит верхнюю часть моего носка. С тем же успехом она могла трогать ногу постороннего человека.

— А что чувствуешь, когда ничего не чувствуешь? — У Люси был высокий тоненький голос, приятный и звонкий. Если б такой вопрос мне задал кто-то другой, я, наверное, вся ощетинулась бы. Но ее личико светилось бесхитростным любопытством, и испытать неловкость было попросту невозможно.

— Ну, ты просто совсем ничего не чувствуешь — вот и все. Только так могу объяснить. Если я сейчас ущипну твой хвостик, ты, наверное, и не заметишь. Или ощутишь легкое натяжение, но не в том месте, где я ущипну. Вроде того.

Люси поразмыслила над моими словами.

— Как-то жутковато немножко.

Я рассмеялась.

— Так и есть. Иногда я смотрю на свои ноги и пытаюсь уговорить их пошевелиться. В больнице я занималась этим дни напролет. У меня просто в голове не укладывалось, как они

могут не двигаться. И я говорила: «Ну давайте, же, ноги! Ведь у всех остальных получается».

Люси хихикнула.

— Ты скучаешь по тому, чтоб нормально ходить?

— Ну... конечно. Но в большинстве случаев у меня получается попасть, куда надо. Пусть с лестницами мне и непросто. Коньки — вот, по чему я скучаю больше всего.

Люси нахмурилась, и ее эльфийское личико наклонилось ко мне.

— Мне нравится кататься на коньках, — сказала она. — Но я вечно падаю. Не то, что Бриджер. Вот он катается быстро.

— Продолжай заниматься, и тоже начнешь быстро кататься. Это так здорово, — сказала я ей. — Ты словно летишь. Мне до сих пор снится, как я катаюсь. Наверное, почти каждую ночь. — Я еще никому в этом не признавалась. И рот Люси не распахнулся, как от расстройства распахнулись бы рты у моих родителей, скажи я об этом им.

— А мне снится, как будто я катаюсь на лошади, — сказала Люси, разбираясь со своими карточками. Потом повернула подбородок к двери. — Что, Хартли? Ты тоже хочешь сыграть?

Я быстро подняла взгляд, но Хартли уже отворачивался. Сколько он там простоял?

— Ужин через пятнадцать минут, — сказал он хрипловатым голосом, уходя.

За столом нас было шестеро, и, пока мы передавали по кругу блюда, Тереза зажгла свечи.

— Не надо, — заспорила Люси, когда брат положил ей на тарелку фасоль.

— Съешь хотя бы три штуки, — отпарировал Бриджер. — Хартли, угадай, что на будущий год запретили в лагере?

— Дай-ка подумать, — сказал Хартли, вывалив себе на тарелку горку пюре. — Скалодром?

— Бинго, — ответил Бриджер. — Страховая компания заставила их его разобрать. Ну не бред ли?

Хартли передал своей матери блюдо с индейкой.

— Пока не объявили вне закона хоккей, жить можно.

— Вообще, я слышал, что опять пошли разговоры об ужесточении штрафов, — пожаловался Бриджер. — Что глупо. На льду люди практически никогда не получают серьезные травмы.

На этом месте я чуть не подавилась индейкой.

— Разве в прошлом году кто-то не сломал себе оба запястья? — спросила Тереза.

— Это была нелепейшая случайность, — сказал Бриджер. — Но серьезно... вы посмотрите, что творится в футболе. Кто у нас зарабатывал повреждение мозга, как там?

Дана откашлялась.

— Тереза, все очень вкусно. Огромное вам спасибо. — Я чувствовала, что взгляд моей соседки устремлен на меня.

— Не за что, дорогая.

— В том смысле, что пара переломов не идет с этим ни в какое сравнение, — рассуждал ни о чем не подозревающий Бриджер.

Напряжение на лице Даны привлекло внимание Хартли. Он перевел взгляд с нее на

меня, потом посмотрел на Бриджера. И на его лице проступило понимание.

— Бридж? — сказал Хартли, и его голос был резким. — Ты не мог бы принести с кухонной стойки вино?

Люси соскочила со стула.

— Я принесу!

— Меня тошнит, когда говорят, что хоккей — только для костоломов, — продолжал Бриджер. — Это такое вранье.

— *Чувак*, — раздраженно прервал его Хартли. — Заткнись уже, а?

Бриджер оглядел наши лица. Когда его взгляд дошел до меня, его рот сам собой распахнулся.

— О, господи.

На лице мамы Хартли, сидевшей с ним рядом, застыло выражение неприкрытого ужаса.

— Извини... — Бриджер немо затряс головой. — Я понятия не имел...

— Не стоит, — сказала я быстро. Обсуждать в День благодарения свой несчастный случай я точно не собиралась.

В эту секунду в комнату вприпрыжку возвратилась Люси.

— Вот, — сказала она, и Хартли опустил глаза на бутылку с уксусом, которую она ему протянула.

— Хм... спасибо? — Он поставил бутылку на стол.

— Эй, — сказала Люси. — Мы должны рассказать, за что благодарны. — Она забралась обратно на стул и выжидательно на всех нас уставилась.

Тереза с трудом сглотнула, а потом ее взгляд смягчился.

— Ты права, Люси. Хочешь начать?

— Хорошо! Я благодарна за... — Она задумалась, и ее маленькие бровки сошлись на переносице. — За мороженое и за то, что на праздниках нет домашней работы. И еще за маму и Бриджера. О... и за то, что на выходных начинаются рождественские передачи.

Бриджер откинулся на спинку стула. В мерцании свечей его глаза стали темнее.

— Хороший список, малыш, — ласково сказал он, и у меня в горле встал ком, когда он положил свою большую ладонь на ее маленькое плечо. — Если я следующий... — Он опять обвел взглядом стол. — Тогда я благодарен за собравшуюся здесь компанию. Потому что вы меня терпите, — добавил он с робкой улыбкой.

— Ты забрал мою речь, — сказала Дана. — Поэтому я скажу вот что: как же круто вернуться в Америку. Пока этот год складывается замечательно — как я и надеялась.

Потом пришла очередь Хартли.

— Ну, а я благодарен за адвил, за пиво, за лифты и за то, что моя мама терпит меня. Еще за хороших друзей, которые пьют пиво, ездят на лифтах и возят меня на машине. И терпят меня.

Следующей была Тереза, которая держала в сиянии свечей бокал с вином.

— А я просто счастлива видеть сегодня у себя за столом ваши чудесные лица. — Она лучисто улыбнулась всем нам по очереди. — Спасибо вам, что приехали.

Осталась одна я. Но пока я с удовольствием слушала приятные вещи, которые говорили мои друзья, мне открылось, что самой мне добавить к их словам нечего. Потому что в последнее время я была не самым расположенным к благодарности человеком на свете.

— Мне бы хотелось сказать спасибо тому компьютеру, который отвечает за выбор соседей. И за то, что сегодня вечером я сижу здесь со всеми вами.

И это было лучшее, что я была в силах сказать. По крайней мере в этот момент.

Глава 10

На этот случай придумали тюнинг

Кори

— Убирать со стола у меня получается плохо, — сказала я, перенося свой вес на край кухонной стойки, — но я могу мыть посуду или вытирать чистую.

Хартли бросил мне кухонное полотенце, а Тереза вручила мокрую салатницу.

Мимо кухни прошел с Люси на спине Бриджер.

— Я уже прочитал тебе две главы, — сказал он. — И теперь ты отправляешься спать. — Я услышала на лестнице его шаги.

— А ты сам почему не ложишься? — заупрямилась Люси.

— Сейчас выпью пива с Хартли и лягу.

— Я тебя подожду, — сказала она.

— Если будешь ждать с закрытыми глазами — ради бога, — хмыкнув, ответил он. Спустя полчаса Бриджер вернулся в гостиную — один и с двумя упаковками пива.

— Знаете, почему я вас пригласил? — спросил у нас с Даной Хартли, доставая из ящика журнального столика колоду карт.

— Почему? — отозвалась она.

— Чтобы можно было сыграть в «юкер», естественно.

Я хлопнула в ладоши.

— Да! Девушки против парней.

— Раздавай. — Бриджер открыл пиво и предложил его Дане.

— Но я не знаю, что это — «юкер», — сказала она, забирая бутылку.

— Черт, ты серьезно? А я-то думал, японские школы круче наших. — Он приложил ладони ко рту. — Эй, мам?

Тереза заглянула в гостиную.

— Звал?

— Нам нужен четвертый для «юкера». Дана не умеет играть.

— О, — сказала она, заходя. — Это лучшая игра в мире. Ты что-нибудь знаешь о «бридже»? «Юкер» — тот же «бридж», только для идиотов. Посмотришь пару партий и во всем разберешься. — Она села и взяла пиво, которое подал ей Бриджер.

Хартли по-быстрому объяснил Дане правила.

— И еще тут есть легальное жульничество.

— Погоди, — сказала Дана. — Если оно легально, то почему называется жульничеством?

— Просто запомни, что оно есть. В «юкере» можно воровать взятку. Если дилер проморгал свою очередь, то можно раздать вместо него.

— Слишком сложно, — пожаловалась Дана.

Хартли покачал головой.

— На самом деле не особенно, вот увидишь. Потому что в игре всего лишь шесть карт.

Тереза сыграла одну игру вместе с нами, и я легко «сделала» Бриджера с Хартли.

— Это была, типа, пробная партия, — сказал Хартли.

— Что? — завопила я. — Фигушки. Два очка девушкам.

— Очень азартная, да? — спросил Хартли, и Тереза рассмеялась.

— Рыбак рыбака видит издалека.

— Посмотрели бы вы, как они режутся в видеоигры, — сказала Дана. — Мне приходится выходить из комнаты.

— Представляю. — Тереза взяла колоду и начала тасовать. — Бриджер, как твоя мама? — спросила она.

Он качнул головой.

— Так себе. Но пока у нее есть работа — все будет нормально. Рабочая неделя помогает ей отвлекаться.

— Тяжело ей, наверное, — качая головой, сказала Тереза.

— Раньше я тоже так говорил. — Бриджер подобрал свои карты. — Но в какой-то момент человек должен взять себя в руки, а с ней такого не происходит. На праздниках, когда много выходных, хуже всего. Вот почему я привез с собой Люси.

Тереза поморщилась.

— Привози ее в любое время. — Она бросила взгляд на часы. — Пойду закрою на час глаза перед работой.

— Вы сегодня работаете? — изумилась я.

Хартли кивнул.

— Черная пятница же. Если мама не придет на работу, то люди будут ждать на стоянке и не смогут потратить сотни баксов на новый айфон.

— Жуть, — сказала Дана. — На всю ночь?

Тереза только пожала плечами.

— Ерунда. Кстати, Кори, пока я здесь... Хотела сказать, что мой дорогой сын будет счастлив поспать на кушетке.

— Чушь, — сказал Хартли.

— Все будет нормально, Тереза, — сказала я. — У меня есть костыли, и, если что, я не постесняюсь пустить их в ход.

— Не постесняется, мам, — сказал, отхлебнув пива, Хартли. — Можешь мне верить.

Его мать только покачала головой и вышла из комнаты.

Дана быстро освоила правила, и вскоре счет сравнялся — семь-семь. В следующей партии карты сдавала я.

— Хартли, ну что, сколько там осталось до часа икс? — спросил Бриджер.

— До часа икс?

— Когда самый похотливый самец Лиги плюща воссоединится со своей девушкой.

Я перевернула валета, и Дана обрадовано ахнула. Нам везло. Но меня отвлекала беседа.

— Пас, — пробормотал Хартли, глядя на карту. Потом повернулся к Бриджеру. — Думаю, недели две или вроде того. Она говорила, что вернется накануне бала в честь Рождества.

Накануне бала? То есть, десятого декабря — в день экзамена по экономике. Внезапно я увидела, как перспектива наших совместных вечеров за «Реальными клюшками» умирает. Нет, я знала, что на следующий семестр девушка Хартли вернется. Просто мне казалось, что до этого еще далеко. А теперь до ее приезда осталось всего две недели?

Когда Дана сделала ход, я снова вытащила хорошую карту и постаралась сделать радостное лицо. Но внутри я была сокрушена новостями.

— Вот где справедливость? — сказал Бриджер. — У нее семестр начинается позже

нашего, а заканчивается раньше. Просто отстой.

— Полнейший. И у них занятия только со вторника по четверг, — прибавил Хартли, сбрасывая девятку. — Что оставляет длинные выходные для путешествий по всей Европе. У Стаси в фейсбуке фотографии от Лиссабона до Праги.

— Я видел. — Бриджер глотнул пива. — Но самое интересное на них — не архитектура. Хартли покачал головой.

— Не начинай, чувак.

— Неужели тебя правда не парит, что на всех снимках у нее — один и тот же дриц-итальянец?

Дана, которая сидела напротив, подняла глаза на меня.

— Как я уже говорил, есть такое понятие, как легальная измена. У нас соглашение, — сказал Хартли. Его голос зазвучал тихо. — Стася считает, нет смысла гулять на закате по парижским мостам без человека, с которым можно было бы целоваться.

— Что же ты сам этим не пользуешься? — отпарировал Бриджер.

Хартли пожал плечами.

— Не мой стиль.

— И-и... вот она, — сказал Бриджер, забирая тузом последнюю взятку, — причина, по которой я не завожу отношения.

— Дело твое, — ответил Хартли. — Но я не понимаю, мне-то с чего беспокоиться.

Дана молча собрала карты и начала перемешивать их. Увидев, что она делает, я принялась отковыривать этикетку на своем пиве.

— Как ты можешь *не* беспокоиться? — спросил Бриджер. — Она могла бы, по крайней мере, не делать это открыто.

— Для отношений на расстоянии у Стаси слишком высокие запросы, — сказал Хартли. — Ей нужен кто-нибудь местный, чтобы носить за ней пакеты из магазинов. Но знаешь, оно работает и в обратную сторону. В момент, когда ее европейские каникулы закончатся, он будет забыт.

— Он живет в Нью-Йорке.

Хартли только закатил глаза.

— Для Стаси это приличное расстояние. И я не могу поверить, что ты шпионишь за... приятелем моей девушки.

— Она та еще штучка, — сказал Бриджер.

— Тоже мне, новости.

Дана перевернула туз, выложила карты на стол и улыбнулась, как довольная кошка.

— Черт, — выругался Бриджер. — Ты только что стырила мою раздачу, да?

— Хартли напомнил мне про легальное жульничество, — усмехнулась Дана, — когда сказал о *легальной* измене. — Она подмигнула мне, и я выдавила улыбку. Однако все, что рассказал Хартли, продолжало есть меня изнутри. Его девушка путается с другим, а ему все равно?

Тут, после долгого перерыва, появилась моя маленькая фея надежды. *Может, они расстанутся*, шепнула она, щекоча своими крохотными крылышками мое ухо.

Угу. Как же.

Подготовка ко сну могла бы выйти неловкой, но ничего подобного не случилось, потому что неловкость и Хартли были несовместимы. В любой ситуации он всегда оставался собой, был просто Хартли с однобокой усмешкой и «плевать-на-все» поведением.

— И все-таки, почему ты спишь на такой огромной кровати? — спросила я, выуживая из сумки пижаму.

— Когда я сломал ногу, то больше не мог подниматься по лестнице в свою комнату. Моя тетя переезжала, и в ее новой квартире не нашлось для этой огромной штуковины места. Вот она и привезла ее мне, чтобы я не спал на кушетке.

— Как мило с ее стороны, — сказала я.

— Это да. Хочешь пойти в ванную первой?

— Иди сперва ты, — сказала я. — Я моюсь целую вечность.

— Как знаешь.

К тому времени, когда я, в свою очередь сходя в ванную, вернулась к нам в комнату, он уже негромко похрапывал.

Я отстегнула скобы и залезла под одеяло. Хартли не шутил. Между мной и его погруженным в сон телом было обширное пространство. Я лежала, слушая уютные звуки его дыхания, и, засыпая, думала о том, как, интересно, отнеслась бы к такому размещению Стася. Я знала, что не составляю ей конкуренцию. Но ведь девушке дозволено помечтать.

Какое-то время спустя меня разбудил резкий выдох. Мои глаза распахнулись, и в темноте я не сразу поняла, где нахожусь. Возле кровати, опустив голову и упираясь руками в матрас, стоял Хартли.

— Что случилось? — прохрипела я.

— Голень. Свело, — выдавил он.

— На какой ноге?

— На здоровой. Не могу перенести вес на другую, чтобы... черт.

— Дай ее мне, — садясь, произнесла я, поскольку знала пару-тройку вещей о том, что такое судороги.

Морщась, Хартли сел на кровать и вытянул в мою сторону здоровую ногу.

— Прижми пятку сюда. — Я похлопала по своему закрытому одеялом бедру и, когда его босая ступня уперлась в меня, обеими руками ухватила за его пальцы и потянула их на него. Он выпустил сдавленный вздох. Через минуту я скользнула пальцами вверх по его голени и стала ее ощупывать. — Ого, — сказала я, когда нашла узел.

— Постоянно такое, — сказал он.

— Ты перетруждаешь здоровую ногу. — Я сложила пальцы в кулак и принялась разминать костяшками узел.

— Ай, — выдохнул Хартли.

— Извини. Я обладаю сверхчеловеческой силой. — Он поморщился, когда я надавила ему на ступню. — Что ты делаешь, когда ты один?

— Страдаю. И мечтаю об умелых руках Великого терапевта Пат. Хотя твои тоже ничего.

— Меня научил папа. У него такие вещи хорошо получаются, — сказала я. — Погоди... сейчас. — Узел в мышце Хартли расслабился под моими пальцами.

Он выдохнул.

— Боже. Спасибо.

— Не разгибай ее, — наказала я, пока он перекладывал ногу на свою половину кровати.

— Не волнуйся, не буду. — Подложив под колено свою вторую подушку, он лег на спину. — Извини за эту полуночную драму.

— Ничего. — Мы на несколько минут замолчали, но ни один из нас не заснул.

Прошла еще одна минута молчания, а потом Хартли повернулся ко мне лицом.

— Ты не говорила мне, что у тебя хоккейная травма. Ты сказала «несчастный случай», и я решил, ты попала в аварию.

— Угу. — Вздохнув, я тоже перекатилась на бок. Секунду мы с ним смотрели друг на друга. — Штука в том, что Бриджер был прав. Хоккей всего лишь на седьмом месте в списке травмоопасного спорта. В чирлидинге и бейсболе травмы случаются чаще. Как и в футболе с лакроссом.

— То есть, ты оказалась таким выдающимся везунчиком, что получила на хоккее серьезную травму?

— Именно.

— Невероятно, блин, — проговорил Хартли. Мы впали в молчание, и я поймала себя на сожалении о том, что у него такая большая кровать.

Между нами и этим соблазнительным ртом всего пара футов, шепнула моя фея надежды.

— Мне так понравилась твоя мама, — выпалила я, возвращая свои мысли в безопасное русло.

— Она классная, — улыбнулся Хартли. — И я не преувеличиваю, ей нравится, когда дома много народу.

— Это видно. А сестренка Бриджера настоящая прелесть. Ей тоже нравится твоя мама. Хартли подпер щеку рукой.

— Угу. Но она самая большая Бриджерова проблема.

— Правда? А почему?

— Ну, два года назад у них умер отец. И его мать справляется не особенно хорошо.

— У нее депрессия?

— Она наркоманка.

Я втянула в себя воздух.

— Фигово.

— Не то слово. Бриджер боится, что его мать потеряет работу и в конец опустится. Если ситуация станет совсем нехорошей, ему придется бросить учебу.

— Ему нельзя бросать колледж! Ведь через полтора года он выпускится.

— На самом деле Бриджер только на втором курсе. Он пропустил год перед колледжем и теперь ругает себя.

— Знаешь... — В доме было так тихо, что даже наш шепот казался громким. — Я слишком часто застреваю у себя в голове. И забываю, что и у других есть проблемы.

Мгновение Хартли молча смотрел на меня. Потом медленно протянул через пространство между нами руку и накрыл своей ладонью мою. Этого легкого прикосновения хватило, чтобы я перестала дышать.

— У всех в жизни хватает дерьма, Каллахан. У всех. — Он сжал мою руку, потом отпустил ее. — Твое выставлено напоказ, так что все его видят. И я тебе не завидую. Но свои проблемы есть у любого — вне зависимости от того, бросаются они в глаза или нет.

Мне пришлось притормозить и обдумать его слова. Да, глядя на Бриджера, было не догадаться, что у него в семье такая беда. Но я подозревала, что есть и другие люди, у которых никакого дерьма в жизни нет, а если и есть, то за них его разгребает целая команда миньонов. Мне вспомнилась Стася.

— Ты уверен? — поддела его я. — А то есть ощущение, что у некоторых проблема одна: неидеальный цвет обивки сидений в их «БМВ».

На лице Хартли расцвела самая чудесная в мире улыбка.

— На этот случай, Каллахан, придумали тюнинг. — Он перекатился на спину и заложил руки за голову. — Благодарю за массаж.

— Обращайся в любое время.

Он хмыкнул.

— Не говори так, а то всю следующую неделю я буду будить тебя по ночам.

Печально, но я так в него втрескалась, что была бы, наверное, только за.

Дыхание Хартли стало глубоким, а я все лежала и слушала, как он дышит. Он был теплой тенью во тьме — всего в нескольких футах. Я бы отдала что угодно за привилегию преодолеть разделяющее нас расстояние и положить руку ему на грудь. Было сложно даже представить, что значит роскошь принадлежать ему. Мне хотелось перекатиться ночью поближе и свернуться у его тела калачиком. Мне хотелось, пока я буду спать, ощущать на шее его дыхание.

Настоящая пытка, проворчала моя фея надежды, укладываясь на подушке рядом со мной.

Она не ошибалась. Но то была сладкая пытка.

Глава 11

Я не боюсь крови

Кори

В пятницу мы смотрели футбол, доедали остатки вчерашнего пиршества и играли в карты. Люси проследила за тем, чтобы на каждый круг «юкера» пришлась минимум одна партия в «уно».

В субботу мы повели Терезу на ужин в китайское заведение, где подавали пятьдесят разных видов пельменей. После двух девятичасовых смен в праздничном распродажном аду мама Хартли выглядела измотанной, но в ее усталых карих глазах, тем не менее, светилось мягкое счастье. Хартли сел с нею рядом, и она время от времени ерошила ему волосы. Дана учила Люси пользоваться палочками, а я объелась пельменями с капустой и курицей.

Но позже, когда Тереза и Люси отправились спать, а парни ушли в гараж выпить пива и поменять в машине Терезы масло, мне пришлось признать, что с моим самочувствием творится что-то не то. В животе поселилась смутная боль, а во всем теле ощущались вялость и жар. Хотя было всего десять вечера, я выпила от боли пару таблеток и легла спать.

Той ночью я даже не услышала, как Хартли пришел и лег со мной рядом. Что было件язано насторожить меня. Медицинской ассоциации Америки следовало добавить в свои справочники новый симптом — *Невосприимчивость к Хартли*.

Проспала даже моя фея надежды. Что-то определенно было не так.

На следующее утро я скрыла от остальных свое нарастающее недомогание. Я еще раз приняла адвил и выпила два стакана воды. Однако головокружение и жар не прошли.

— Ты сегодня такая тихая, Кори, — заметила Тереза, доказывая тем самым, что мимо матери ничего не пройдет.

— Просто думаю об экзаменах, — соврала я. Потом налила себе стакан апельсинового сока и натянула на лицо вымученную улыбку. Мне нужны были жидкости, и мне нужно было домой.

На мою удачу Бриджеру надо было вернуть машину матери, так что во второй половине дня наш уикенд у Хартли подошел к концу.

К тому времени, как мы вернулись в МакЭррин, у меня поднялась температура, а настроение стало окончательно гнусным. Скрепя сердце, я набрала номер нацистской полиции.

— Мам, только без паники, — сказала я, — но у меня, кажется, инфекция мочевого пузыря.

Она немедленно ударилась в панику.

Через десять минут — после того прослушивания пылкой маминой речи обо всех омерзительных последствиях невылеченной ИМП — я сказала Дане, что мне приказано отвезти себя в отделение экстренной помощи.

— Черт! — воскликнула она, соскакивая с дивана. — Я пойду с тобой.

— Да не надо, — запротестовала я. — Там придется сто лет ждать, пока кто-нибудь даст мне рецепт.

— Я возьму с собой книжку. Сейчас, только надену пальто.

В коридоре я приложила палец к губам. Чем меньше людей узнает о моем недомогании, тем лучше. Мне было слышно, как за дверью у Хартли играет музыка, пока мы, стараясь не шуметь, продвигались мимо.

К тому времени, когда мы добрались до отделения экстренной помощи, я была без сил, и меня всю трясло. Из-за флуоресцентного освещения даже сотрудники выглядели больными. Больница была последним местом на всей планете, где я хотела бы очутиться. Единственным облегчением стало то, что внутри не было ни души. «В День благодарения здесь стоит сумасшедший дом», — сообщила нам медсестра в приемном покое. — «Те, кто навещает семью, вечно умудряются схлопотать себе травму. Но сейчас они все в машинах, едут домой. Если большинство из них не пьяны, то ночь будет спокойной».

Она взяла мои документы.

— Каллахан? Я уже заполнила твою карту. Звонили твои родители.

Ну разумеется.

— Пожалуйста, только не оставляйте меня, — взмолилась я спустя полчаса после того, как помочилась в стаканчик. (Что, кстати, не такая простая задача, когда невозможно зависнуть над унитазом). Я буду принимать все лекарства, честное слово. Я ненавижу больницы.

Молодой врач задумчиво покивал.

— Не сомневаюсь, что будешь. Но мы хотим понаблюдать за твоей температурой, плюс

существует риск, что инфекция распространилась на почки.

— Но она не распространилась. Мне не настолько больно.

Он улыбнулся, однако мы оба знали, что мои показания не имеют никакого значения, поскольку из-за снижения чувствительности *внизу* я стала ненадежным свидетелем.

— Мы должны уничтожить инфекцию, Кори. Пациентам с травмами позвоночника следует проявлять осторожность. Бывали случаи, когда из-за ИМП пациенты навсегда теряли контроль над мочевым пузырем.

От этой информации я внутренне съежилась.

— Я верю тебе, что ничего страшного нет, — продолжил он. — Но зачем рисковать, согласна? Мне надо задать тебе еще пару вопросов. Ты пьешь достаточно жидкости?

Я кивнула.

— И регулярно опорожняешь мочевой пузырь?

Тут мне пришлось сделать признание.

— Да. Единственное, я пару дней не пользовалась катетером. — Мне было предписано каждый день, утром и вечером, с помощью катетера полностью опорожнять свой мочевой пузырь. Но к Хартли я катетеры не взяла, потому что не хотела, чтобы их кто-то увидел. — Я один раз делала так и раньше, и никаких проблем не возникло.

Он нахмурился.

— Когда все закончится, ты должна снова стать бдительной. Уверен, ты это понимаешь.

Я пристыжено кивнула.

— Еще одним триггером может быть половая активность, как прикосновения, так и сам акт, — сказал он. — Старайся до и после мочиться. Особенно после.

— Такие проблемы мне не грозят *точно*, — сказала я, покраснев.

Он рассмеялся.

— Тогда отложи мой совет на потом. А пока ты проведешь одну ночь на внутривенных антибиотиках, хорошо? Переночуешь в палате, и утром мы тебя выпишем. Ты и не заметишь, как окажешься дома.

Лжецы.

Дана ушла в общежитие. Я надела дурацкую сорочку — с разрезом во всю спину, конечно же — и, пока медсестра втыкала мне в руку иглу, посмотрела какую-то дурацкую передачу по телевизору. Ночью меня будили раза четыре, не меньше — медсестры меняли пакет капельницы и проверяли мое состояние.

Еще я раз пятьдесят сходила в холодный больничный туалет, чтобы пописать.

Когда наступило утро, я принялась приставать ко всем забредавшим в мою палату человеческим существам — от интернов до разносчиков каши — с вопросом, когда же меня отпустят. К сожалению, чаще всего я видела грузную, угрюмую медсестру с ярко-рыжими волосами. И Рыжая Великанша ничем мне не помогла.

— Обход начнется в десять утра, — вот и все, что она мне сказала.

Я надела белье и джинсы с носками. Пересела в кресло, но переодеть верх мне мешала капельница в руке. Наступило десять часов, потом одиннадцать. Закипая, я сверлила взглядом часы.

Хартли написал мне с экономики. *Она! Ты проспала? Пропускаешь воодушевляющую лекцию о международной торговле.*

Я ответила: *Твой день пока интереснее моего. У меня тут случился конфуз. Увидимся на обеде.*

Около полудня пришел врач. Естественно, не вчерашний молодой парень — мне просто не могло так повезти. У этого врача была седина, и он куда-то спешил. Выдернув из держателя мою карту, он, прищурившись, уставился на то, что там было написано.

— Хорошо, — наконец сказал он. — Температура спала. Я оставлю у медсестры рецепт, и ты можешь отправляться домой.

И он ушел.

А я осталась с капельницей в руке. Мне принесли тарелку загадочного серого мяса с рисом, к которой я не притронулась.

Когда опять появилась Рыжая Великанша, я передала ей то, что сказал врач.

— Так что, давайте тогда снимем капельницу?

— Он не оставил рецепта. — Она нахмурилась и развернулась к двери. — Схожу узнаю.

— Подождите! — крикнула я вслед ее широченному заду.

Прошел еще час, и когда она вернулась с рецептом, я уже еле сдерживалась.

— Пожалуйста, не могли бы вы снять ее? — взмолилась я. — А потом мне можно уйти?

Она посмотрела на мое запястье так, словно никогда раньше не видела капельницы.

— Это делают ассистенты. И я не смогу отпустить тебя без сопровождающего старше восемнадцати лет.

— Что?

Она кивнула.

— Студентов после процедур должны забирать.

— Но... — Я почувствовала, как у меня подскочило давление. — Капельница никакая не процедура!

Рыжая Великанша пожала плечами.

— Таковы правила. — И ушла.

— Черт! — заорала я в стиле Хартли. Потом бросила взгляд на часы. По понедельникам во второй половине дня он был свободен, поскольку в это время у хоккеистов была тренировка.

Нет. Сидя тут в полуголом виде, я не собиралась звонить Хартли. Кому угодно, только не Хартли. Он был последним человеком, перед которым я бы хотела предстать с немытыми волосами и в этой ужасной больничной сорочке.

К сожалению, у Даны каждый день до двух был итальянский. Я написала ей сообщение, в котором слезно попросила перезвонить, когда появится время.

Наступило и прошло два часа. Я отправила еще одно сообщение, и она не ответила. Если у нее разрядился сотовый, то мне было никак с ней не связаться. Я не могла придумать, что делать. Можно было попытаться разыскать врача, который меня принимал — если он сегодня работал, — и объяснить ему ситуацию. Но это значило бродить по больнице полуодетой и возить за собой капельницу.

Я опять набрала Дану и поднесла трубку к уху. Звонок сразу ушел на автоответчик.

— Чтоб вас! — завывала я. И топнула бы ногой — если б только могла.

Хартли

— Какие-то проблемы? — спросил я, сражаясь с улыбкой.

Голова Кори дернулась, и она увидела в дверях палаты меня, опирающегося на свои костыли.

— Р-р-р! — завопила она, разворачиваясь. — Я просто хочу *выйти* отсюда, а они не отпускают меня.

— Потому что у тебя нет сопровождающего старше восемнадцати лет? — Я проковылял к ней в палату.

У нее распахнулся рот.

— Как ты узнал?

— Столкнулся после обеда с Даной, и она сказала мне, где ты. Вот и решил, что такое может случиться. Плюс меня самого после операции на колене забирал Бридж. Так почему ты не позвонила?

На ее лице промелькнуло нечто такое, что я не смог распознать.

— Потому что слишком тяжело ковылять сюда от МакЭррина.

— Все прошло не так уж и плохо. Ладно, давай выбираться отсюда. Ты уже просила их убрать капельницу?

У нее стал такой вид, словно она находилась на грани того, чтоб взорваться.

— ВСЕГО ДЕСЯТЬ РАЗ!

Я поднял руки вверх.

— Спокойно, Каллахан. Следи за давлением, иначе загремишь в итоге в больницу.

Кори поникла.

— Ты не мог бы подойти на секунду? *Пожалуйста.*

— Что такое? — Я остановился возле нее.

Она вытянула левую руку.

— Зажми трубку.

О-оу.

— Зачем?

— *Затем*, чтобы я могла ее вытащить, Хартли. И одеться. И наконец-то уйти.

— Ну ты вообще, Каллахан.

— Нажимай давай, — велела она. Стараясь не замечать, что маленькая трубочка уходит ей прямо под кожу, я прижал большим пальцем пластик, и Кори отклеила пластырь. — Все, отпускай. Спасибо, — сказала она.

И прежде, чем я успел отвести глаза, выдернула тонкий катетер. *Фу.*

— Теперь у тебя идет кровь. Это же, типа, опасно, нет?

Она покосилась на меня с подозрением на лице.

— Хартли, ты что, брезгливый? Серьезно?

Я отвернулся, схватил с тумбочки пачку салфеток и, упорно не отводя взгляда от стенки перед собой, подал их ей.

— *Вау.* Ну и дела. Крутой хоккеист при виде крови падает в обморок. — Я услышал, как она хихикает, вытирая кровь.

— Эй, я не падал в обморок с пятого класса.

Хихиканье переросло в настоящий хохот.

— Как ты справлялся после операции на колене? Тебе разве не накладывали повязку?

Накладывали, и красивого там было мало.

— Я менял ее сам. С полужакрытыми глазами.

Я опозорился, но оно того стоило: Кори опять улыбалась.

— И ты говоришь, что я «вообще». Отвернись, чтобы я могла снять сорочку.

— Что? Мне нельзя посмотреть? Я же только что видел твою кровь. — Посмеиваясь, я

повернулся лицом к стене.

Она зашуршала одеждой.

— А я не боюсь крови. Ты всегда можешь попросить сменить повязку меня. Но при одном условии: только не в этом треклятом месте.

— Поддерживаю, сестренка.

— Готово, — сказала Кори.

В этот момент в палату зашла медсестра с неестественно рыжими волосами.

— Это и есть твой сопровождающий? — спросила она, скептически оглядывая мой гипс с костылями.

Кори вихрем развернулась к ней.

— Только не говорите, что он чем-то вас не устраивает. Это *дискриминация*, — огрызнулась она. — Все, мы уходим. — Обогнув край кровати, Кори поехала прямо на медсестру. Бедная женщина неуклюже отскочила с дороги, и Кори выплыла в коридор. Если бы шины инвалидного кресла могли визжать, ее точно бы завизжали.

Медсестра сунула мне в руки планшетку.

— Распишитесь вот здесь, сэр.

— С удовольствием.

Когда я нашел Кори, она придерживала для меня створки лифта.

Поскольку у меня болела нога, мы решили вызвать калекомобиль, но нам сказали, что придется подождать полчаса.

— К черту, — сказал я. — Идем пешком.

Каллахан ехать по направлению к кампусу было легко. Я же еле передвигал костыли. На середине пути мне понадобился перерыв. Доковыляв до скамейки около корпуса медицинского факультета, я сел.

— Так из-за чего ты попала в больницу?

Она закусила губу.

— Всего-то и было, что дурацкая маленькая инфекция. Я проявила небольшую неосторожность, и все чересчур всполошились.

— Неосторожность? На выходных? — Я массировал свою ноющую ногу.

Лицо Кори окаменело.

— Я бы предпочла не обсуждать эту тему. Окей? Знаю, ты оказал мне гигантскую услугу, но... — Она покачала головой.

— Окей. Я просто к тому, что мы могли бы вернуться на день раньше. Тебе стоило сказать всего...

Она прервала меня.

— Я не хотела, Хартли! Я не какой-то там *хрупкий цветок*! — Выражение ее лица просто сразило меня. Она выглядела несчастной, потому что знала, насколько она уязвима.

— Все не так, Каллахан. — Я взял ее за руки и подкатил поближе к себе, пока наши коленки не соприкоснулись. — Дело в том, что мы все — хрупкие. Просто большинству наших друзей пока что везет об этом не знать.

Она устало моргнула, и я подумал было, что она готова расплакаться. Но нет. Только не Кори. Только не мой голубоглазый боец — девушка, которой из ночи в ночь снился лед, но которая всегда находила какие-нибудь позитивные слова, каждый чертов день подтрунивая надо мной.

Я снова потянул ее за руки и, наклонившись, неуклюже привлек к себе. Я не знал,

нужны ли ей эти объятия, но они точно нужны были мне.

С подбородком у меня на плече она через силу сглотнула.

— Спасибо за то, что вызволил меня из тюрьмы, Хартли.

— Обращайся в любое время, красавица. А теперь идем домой.

Глава 12

Первоклассное бухло

Кори

В первый день декабря за окнами падал снег, а я ковыляла на костылях через столовую. Я старалась проводить побольше времени на ногах, однако это все усложняло. Дана ждала меня в конце длинного стола, где уже уплетали гамбургеры Хартли, Бриджер, Фэйрфакс и еще несколько человек. Когда я села, она подала мне мою тарелку.

— Спасибо, — сказала я.

— Без проблем. — Она съела палочку картошки-фри. — Как учеба? — Лекции закончились, и скоро начинались экзамены.

— Неплохо, — сказала я. — У меня три удаленных экзамена, а потом экономика. Думаю, я легко отделалась.

— А я волнуюсь насчет японского, — сказала Дана, наморщив свой хорошенький носик.

— Ты же *говоришь* на японском.

— Не настолько хорошо, как хотелось бы нашему преподавателю. И он такой гадкий.

Вечно устраивает нам лишний стресс.

Бриджер, сидящий дальше, подтолкнул Хартли локтем.

— Ты сказал Фэйрфаксу, какой подарок на день рождения тебе сегодня прислали?

— Он на этой неделе? — спросил Фэйрфакс. — Где и когда вечеринка? Ты дашь нам напоить себя двадцать одним шотом?

Я подняла голову. У Хартли на этой неделе день рождения? Нужно придумать, что подарить. Конечно, его остроумный подарок мне ни в жизни не переплюнуть. Мой будет чем-то более традиционным.

— Думаю, никто из нас на вечеринку не приглашен, — ответил Бриджер. — Скажи им, чувак.

Хартли покачал головой.

— Мне доставили с курьером бутылку шампанского. Ну, вы знаете, такое, что стоит как ВВП развивающейся страны.

— Значит, Стася вернулась, — сказал Фэйрфакс.

Хартли наставил на него указательный палец.

— Бинго. В записке говорилось вот что: «Дорогой Хартли, поставь бутылку на лед. В твой знаменательный день я буду с тобой».

У меня все оборвалось внутри.

— *В твой знаменательный день*, — усмехнулся Бриджер. — Чувак, тебя ждет феерический трах.

Хартли пожал плечами.

— Букмекерам лучше быть поосторожней со ставками. В последнее время она чудит больше обычного.

— Раз прислала шампанское, значит точно приедет, — высказал предположение

Бриджер.

— Скажи ей, что выпьешь его в любом случае, появится она или нет, — предложил Фэйрфакс.

— *Естественно*, выпью, — ответил Хартли. — Это даже не обсуждается.

Так получилось, что день рождения Хартли выпал на субботу перед началом экзаменов. Мы с Даной весь день провели в уютной маленькой библиотеке Бомона. Мест для учебы в нашем колледже имелось бесконечное множество. Можно было хоть каждый день ходить в новую библиотеку и за месяц ни разу не повториться.

Но даже я не была настолько зубрилой, чтобы после ужина снова засесть за учебники.

— Чем займешься сегодня вечером? — осторожно спросила Дана, выуживая из шкатулки с украшениями сережки.

— Посмотрю телевизор? — Моей подружке можно было не объяснять, что Хартли стал недоступен для видеоигр. Но заняться все равно было особенно нечем. Во время экзаменов жизнь в колледже замирала.

— Ты можешь пойти со мной, — предложила Дана.

Ее предложение рассмешило меня. Дана собиралась на факультет английской литературы, где шли ночные чтения «Улисса» Джеймса Джойса. Что было ярчайшим примером того, в каких ботаников превращались студенты колледжа Хакнесс во время экзаменационной недели.

— Но я даже не записана на этот курс! Там на входе раздают стикеры с большой буквой Л, чтобы приклеивать на ваши лбы? (*«Л» значит «лузер» — прим. пер.*)

Она закатила глаза.

— Как некрасиво, Кори. Мне просто не нравится, что ты весь вечер будешь сидеть тут одна.

— Я знаю, — помрачнела я. — Извини. — Судя по всему, мне было не скрыть от нее своего разбитого сердца. Но я же не сама придумала сидеть через коридор от любви всей своей жизни, пока он получает свой «феерический трах». Просто так получилось.

После того, как Дана ушла, я включила телевизор и увеличила громкость, надеясь заглушить любые звуки счастливого воссоединения, которые могли просочиться сквозь стены. Пару часов я бесцельно переключала каналы и в итоге была вознаграждена показом «Принцессы-невесты». Для такого дерьмового вечера это был самый правильный фильм. Отстегнув свои скобы, я легла на диван и позволила знакомой истории затянуть себя.

Хартли

Когда зазвонил телефон, я уже знал, кто это: мама. В день моего рождения она всегда звонила в половине девятого. Я родился вечером, во время очередной серии «Мелроуз-Плейс», и до меня мама не пропускала ни единого эпизода этого слащавого сериала об избалованных голливудских детишках.

Она родила меня, будучи моложе всех снимавшихся там актеров.

— Привет, мам, — ответил я на звонок.

— С днем рождения, милый. Только, пожалуйста, не выпивай сегодня двадцать один

шот.

Я рассмеялся.

— Обещаю, двадцать один — не буду. И даже двадцать не буду. Остановлюсь, пожалуй, где-то на девятнадцати.

— Не смешно, Хартли. От этого умирают.

— Я не стану напиваться. Честное слово. — Выпью всего полбутылки шампанского.

— Будь осторожен, сын. Я тоже когда-то была молода.

— Мам, ты и сейчас молодая. — Ей и сорока пока не было, должно было исполниться только весной.

Она рассмеялась.

— Я люблю тебя, Адам Хартли.

— Я тебя тоже, мам.

Мы повесили трубки, и я, начиная ощущать нетерпение, снова посмотрел на часы. Стася приземлилась в JFK еще днем, но задержалась в городе, чтобы выпить на прощание с однокурсниками. Я спрашивал, когда ее ждать, но она ответила, что не знает.

Стася часто проделывала похожие трюки, причем — я в этом не сомневался — умышленно. Она была из тех девушек, которые понимают, насколько ценно быть недоступной. Черт, она практически изобрела подобное поведение. Хуже того — ее приемы *срабатывали*. Ожидая ее, я всегда задавался вопросом, уж не решила ли она меня бросить. К ней влекло отчасти из-за того, что я знал: она должна быть недостижимой. Я хотел ее в той же манере, в какой она хотела свое дизайнерское шмотье — потому что оно продавалось *только* в Италии, и больше нигде. Следовательно, она была обязана заполучить его и продефилировать в нем перед всеми.

Фак. Забудьте, как это характеризовало *ее*. Как это характеризовало *меня*?

Я встал и начал расхаживать из угла в угол, что с гипсом было непросто. Тук. Тук. Тук. Сегодняшний вечер был полным идиотизмом.

Будет так странно увидеть Стасю впервые за месяцы. Конечно, я с нетерпением ждал нашей встречи, поскольку на расстоянии Стася и близко не была такой притягательной, как рядом. Если честно, я слегка беспокоился насчет возобновления наших с ней отношений. Она была словно песня, слова которой я подзабыл. Чтобы вспомнить, почему они мне понравились, нужно было услышать их вновь.

Вот только с песнями так не бывает. Даже если забываешь слова, то в сердце остается мелодия.

Черт. Я чересчур много думал. И рядом не было никого, чтобы остановить меня. Шло время, и предвкушение начало превращаться в разочарование. Я понял, что Стася уже не приедет, и в душе был не особенно удивлен. Что самое странное, из-за этого я почувствовал засранцем *себя*. Как будто я был обязан испытать больший шок. Как будто должен был сильнее переживать.

Так что, когда от Стаси наконец-то пришло сообщение, его содержание оказалось довольно-таки удручающим: «Извини, Хартли, но я застряла тут на весь вечер...»

Бла-бла-бла.

Мне понадобилось секунды три на то, чтобы отшвырнуть телефон и подняться. Через коридор, совсем рядом, находился человек, которого мне хотелось увидеть, — человек, с которым мне всегда было легко. Недолго думая, я подхватил бутылку и направился к двери.

Кори

В момент, когда Человек в черном протянул Виццини отравленное вино, я слышала, как дверь в нашу комнату отворилась. Решив, что это Дана, я не стала оборачиваться или садиться. Но вместо ее обычного «привет» слышала характерный стук костылей по деревянному полу. И его темп был медленным, заикающимся — словно кто-то неуклюже ковылял с нагруженными руками. Мое сердце гулко заколотилось, а фея надежды воспряла к жизни и принялась отплясывать на моем животе щекотный танец.

— Черт, Каллахан, может, возьмешь что-нибудь?

Я задержала взгляд на экране на полсекунды дольше необходимого, словно не видела этот фильм добрую дюжину раз. А когда села, то едва успела поймать висящие на пальцах Хартли бокалы. Второй рукой он прижимал к себе дорогушую на вид бутылку шампанского.

Ничего больше он не сказал. Просто взял и зашел, словно прихромать ко мне в комнату в то время, когда у него должен был быть секс со Стасей под девизом «мы так сильно соскучились», было самым что ни на есть обычнейшим делом. Он опустил бутылку в мой угол дивана. Потом обошел журнальный столик. Нагнулся надо мной, поднял сперва одну мою ногу, потом вторую, затем скользнул на сиденье и уложил мои ноги себе на колени. Забросив свой гипс на столик, он потянулся за бутылкой через все мое тело.

Пока я смотрела, как Человек в черном ищет свою принцессу, Хартли начал откручивать с горлышка проволоку. Через секунду я слышала смачный «чпок», пробка вылетела, и шампанское с бульканьем и шипением полилось по бокалам.

— Каллахан, — сказал Хартли с мужественной хрипотцой в голосе. Я села, чтобы взять свой бокал, и переложила ноги на столик рядом с его ногами. — Поставишь куда-нибудь? — Он протянул мне бутылку. Я без комментариев наклонилась, чтобы найти для нее место на полу у дивана.

Когда я опять поднялась, мои плечи столкнулись с его рукой, которую он закинул на спинку дивана. Рука не сдвинулась с места. И тогда я осторожно к ней прислонилась. Хартли испустил тягостный вздох — звук поражения и разочарования.

— Ура, Каллахан, — сказал он.

Мы чокнулись, и шестое чувство заставило меня не встречаться с ним взглядом. Я не собиралась подкалывать Хартли на тему его внезапного невезения. В эту минуту он должен был кувыркаться под одеялом со своей роскошной подружкой, однако вместо этого сидел и смотрел вместе со мной очередное кино.

Но нам так уютно! — пропела моя фея надежды, с ликованием хлопая своими крошечными ладошками.

Я пригубила свою шипучку и выпалила:

— Вау. — Вино было приятным, пикантным и очень вкусным. Если б у роскоши имелся вкус, он был бы таким.

— Нормальное, да? — Его голос звучал устало.

— Изумительное. Но для тебя оно, вероятно... с горчинкой? — Тут я впервые посмотрела Хартли в лицо и подмигнула ему.

Он закатил глаза.

— Оно хорошее, Каллахан. Безотносительно чего бы то ни было. У меня в семье мы называем такое первоклассным бухлом. В семье у Стаси для подобных напитков существует целый словарь. Ты бы слышала разглагольствования ее отца о вине. — Хартли фыркнул.

— Звучит увлекательно. — Тут я ощутила чувство вины, поскольку никогда не встречала этих людей. — Что ж, по крайней мере, у нее замечательный вкус. — Но и этот комментарий вышел не слишком удачным, поскольку он слишком явно показывал, что я чувствую к Хартли. — Сочувствую, что она не приехала.

Он с явным отвращением покачал головой.

— Приедет завтра. Как всегда — с горой извинений. — Сделав еще глоток, он отвернулся к экрану. Мы смотрели, как Уэстли катится по холму и кричит Лютику: «КАК... ПОЖЕЛАЕШЬ!».

Боже, это был идеальный момент идеального фильма. Маленькие феи надежды буквально сочились из этой сцены, точно нектар. Прислонившись к теплему телу Хартли, я прихлебывала свое шампанское немного быстрее, чем собиралась. Но оно было таким вкусным, что удержаться я не могла.

— Пора обновить? — спросил он спустя какое-то время.

Я наклонилась за бутылкой и разлила по бокалам оставшееся шампанское.

— С днем рождения, — сказала я после. — Кажется, я тебя еще не поздравила.

Он чокнулся своим бокалом со мной.

— Спасибо, Каллахан.

— У меня есть для тебя подарок, — сказала я. — Это ужасно, что прямо сейчас мне чересчур лень вставать и идти за ним?

В ответ Хартли притянул меня поближе к себе, и контакт с ним свел меня с ума окончательно. Пока мы смотрели кино, он рассеянно теребил кончики хвостика у меня за спиной.

— Люблю эту часть, — с улыбкой в голосе проговорил он. — Грызуны Необычного Размера.

Пока Лютик с визгом неслась по Огненному болоту, рука Хартли опустилась мне на затылок, и его пальцы принялись медленно потирать у кромки волос мою шею.

О, черт.

Хотя на экране разворачивалась суматошная сцена, я закрыла глаза и растворилась в ощущениях, которые дарили мне прикосновения Хартли. Массаж головы должен был быть расслабляющим, однако на меня он оказывал совершенно противоположный эффект. В коже моего затылка будто появилось беспрецедентное количество нервных окончаний. От любого движения его пальцев меня простреливал электрический ток — спускался по позвоночнику и расходился вглубь тела. Я осознала, что дышу слишком шумно. И пока пыталась уговорить свое сердцебиение сбросить ритм до нормального, осушила второй бокал.

Стоило мне начать размышлять над своей глупостью, как Хартли убрал большой палец с очень чувствительного местечка под моим ухом. А потом к моему слегка пьяному изумлению наклонился и прижался губами туда, где только что был его палец. От ощущения его влажных губ на своей шее я чуть не подскочила до самого потолка. Медленно-медленно его поцелуй начал смещаться ниже, к ключицам, на протяжении всего извилистого пути опалая меня прикосновениями языка.

Как бы сильно мне ни хотелось разыграть перед Хартли невозмутимость, я всего и смогла, что растаять у него на груди и испустить судорожный вздох.

И вот тогда, услышав тихий смешок, я поняла, что Хартли прекрасно осознает, какой эффект он на меня производит. И хотя мои груди начало покалывать от желания, я нашла в себе силы заговорить.

— Что, черт побери, ты делаешь, Хартли?

— Мне показалось, это неплохая идея, — ответил он, не убирая губ с моей шеи. — И кажется так до сих пор.

Допивая последние капли шампанского, я тянула время, пока мое тело и мозг вели несколько сбивчивый спор на тему того, как поступить.

Хартли забрал у меня бокал и поставил его на столик.

— Смотри, — прошептал он. — Ты сейчас можешь дать мне пощечину и назвать муذاком за то, что я подкатываю к тебе после того, как моя девушка меня обломала. А потом мы посмотрим, как Билли Кристал оживляет Уэстли. — Он тоже допил свой бокал. — Или ты можешь поцеловать меня, Каллахан.

Его голос был хриловатым и теплым. Я повернулась к Хартли лицом. В его глазах плясали смешинки, но еще там была их всегдашняя глубина. Он был моим другом — быть может, самым близким из всех, — и бояться его было попросту невозможно.

— Зачем тебе усложнять нашу дружбу? — прошептала я.

— Как будто сейчас она очень простая, — откликнулся он.

Я даже не знала, о чем он. Но для попыток догадаться мой мозг был слишком расплавлен. Долгое мгновение мы с Хартли молча смотрели друг другу в глаза. Наконец он взял мое лицо в ладони, и его прикосновение было настолько нежным, что у меня заболело сердце. А потом месяцы грез о его поцелуях перевесили голос здравого смысла. Я закрыла глаза, и его губы коснулись моих. Они оказались точно такими, как я себе представляла — мягкими, сладкими, идеальными. Его рот приоткрылся, раскрывая и мой, и я счастливо ахнула.

Меня целовали и раньше — или так я считала, — но поцелуи Хартли были совершенно из другой оперы. Его губы были нежными и в равной степени требовательными. Медленные движения его языка уничтожали все связные мысли. Довольно скоро Хартли подхватил мое размякшее тело подмышками, приподнял и уложил на себя. Здоровую ногу он вытянул на диване, а голову опустил на мягкий подлокотник. Я ощущала под собой его тело — крепкое, теплое, — и это было божественно. Его большие ладони обхватывали мою голову, контролируя поцелуи. Он не спешил, его зубы играли с моей нижней губой, язык плавно скользил вдоль моего. Я не хотела останавливаться.

Никогда.

Где-то на фоне принцесса-невеста мчалась навстречу захватывающей развязке, но я едва слышала телевизор. У Хартли был вкус шампанского и истинного мужчины. И его поцелуи ничем не напоминали те торопливые и слюнявые поцелуи, которые я успела получить в старших классах.

— Каллахан, — наконец сказал он, пока я, задыхаясь, глотала воздух.

— М-м?

— Ты типа как... трешься о меня.

Я в ужасе отпрянула.

— Извини.

Он поправил свою шею на подлокотнике.

— Вообще мне типа понравилось. Но ты бы вряд ли стала так делать, если б не чувствовала.

— О, — сказала я.

О.

Он усмехнулся. А после увел ладонь вниз по моей груди, меж наших тел и за пояс моих леггинсов.

— Хартли! — взвизгнула я, хватая его за запястье.

Его взгляд сомкнулся с моим.

— Ты разве не хочешь узнать?

— Просто я... — Мое дыхание вырывалось толчками, а в груди стало вдруг тесно.

Отпихнув его руку, я сделала долгий вдох.

— Каллахан. — Его голос был глухим и серьезным. — Ты проводила по данной теме какие-либо... исследования?

Я покачала головой.

Его глаза распахнулись.

— Но ты же переживаешь. Что, если зря?

Я уронила голову ему на плечо и уткнулась лицом в его шею. И меня убило то, как приятно он пах — как Хартли. Только с очень близкого расстояния.

Его руки поглаживали мои волосы, и даже от этого во мне разливалось невероятное счастье.

— Совсем-совсем никаких? — спросил он, и я услышала, как эти слова отдались в его груди эхом. — Ни капельки любви для нашего приятеля Дигби?

Тут я улыбнулась, пряча лицо у горла его футболки. Потому что ни с кем, кроме него, я бы не смогла об этом заговорить. Это была самая неудобная тема на свете.

— Нет, Каллахан, правда? — не сдавался он. — Во всем остальном ты такая бесстрашная. Ты переносишь физиотерапию как настоящий морпех, не пасуешь перед медсестрами. Ты целыми днями подначиваешь меня. А тут всего-то и надо выяснить, что один пустячный вопрос...

Я подняла голову.

— Он не пустячный, — поправила его я.

Хартли повернул подбородок на несколько градусов, и наши лица вновь оказались на микроскопическом расстоянии друг от друга.

— Прошу прощения, — пророкотал он. А затем приник губами к моим губам и скользнул языком ко мне в рот. Поцелуй был долгим и медленным, и если б я могла чувствовать свои колени, они, без сомнения, стали бы ватными.

Но потом все разрушили голоса в коридоре. Застыв, я внезапно ощутила, насколько я сейчас уязвима, пока лежу в объятиях Хартли, а мое хрупкое эго выставлено напоказ всему миру.

— Кто-нибудь может зайти, — прошептала я.

— Ты права, — отозвался Хартли. Нашарив на полу один свой костыль, он свесил ноги на пол. Когда я начала соскальзывать с него, его вторая рука подхватила меня под задницу. — Держись, — сказал он. А потом его торс поднялся в воздух, и я осознала, что держаться надо в буквальном смысле. Я обхватила его за шею, и он поднялся, удерживая весь мой вес на одной руке. Прежде, чем я успела понять, что происходит, Хартли уже нес меня к спальне, помогая себе всего одним костылем.

До моей кровати было футов пятнадцать, не больше, но все равно то был неопиcуемый риск.

— О боже, — пискнула я. — Мы умрем.

Хартли приостановился, чтобы забросить меня на свое тело повыше.

— Ты первая девушка, которая говорит мне такое, пока мы с ней направляемся в спальню.

Глава 13

Ты так говоришь, как будто это что-то плохое

Кори

О, черт побери, да! — заверещала моя фея надежды, когда Хартли уложил меня на кровать и закрыл дверь. Потом, хотя я слышала, что он еще пыхтит после прохода, меня обхватили его сильные руки, и он глубоким, настойчивым поцелуем продолжил свое дело с места, на котором мы прервались.

Мое сердце заметалось в груди, когда Хартли просунул обе руки мне под футболку и стянул ее через голову, после чего ровно с той степенью ловкости, которую я от него ожидала, одной рукой снял с меня лифчик.

Я отстранилась. И выдохнула:

— Что ты делаешь?

— У тебя есть вопрос, на который нужно узнать ответ, — проговорил он. — И лучшего случая для этого не представится.

Пока я обдумывала эту идею, он мягко увлек меня на постель. *Лучшего случая не представится*, сказал он. Потому что мы с ним только что выдули целую бутылку шампанского? Или потому что возвращается Стася?

Я боялась, что ответ мне известен.

— К тому же... — Большие пальцы Хартли легонько задели мою грудь, и я резко втянула воздух. — Я в этой области специалист, — пробормотал он. А затем коснулся моего соска языком. Покружил по нему, после чего нежно всосал его в свой теплый рот.

О боже мой.

Я услышала, как с моих губ сорвался стон, и все мое здравомыслие вылетело в окно.

— Умница, — сказал он.

На сей раз, когда его рука пробралась за край моих леггинсов, я забыла перепугаться. Пока он целовал меня, его пальцы скользнули к местам, к которым до сих пор притрагивались нечасто. Когда большую часть выпускного года проводишь в больнице, то на свидания с обжиманиями остается не так много времени. Рука Хартли изогнулась, устраиваясь у меня между ног. Я зарегистрировала в том месте ощущение его пальцев.

Хартли усмехнулся мне в губы.

— Каллахан, — шепнул он. — Дай-ка сюда свою руку.

Он потянул ее вниз — по моему торсу и за резинку трусиков. Они были мокрыми, как и моя плоть в том месте, куда он подвел мои пальцы.

— Игра началась, — прошептал он.

Потом вытащил наши руки обратно на воздух, и я наконец-то выдохнула.

— Это... — У меня, похоже, перестал функционировать мозг.

— Обнадеживает, — закончил он за меня. — Но ты хотела выяснить не только это, ведь так? — Он не стал дожидаться ответа. А сразу дернул мои леггинсы вниз.

— Воу, — сказала я. — Не так быстро. — И, отодвигаясь от него, перекатилась на бок.

Он немедленно убрал руки. Но потом сказал:

— Трусись?

Я приподнялась на локте.

— *Что?* Лишь потому, что мне не хочется, чтобы ты меня лапал, ты решил, будто я трушу? Чушь, Хартли. То, что *другие* никогда тебе не отказывали, еще не значит, что это в принципе невозможно.

В его глазах вспыхнуло веселое изумление и что-то еще, что я не смогла распознать.

— Хорошо. Если ты сможешь сказать мне в лицо, что отказываешься от моих талантливых ручек, — он провел по моей груди подушечками двух пальцев, — то я не буду говорить, что ты трусишь. — Он придвинулся ближе, и его мягкие губы подарили мне крошечный поцелуй. — Я заберу свои слова назад. — Еще поцелуй. — Скажу: «Каллахан не трусишка». — Он подтвердил свое заявление медленным поцелуем. Потом потер мой сосок большим пальцем, и у меня закружилась голова. — Ну же, давай, — между поцелуями шепнул он. — Скажи, что не хочешь почувствовать еще чуточку больше. Во имя науки.

Я уронила голову на подушку и сделала судорожный вдох.

— Это самая странная ночь в истории.

Он хмыкнул, а потом я ощутила движение и увидела у него в руке свои трусики.

— Ты так говоришь, как будто это что-то плохое. — Он бросил их на пол, что было очень похоже на то, о чем я фантазировала с самого сентября. Однако в моих фантазиях мы занимались страстной любовью — а не случайным перепихоном и уж точно не научным экспериментом.

Я почувствовала, как его ладонь накрыла мое бедро.

— Чувствуешь, Каллахан?

С пересохшим ртом я кивнула.

Его ладонь, плавно скользнув по квадрицепсу, где чувствительность сохранилась, опустилась ниже колена.

— А здесь?

Я покачала головой.

— Интересно, — промолвил он с такой интонацией, словно был готов стереть с доски мел и начать делать заметки. Вообще его вопросы звучали в точности, как вопросы врачей при каждом моем визите в больницу. *Здесь чувствуете? А здесь?*

И внезапно все стало неправильно. Я отпихнула его руку.

— Ты заставляешь меня ощущать себя лабораторной мышью.

Он убрал руку.

— Извини. Неверный подход. — Он взял мое лицо в ладони и поцеловал меня. Стало лучше. Но неловкость еще ощущалась. Я тонула под тяжестью собственной уязвимости. Будь мы на льду, я бы знала, что делать. Я бы совершила какой-нибудь смелый маневр и перехватила инициативу.

Ощущая себя загнанной в угол, я нащупала на бедре Хартли молнию его домашних штанов и, как могла далеко, увела ее вниз.

Он прервал наш поцелуй и уставился на мою руку.

— А это еще зачем, Каллахан?

— А почему из нас двоих голая только я?

— Ну... — Он замялся. — Потому что я собирался типа как продемонстрировать свои благородные устремления.

— Хартли. — Я посмотрела ему в глаза. — Ну кто может принять тебя за человека с благородными устремлениями?

На его красивом лице промелькнула какая-то нераспознаваемая эмоция. Но он быстро спрятал ее за улыбкой.

— Хороший аргумент, Каллахан. И я не из тех парней, которых надо долго упрашивать сбросить одежду. — Он расстегнул штаны со стороны своего перелома, потом сел и вместе с боксерами стащил их вниз.

Мне же осталось пытаться не пялиться на его эрекцию. Его член был красивым и толстым, и я была обязана хоть что-нибудь с ним предпринять.

Я с усилием увела глаза на его лицо.

— И футболку.

Он с улыбкой стянул ее.

— Каллахан никогда не останавливается на полпути.

И... мамочки.

Единственным источником света в комнате был насильно установленный моими родителями ночник. Но его приглушенным лучам удалось подчеркнуть рельеф его грудных мышц и выпуклость бицепса, когда он приподнялся на локте. Его скульптурный торс сужался к тонкой талии и бедрам. Я хотела сравнять счет, чтобы не одной стесняться своей наготы. Но добилась прямо противоположного результата. Теперь напротив меня лежал, раскинувшись на постели, самый красивый обнаженный парень на свете и выглядел при этом таким же невозмутимым, каким был всегда.

— Так лучше? — Его ямочки насмешничали надо мной.

В ответ я не смогла вымолвить ни единого слова.

Он был великолепен. Настолько, что хотелось нырнуть в него и никогда не выплывать на поверхность. Но вместе с тем я ощущала себя как никогда уязвимой. Потому что хотела его больше всего на свете, но признаться в своих чувствах ему не могла. Для Хартли это было экспериментом или же очередным развлечением с его соседкой Каллахан. Просто на сей раз без одежды. Но для меня, что пугало, происходящее было всем. Я надеялась, что эти мысли не отражаются у меня на лице. Мое сердце спазматически застучало.

Boo! Может, ты и впрямь трусишь. Рядом вновь материализовалась моя фея надежды — с надутыми губками и одетая в черное кружевное белье. *Не вздумай паниковать,* приказала она. *Только-только началось самое интересное.*

Прежняя Кори, капитан хоккейной команды, была рискованной, бесстрашной девчонкой и никогда не впадала в панику, даже при ничьей за минуту до финала игры. Мне было нужно, чтобы эта Кори вернулась, и как можно скорее.

Не давая себе времени передумать, я приподнялась на руках и склонилась над талией Хартли. А потом сделала нечто неожиданное для него — то, что я еще не делала ни одному парню.

Я лизнула его.

Это было короткое, игривое прикосновение языка. Но оно возымело запланированный эффект. Мышцы его живота сократились, руки от удивления вцепились в постель, и я услышала, как он со свистом втянул в себя воздух.

Вновь приподнявшись, я взглядом пригвоздила его к простыне.

— Вот тебе. За то, что сказал, что я трушу.

Глядя с ошарашенным лицом мне в глаза, он порывисто выдохнул.

— *Иисусе*, Каллахан. Накажи-ка меня еще раз.

Я ответила ему тем, что с некоторым ехидством крунула головой. Еще секунду мы

просто глядели друг другу в глаза. Потом он обеими руками подхватил меня, перетащил к себе на грудь и прошелся языком по моей нижней губе. Следующие несколько минут, пока я упивалась его поцелуями и божественным ощущением его кожи, прошли как в тумане. Это было невероятно, пусть я и знала, что мне конец. Что у меня никогда не получится забыть эту ночь. Я пропала еще в тот момент, когда он поцеловал меня на диване. Но мне было наплевать.

— Каллахан, где он?

Хартли задал мне вопрос, но я, одурманенная страстью, была не в состоянии сосредоточиться.

— Кто?

— Где он? Куда ты запрятала Дигби?

Когда до моего мозга дошло достаточное для осмысления вопроса количество кислорода, я мотнула головой.

— Ну уж нет.

— Ну уж да, — сказал Хартли и, перегнувшись через меня, открыл ящик тумбочки у кровати. — Он здесь?

— Хартли! — Я схватила его за запястье. Но, увы, опоздала. Он уже держал маленькую коробочку в руках. — Положи на место, — сказала я. — Это уже слишком странно.

Он покачал головой.

— Не странно, а весело. — Он положил коробочку на постель и откинул крышку. Потом достал оттуда вибратор и показал его мне. — Я так понимаю, ты им еще не пользовалась?

Я покачала головой.

— Зачем оно мне?

— Зачем? Женщинам нравится. Но... — Его улыбка погасла, и он заглянул мне в глаза. — Тебе в особенности стоило бы попробовать. Я прочитал, что...

У меня отвалилась челюсть.

— Ты *зуглил* мою проблему?

Вид у него стал немного смущенным.

— Я всегда делаю домашние задания на отлично, Каллахан. Там была статья о женщинах-параплегиках...

Я закрыла глаза.

— Я тоже ее читала. — Пара врачей обнаружили, что зачастую у парализованных женщин сохраняется больше чувствительности *внутри*, чем снаружи. Угадайте, с помощью каких предметов было сделано это открытие?

— Значит, ты наверняка хочешь попробовать. Почему бы не сделать это в Самую Странную в Истории Ночь?

— О боже мой, — выдохнула я, когда прибор в его руке с тихим жужжанием ожил.

— Возможно, мы сумеем заставить тебя кричать, — сказал он, поигрывая бровями.

— Это *машинка*, — запротестовала я.

— Это *игрушка*, — возразил Хартли. — Смотри. — Он мягко прижал ее к моей груди, и я ощутила легкую вибрацию, которая вовсе не была неприятной.

Я отняла у Хартли вибратор и тронула им *его* грудь. Потом под его пристальным взглядом медленно, дюйм за дюймом, повела игрушку по его телу вниз. Когда я дошла до талии, улыбка Хартли погасла. А когда я прикоснулась вибратором к кончику его члена, его глаза сами собой закрылись, а бедра задвигались. Я приложила вибратор ко всей длине его

эрекции, и он шумно выдохнул.

Но спустя секунду заулыбался и застонал:

— О-о... мистер Дигби...

Взвыв от смеха, я выронила вибратор. Глаза Хартли открылись, и он, подхватив вибратор с постели, выключил его. Я все никак не могла нахохотаться. Смех расслабил что-то внутри меня, распустил узел тревожности, который я принесла с собой в спальню. Перекатившись на спину, я захихикала в потолок.

Хартли навис надо мной, и его улыбающийся рот накрыл мои губы. И я перестала смеяться. Я знала, мне всегда будет мало его поцелуев. Единственное, что я была в состоянии делать, это запоминать очертания его губ и то, с какой нежностью он посасывал мой язык. Пока он меня целовал, было сложно думать о чем-то еще. Поэтому я не ударилась в панику, когда его рука вновь пошла по моему телу вниз. Я почувствовала, как его пальцы раздвигают мою плоть между ног. *Правда* почувствовала. И от радости мне хотелось кричать.

— Хорошо, — дрожащим голосом произнесла я.

Следующим услышанным мною звуком было тихое жужжание игрушки. А потом он прижал ее к моему телу. Ничего похожего я еще не испытывала. Это было словно мерцающая дрожь удовольствия.

— О, — сказала я. Мышцы моего живота напряглись.

— Вот так... — выдохнул он, склоняясь ко мне.

Мою ладонь задела его эрекция, и я сомкнула вокруг нее пальцы. Чем вызвала у Хартли одобрителное постанывание. И тогда я стала ласкать его. У него в груди перехватило дыхание, и он издал горловой звук. Очень сексуальный коротенький звук.

Впрочем, Хартли отвлекся не настолько сильно, чтобы забыть о своей миссии. Маленький вибратор скользнул вниз. Я задержала дыхание.

— Так хорошо? — выдохнул он.

Я кивнула. Там, внизу, начали скапливаться приятные ощущения и распространяться вглубь моей плоти. Я погрузилась в темноту за закрытыми веками. Пока Хартли притрагивался ко мне, мир сжался до размера наших с ним тел. Я дразнила его кончиками пальцев, наши поцелуи стали влажными и рассеянными, потом раздался тихий щелчок, игрушка поменяла режим, и сладкая дрожь у меня между ног полным ходом начала нарастать.

— О! — ахнула я.

— Не слишком сильно?

Будучи не в состоянии отвечать, я всего и смогла, что выгнуться навстречу его рукам.

— О... — снова проговорила я, когда перед моими глазами замельтешили точки. А потом покалывание в животе будто бы расцвело, и я ощутила между ног взрыв сверхновой. Если у меня и вырывались какие-то звуки, я их не слышала.

— *Фак*, да, — услышала я выдох Хартли, и это напомнило мне, что моим ленивым пальцам нужно обхватить его плоть немного покрепче. Я начала быстро ласкать его, и он издал сдавленный звук. А потом: — Каллахан, я... — Следующим, что я почувствовала, была ударившая мне в бедро струя теплой влаги. Я провела по нему скользкой ладонью еще раз, и его бедра удовлетворенно дернулись.

Через мгновение жужжание вибратора прекратилось, и остались слышны только звуки дыхания двух запыхавшихся человек. Хартли закинул свою прекрасную, мускулистую руку

себе на глаза, и поскольку застукать меня за подглядыванием он не мог, я принялась смотреть на его тело, на то, как вздымается его широкая грудь, а полуобмякший член капает на мои простыни.

Вау. До меня начало по-настоящему доходить, чем именно мы только что занимались. Дрожащими пальцами я взяла с тумбочки пару салфеток и вытерла ими бедро.

— Извини, что заляпал, — сказал он натянутым голосом. Его глаза все еще были закрыты.

— Ничего страшного, — прошептала я. Он по-прежнему не смотрел на меня, и я начала беспокоиться, почему. Я оттолкнула с его лица локоть, но он только и сделал, что отвернул подбородок к стене. — Какого черта? Ты теперь что, чувствуешь себя виноватым?

Он издал смешок.

— Не дождешься, Каллахан.

— Тогда в чем дело?

Вздохнув, он дотянулся до меня, притянул мое тело поближе и уложил у себя на груди. И когда я подняла лицо, то к своему удивлению увидела, что глаза Хартли сияют. Заметив, что я смотрю, он закрыл их.

— Просто мне хотелось... — прошептал он, — чтобы у тебя стало хоть на чуточку меньше проблем.

Мое сердце по дюжине конфликтующих друг с другом причин было готово взорваться. Секс с Хартли был изумительным, но лежать в его объятьях было лучше в тысячу раз, а я не могла ему об этом сказать. *Я люблю тебя, Хартли.* Признание уже трепетало на кончике моего языка, но я проглотила его и сказала:

— Спасибо тебе за этот самоотверженный подвиг во имя меня и науки.

Он откашлялся.

— Не за что. И мой член благодарен за то, что ты разрешила ему поучаствовать.

У меня сжалось сердце, потому что я жаждала услышать совсем иные слова. И тогда я пошутила, как поступала всегда, когда атмосфера начинала становиться напряженной:

— Парни всегда говорят о своих членах в третьем лице?

Хартли смотрел в потолок. Его прекрасное лицо было задумчивым.

— Чаще всего.

Мы замолчали. Пока наши сердцебиения возвращались в норму, Хартли поглаживал меня по волосам, а я пыталась не волноваться на тему того, что будет дальше.

— Хартли, мне надо задать тебе один вопрос, — сказала я. На его лице появилось выражение настороженности, и я быстро договорила: — А какие проблемы есть у тебя самого? Просто ты никогда о них не рассказываешь.

Он хмыкнул.

— Все-то ты замечаешь.

— Угу.

Он осторожно перевернулся, лег на живот и положил руки под подбородок. Мы больше не соприкасались.

— Дело в том, Каллахан, что меня не особенно тянет обсуждать это сегодня.

— Вот как? — сказала я, тоже укладываясь на живот. — Значит, мои проблемы выкладывать на стол можно, а твои, получается, нет? — Это было нечестно. — Сам залез ко мне внутрь... — Тут я умолкла и ладонью захлопнула рот. Но смешок все равно успел вырваться.

— Что?

Я закрыла руками лицо.

— Поверить не могу, что я сказала, что ты *залез ко мне внутрь*.

Хартли фыркнул. А потом мы, лежа бок о бок, затряслись от смеха. Совсем как в прежние наполненные шутками вечера, только сегодня мы были голыми.

Потом я услышала, как в общей комнате хлопнула дверь — пришла Дана, и мы с Хартли, переглянувшись, дружно зажали ладонями рты. Пока она перемещалась по комнате и выключала телевизор, мы сотрясались от безмолвного смеха и не останавливались до тех пор, пока в ванной наконец-то не зашумела вода. Но и тогда мы продолжали хватать ртами воздух, сражаясь с последними приступами неконтролируемого веселья.

Вскоре наступила полная тишина. Дана легла спать.

Хартли глубоко вздохнул.

— Думаю, мне пора по-тихому улизнуть, — сказал он. Медленно сел, нашел свои боксеры и втиснулся в них.

Нет! — хотелось кричать мне. Но я прикусила язык, нашла его футболку и, передав ему, через голову натянула свою. Я не хотела, чтобы он видел, как я надеваю остальную одежду, потому что это был такой муторный, неуклюжий процесс. И просто накинула на себя одеяло.

— Слушай... ты не мог бы перед уходом привезти сюда мое кресло? Иначе я тут застряну.

Его глаза широко распахнулись.

— Черт, извини.

Я улыбнулась, надеясь, что улыбка вышла убедительно безмятежной.

— Ничего. Все равно последние полчаса мне не надо было никуда выходить.

Он выдохнул, и я почувствовала его — момент, когда все стало неловким.

Хартли похромал в общую комнату, подобрал свой второй костыль и, толкая перед собой мое кресло, завез его в спальню. Потом сел с краю постели.

— Спокойной ночи, Каллахан, — сказал он и коснулся одеяла в том месте, где оно накрывало мое колено.

Я очень хотела почувствовать его прикосновение, но не могла.

— Спокойной ночи, Хартли, — прошептала я.

Он наклонился и коротко поцеловал меня в нос. Его лицо было серьезным, почти печальным.

— Увидимся утром на завтраке?

— Угу, — ответила я, пока он вставал, чтобы уйти. *Потому что это будет несколько не странно.*

После того, как дверь снова закрылась, я еще долго лежала без сна и тосковала о нем.

Глава 14

Поцелуй-ка нас

Кори

На следующее утро в мою дверь вежливо постучали, и Данин голос сказал:

— Кори? Можно зайти?

— Конечно, — зевая, откликнулась я. Было уже позднее утро, но я все никак не могла

заставить себя посмотреть в лицо новому дню.

Зайдя, она оглянулась, словно ожидала увидеть здесь что-то другое.

— Итак... что, черт побери, случилось?

О-оу.

— О чем ты? — спросила я, и мои губы дернулись в неизбежной виноватой улыбке.

Она закатила глаза.

— Выкладывай. Потому что ты попалась и не отвертишься. — Дана подошла ко мне и уселась в ногах кровати. — Когда вчера вечером я вернулась домой, в гостиной лежал на полу костыль Хартли, а теперь его нет. Хартли был у тебя?

Я спрятала лицо за ладонями.

— Какое-то время.

Дана схватила меня за руки и опустила их вниз.

— Серьезно? Его обломала подружка, и тогда он решил подкатить к тебе? И где он сейчас?

Я выдохнула. В ее изложении все звучало совершенно неправильно.

— Это как посмотреть.

— А что, можно посмотреть по-другому? Он порвал с ней? Или рассчитывает, что ты станешь его запасным вариантом?

— Дана! Все не настолько плохо. Тебе же нравится Хартли.

Она погрузилась.

— Нравится. И я думала, он... — Она откинулась на кровать. — Не знаю. Иногда он смотрит на тебя таким взглядом... — Она покачала головой. — Просто я не доверяю ему. Такое ощущение, будто есть хороший Хартли и плохой Хартли, и они воюют между собой. Не хочется, чтобы ты попала под перекрестный огонь.

— Да, — сказала я. — Но в этой истории есть нечто, о чем ты не знаешь.

Она быстро села.

— Что?

— В общем, — я сглотнула, — пару недель назад я кое в чем призналась ему и...

Ее темные глаза всмотрелись в мои.

— В чем?

Я сделала долгий вдох и обо всем ей рассказала. Ну, почти обо всем.

— Ничего себе... — Она потерла виски. — Это самая странная и самая романтическая история, какую я когда-либо слышала. Он уговорил тебя лечь с ним в постель, чтобы помочь тебе выяснить, способна ли ты...?

Я кивнула.

— ...и все получилось?

Мое лицо запылало.

— Более чем.

Дана прыснула.

— Боже мой. И что было потом?

Я сделала глубокий вдох.

— Он прослезился. А потом встал и ушел.

Ее глаза стали размером с блюдца.

— Я даже не знаю, что и сказать. Но ты точно попала.

— Почему? — уныло спросила я, хотя уже знала ответ.

— Потому что ты только что сменила одну сердечную боль на другую. Теперь ты знаешь, как это приятно, но хочешь этого *с ним*. Ты хоть представляешь, что теперь будет?

То был вопрос, которого я избегала все утро с момента, как открыла глаза.

— Думаю, ничего. Стася вернется, и мы с Хартли притворимся, будто ничего не было. — Я сглотнула. — Меня ждет кошмар, да?

Дана кивнула.

— Сто видов кошмара. — Она уставилась в потолок. — Знаешь, его мама спрашивала меня о вас.

— *Серьезно?* — Я подалась вперед. — Что именно?

— Мы что-то готовили, и она захотела узнать, — Дана пальцами изобразила кавычки, — «парочка» вы или нет. И так расстроилась, когда я сказала, что нет. А потом добавила: «Умный же парень, но порой такой идиот». Так что не мне одной кажется, что у вас что-то есть.

Я покачала головой.

— Это ничего не значит. Просто его мать не выносит Стасю — и все.

— Как скажешь. — Дана встала. — Идем завтракать.

— Только если пообещаешь не улыбаться Хартли. Я умру, если он решит, что я обо всем разболтала.

— Это будет непросто, но ради тебя я постараюсь.

Через сорок минут я, нервничая, заехала следом за Даной в столовую. Я все утро тянула время, чтобы не пересечься с Хартли, так что мы пришли позже всех, и Дана, узнав, что копченый лосось для наших бубликов кончился, стала ворчать.

Как вы можете догадаться, я сразу же нашла взглядом Хартли. Всего один из больших столов был еще занят, и вокруг него сидела толпа хоккеистов с Хартли по центру. Пока я отворачивалась, он успел быстро мне подмигнуть.

— Я все видела, — шепнула мне Дана.

— Перестань, — пробормотала я. — Давай сядем возле окна.

Дана поставила на столик поднос, и я достала газету с кроссвордом, которую мне хватило ума принести.

— Первое по горизонтали. Половина пинты, — прочитала я. — Я бы сказала «стакан», но здесь четыре буквы.

— Я росла с метрической системой, — посетовала Дана. — Что там дальше? — Она откусила кусочек бублика.

— Современный житель Эблы. Шесть букв.

— Сирия! — объявила Дана.

— Сириец, — поправила ее я. Записав слово, я подняла голову и по Даниному лицу поняла, что она подслушивает. — Что? — прошептала я.

— Интересно, что он сказал им всем? — Она указала подбородком на стол Хартли. — Когда его спросили, как он провел ночь в свой день рождения. Не мог же он рассказать им о том...

Я покачала головой.

— Он не станет хвастаться.

Дана медленно кивнула.

— Ты права. Я не совсем понимаю, что между вами двумя происходит, но не представляю, чтобы он начал распускать сплетни. — Она сделала глоток кофе. — Ты для него слишком важна.

Необязательно, подумала я, вспомнив, как он вчера уходил.

— Дана. — Я понизила голос. — Он не станет болтать, потому что такими вещами, как шуры-муры с девушкой в инвалидной коляске, люди не хвастаются.

Она отставила кружку.

— Кори! Не верю, что ты серьезно.

Конечно, я говорила серьезно. На все сто процентов. Парни хвастались только статусными девчонками. Вроде Стаси. Стоило этой мысли сформироваться — и Стася появилась собственной персоной в арочном проеме выхода в коридор. На моем лице, должно быть, отразилось смятение, потому что Дана оглянулась через плечо.

Стася выглядела еще более сногшибательно, чем мне запомнилось, — если такое вообще было возможно. Ее длинные волосы цвета меда каскадами ниспадали на плечи. На идеальное, как у модели, лицо был нанесен макияж — невиданное дело для столовой субботним утром во время экзаменов. Она была одета в облегающую черную водолазку и клетчатую шерстяную юбку до середины бедра. Ее черные замшевые сапоги на шпильках заканчивались выше колен. А между сапогами и юбкой простирались добрые шесть дюймов гладких, сливочно-белых ног.

Ее чертовых идеальных ног.

В момент, когда Стася заметила Хартли, ее лицо озарилось, и она, вышагивая, точно на подиуме, двинулась к нему через столовую. Весь его столик умолк, и я не смогла отвернуться. Сияя, она обошла его стул.

— Ну что, поцелуй-ка нас, Хартли, — произнесла она тщательно поставленным голосом, что доказывало: она знала, что находится в центре внимания.

В наступившей тишине Хартли передразнил ее:

— *Поцелуй-ка нас, Хартли*. Вас что, теперь двое? — Его друзья засмеялись.

А потом под взглядами всего столика он отодвинул стул и поднялся. Стася взяла его лицо в руки и прильнула к его губам.

И он ответил на ее поцелуй.

Пока его приятели улюлюкали, он тоже накрыл ее щеки ладонями и закрыл глаза. Поцелуй все длился и длился.

Мир вокруг поплыл по краям, и Дана пришлось ущипнуть меня за руку.

— Кори, — тихо сказала она. — *Дыши*.

Но это было непросто, потому что мою грудь словно сжали тиски.

— Может, просто уйдем? — спросила она.

Я заставила себя смотреть только на Дану.

— Нет. — Если я встану и выскочу из столовой, то выдам себя с головой. Жаль, нельзя было провалиться сквозь землю.

Дана развернула газету.

— Путешествие на корабле. Пять букв, третья У.

— Хм. — Я заставила свои легкие сделать глубокий вдох. — Турне. Нет — круиз.

— Точно, — сказала она. — А теперь блюдо греческой кухни на букву Г.

— Гирос, — автоматически ответила я.

— Ты на коне.

Я стиснула свою кружку с кофе.

— Я даже не думала. — *Я не думала, что будет так больно.* Вот, что я имела в виду.

— Ох, милая, — проговорила она. — Дыши глубже.

За столом Хартли для Стаси уже нашли стул. До меня донесся ее плаксивый голос.

— Но Хартли, ты же обещал повести меня на Рождественский бал.

— А ты обещала побыть со мной в день рождения, — весело отпарировал он.

— Теперь это так называется? — вставил Бриджер.

— Тебе необязательно танцевать, — сказала она. — Достаточно быть в костюме и хорошо выглядеть.

— Что ж, в таком случае... — произнес он, и в его голосе прозвучали те же терпеливые, шутливые нотки, которые я расслышала во время его разговора с ней в день заезда. Он обращался к ней тем же снисходительным тоном, каким отцы разговаривают со своими малышками-дочерьми.

Со мной его голос звучал совершенно иначе.

— И все-таки, где ты была? — спросил он ее.

— Я бы приехала из Нью-Йорка, — сказала она, — но у Марко были билеты в театр.

— *У кого?* — встрял Бриджер.

— У того, кто меня отвозил.

— Теперь это так называется? — сказал Хартли. — Знаешь, ученые изобрели такие штуковины, называются «поезда»...

— Я думала об этом, — вздохнула она. — Но у меня было *столько* багажа.

— Вот *в это* я верю, — хмыкнул Хартли.

Дана, сидя напротив, только покачала головой.

— Зло пока побеждает.

— Ладно. — Я прижала ладони к древним доскам стола. — Вот теперь я готова уйти.

Глава 15

Задница уходящего года

Кори

Я не шутила, когда сказала Данае, что готова уйти. Мне было нужно установить дистанцию между Хартли и своим раздавленным сердцем. К счастью, рождественские каникулы предоставили мне прекрасное оправдание.

Но сначала надо было разобраться с экзаменами. Я не для того слезно умоляла родителей отпустить меня в Хакнесс, чтобы вылететь после первого же семестра.

Следующие два дня я не вылезала из главной библиотеки. Сидя в кабинке за книжными стеллажами, было невозможно услышать из-за стены голос Хартли или гадать, придет ли он сыграть в «Реальные клюшки». Я питалась купленными на вынос салатами и зубрила, как настоящий маньяк.

За дело взялась даже моя фея надежды. В микроскопических очках на носу она то пуляла в меня теоремами, порхая между главами учебника по математике, то усаживалась на край моего стаканчика с кофе. Что еще лучше, она не заикалась о Хартли. Ни единого раза.

Я досрочно сдала все три удаленных экзамена, а потом с головой ушла в экономику. Приехав утром десятого декабря на экзамен, я была так хорошо подготовлена, что меня не

смогло отвлечь даже присутствие Хартли. Когда я, закончив тест раньше времени, стала выруливать к выходу, он поднял лицо.

Я коротко помахала ему, потому смотреть прямо на него было чересчур больно. И уехала.

Через пятнадцать минут от него пришло сообщение. *Как насчет праздничного обеда в столовой? Я почти там.* Но я ему не ответила, потому что уже разговаривала по телефону со своей мамой.

— У тебя все в порядке? — испуганно выдохнула она.

Все было далеко не в порядке. Но признаться в этом я не могла.

— Все хорошо. Просто я рано закончила, вот и поменяла билет.

— А как же Рождественский бал? Твой брат его ни разу не пропускал.

— Ну, — произнесла я, — как видишь, не всем нравятся танцы.

— Хорошо, милая. — Ее голос был беспокойным. Она записала номер моего нового рейса и время прилета. И я отправилась к себе собирать чемодан.

К моменту, когда начался Рождественский бал, я была в воздухе над Великими озерами.

Жить три недели дома было скучно, но скука была ровно тем, в чем нуждалось мое разбитое сердце.

К счастью, мама не опекала меня так назойливо, как прошлым летом. Сказывалось то, что я снова научилась самостоятельно заботиться о себе, а она провела три месяца в опустевшем гнезде.

Я старалась следить за своим поведением. Улыбалась и рассказывала родителям, как замечательно все идет в Хакнесе. Старалась много не думать. Я даже вызвалась помочь маме с рождественской выпечкой и наконец-то использовала весь арсенал усовершенствований, которые мои родители сделали на кухне после несчастного случая.

Но в одиночестве — когда я лежала в своей новой спальне на первом этаже или смотрела в окно с пассажирской стороны нашей машины — мои мысли всегда возвращались ко дню рождения Хартли. Я вспоминала чувственное скольжение его рта поверх моих губ и касания его языка. Когда он ласкал меня, я ощущала его прикосновения всюду. Как он мог вот так целовать меня и не хотеть повторить это снова?

Он явно безразличен ко мне, и я усиленно старалась вбить это себе голову. Я проигрывала в памяти появление Стаси, вспоминая, как жадно Хартли ее целовал. И даже заставила себя подсчитать, сколько часов прошло между моментом, когда он задыхался от наслаждения, лежа в моей постели, и моментом, когда он засунул ей в рот свой язык.

Четырнадцать. Плюс-минус пару минут.

Слово «паралич» постоянно крутилось у меня в голове. Сердце Хартли было таким же бесчувственным, как мои ноги. Я ощущала его прикосновения всем своим существом, а мои его совсем не затронули.

На Рождество родители подарили мне ноутбук — более компактную и легкую модель, — и настраивать его было приятно. Конечно, впридачу к подарку прилагалась

лекция от моей мамы.

— Врач говорит, что тебе нужно проводить побольше времени со скобами на ногах. Мы подумали, такой будет легче носить с собой.

— Спасибо, — вздохнула я.

— Пока ты дома, я забронировала тебе семь занятий в фитнес-центре.

— Мам! Каникулы же. Можно мне отдохнуть?

— От физиотерапии — нет, — сказала она. — Но если хочешь, можно для разнообразия перенести их из зала в бассейн.

Жаль, я не могла топнуть своей пресловутой ногой.

— Нет! Просто... нет.

— Кори, ты ведешь себя неразумно.

Я не хотела с ней спорить. И просто выехала из комнаты.

К сожалению, разговаривать с папой оказалось не легче. У него был в разгаре хоккейный сезон, за которым я следила по интернету. В этом году девушки играли очень неплохо, но папа не хотел обсуждать их успехи со мной. Когда я пыталась завести разговор, он отделивался односложными предложениями.

— Пап, — сказала я как-то вечером, когда мы смотрели телевизор в более-менее комфортабельной тишине. — Ты когда-нибудь играл в «Реальные клюшки»?

— В видеоигру? — удивленно спросил он. — Нет. А ты?

— Играла, и она очень классная. Меня научил мой сосед — тот парень с переломом ноги.

— Адам Хартли? — спросила мама. — Помню-помню его. Он симпатяга.

— Мэрион! — воскликнул, смеясь, мой отец.

— Ну если оно так и есть, — невозмутимо ответила моя мама, и я рассмеялась. А потом заметила кое-что важное. В маме не чувствовалось напряжение — впервые со дня моего несчастного случая.

— В общем, мы с ним друзья, — сказала я. — И часто играем в хоккей на экране. Раз уж ни он, ни я не можем играть в настоящий.

Вот. Я произнесла это вслух.

Папа взял пульт и выключил телевизор. Потом в тишине внимательно посмотрел на меня.

— И тебе нравится эта игра?

Я кивнула.

Он поколебался, решая.

— Так где ее можно достать?

Мы купили «Реальные клюшки» прямо в тот вечер, и это напомнило мне, что атмосфера у нас дома по-прежнему была далека от нормальной. После несчастного случая мои родители — такие экономные прежде — начали швыряться деньгами. Они переоборудовали весь дом, они покупали мне все, что могло развлечь или отвлечь меня. Поэтому, хотя Рождество уже отгремело, мой отец раскошелился на игровую приставку.

Тренер Каллахан тоже быстро стал фанатом «Реальных клюшек». А когда домой приехал на длинный уикенд мой брат Дэмьен, мы посадили на игру и его.

Но я с легкостью «делала» их обоих. Ведь, в конце концов, я училась у мастера. Черт. Я *опять* начала думать о Хартли. Это должно было прекратиться.

Хартли

В канун Нового года я проснулся, лежа голым на чем-то, по ощущению напоминающем облако. В реальности это была кровать в огромной гостевой спальне в восточном крыле Стасиного особняка. Я был один, потому что во время визитов в Гринвич меня всегда селили в отдельную комнату. Родители Стаси не были идиотами — они наверняка догадывались, что мы занимаемся сексом. Но предпочитали правдоподобно изображать отрицание.

Я не принимал это близко к сердцу. Если им нравилось притворяться, что их малышка не способна наполнить джакузи у себя в спальне и станцевать передо мною стриптиз, это было их личное дело. Хорошо, что вчера вечером они задержались в гостях.

Простыни в гостевой спальне были сотканы из какого-то умопомрачительно мягкого хлопка. Однажды я слышал, как Стася и ее мать обсуждали количество нитей. Я, будучи обладателем члена, к таким разговорам был глубоко равнодушен, однако всякий раз, ночуя у Биконов, не мог не признать, что у их одержимости европейским постельным бельем есть свои плюсы.

Поскольку после Рождества мой гипс наконец-таки сняли, я проснулся полностью голым, и ногам ничего не мешало путаться в накрывающих мою утреннюю эрекцию простынях.

Блаженство.

Мои мысли отправились блуждать. Я почти полностью вылечился от травмы. К концу дня нога всегда немного побаливала, и диапазон движений не восстановился до идеала, однако прогресс был на лицо. На днях я получил письмо из университетского управления общежитиями, где говорилось, что до следующего учебного года меня не станут напрягать переселением обратно в Бомон. Так что мои покои с личной ванной и двуспальной кроватью пока что оставались за мной.

Размышления о МакЭррине привели за собой мысли о Кори. То есть, я вдруг стал думать о ней, лежа с голой задницей и внушительным стояком. К сожалению, это происходило уже не впервые. За последние две недели я много раз вспоминал о той ночи в ее постели, о ее теле рядом с моим. Когда я касался ее, она издавала самые эротичные звуки, которые я слышал *за всю свою жизнь*. Забыть такие детали было непросто.

Откровенно говоря, это было попросту невозможно.

А когда я был в настроении помучить себя по-настоящему, то вспоминал тот безумно острый момент, когда она склонилась надо мной и... Черт. Я испытал небывалое для себя потрясение. *Вот тебе*, проговорила она. *За то, что сказал, что я трушу*. И я чуть не потерял рассудок от того, каким огнем при этом полыхнули ее глаза.

Почему я никак не мог перестать думать об этом?

Серьезно, мы ведь сделали не так уж и много. Просто чуть-чуть пообжимались и все. Люди постоянно таким занимаются, разве нет? Безусловно, это не было обычным затмением под воздействием похоти и алкоголя. Кори была мне небезразлична, но я затеял то, что затеял, не только поэтому. Превыше всего мне хотелось дать ей понять, что она сексуальна — на все сто процентов. Я подумал, что смогу доказать это ей — и доказал.

Проблема заключалась в том, что я доказал это нам обоим.

Так что теперь я лежал в доме своей подружки и, твердый как чертов камень, вспоминал о том, как меня ласкала другая. А потом — так уж мне по жизни везло — дверь спальни открылась, и в комнату грациозно всплыла Стася. Она уже оделась в тесные черные брючки и мягкий, дорогой на вид джемпер.

Я откашлялся.

— Привет, красотка.

— Привет.

Она закрыла за собой дверь и с вкрадчивой улыбкой повернулась ко мне. И я вновь испытал это чувство. Всякий раз, когда я гостил здесь, среди нездоровой роскоши, а принцесса из Гринвича смотрела на меня своими ореховыми глазами, как на самое заманчивое лакомство в мире, мое существование приобретало смысл. Она вождедела *меня* — раздолбая родом из задницы штата, с прочерком в графе «отец» в свидетельстве о рождении и балансом на карточке, которого грозило не хватить на следующие пять месяцев пиццы и пива.

Внимание Стаси значило для меня нечто такое, о чем мне не нравилось говорить.

Так что было как нельзя кстати, что Стася хотела от меня вовсе не разговоров. Она бросилась на кровать и уставилась прямиком на мою эрекцию, колом стоящую под простыней.

— Так-так, — прошептала она, и в ее глазах вспыхнуло озорство. — Не знала, что ты уже... *встал*. — Она поцеловала меня в плечо, после чего немедленно начала опускаться вниз, утягивая за собой простыню.

Мое тело не преминуло откликнуться.

Секунд через десять, обласкав своими длинными волосами мою голую грудь и живот, она добралась до своей цели и безо всякой преамбулы всосала меня глубоко в рот. *Воу*. Я всего и смог, что глотнуть кислорода и расслабиться на матрасе.

Я закрыл глаза, но это было ошибкой. Потому что мой мозг моментально вернулся к тем мыслям, которые прервало появление Стаси. И я обнаружил, что пока моя девушка обрабатывает меня, представляю совсем другое лицо.

Черт! Я ведь был не настолько крупным засранцем. Снова открыв глаза, я приподнялся на локтях. Перед моими глазами предстала крайне соблазнительная картина — моя девушка, склонившаяся надо мной, ее разметающиеся повсюду волосы, ее занятый делом рот. Однако под таким углом было нетрудно заметить, что скоро Стасе предстоит новый визит к стилисту — корни ее волос отросли, чего она не терпела. Она принялась стонать, что должно было завести меня. Но ее стоны были преувеличенными, как в порнофильмах.

Она всегда издавала подобные звуки, и они не должны были резать мне слух. Просто существовало так много деталей, которые Стася тщательно продумывала, создавая свой образ, — цвет волос, нижнее белье, голос. Как-то раз она сказала мне, что приучила себя улыбаться, прощаясь по телефону, чтобы собеседник услышал ее улыбку.

И обо всем этом я размышлял, пока мой член был у нее во рту. Я отвлекся, и стало понятно, что дело затянется. Теперь, чтобы довести начатое до конца, Стасе требовалось применить какой-нибудь топовый челюстной прием. Господи, и я впрямь был засранцем.

Но тут у нее зазвонил телефон — заиграла девятая симфония Бетховена, рингтон, поставленный Стасей на звонки ее матери. На секунду мне показалось, что она не собирается отвечать, и тогда я потянулся вниз и, пропуская сквозь пальцы ее шелковистые волосы, мягко обхватил ее голову.

— Тебе лучше ответить, — прошептал я.

— Извини, — сказала она, потом выпрямилась и взяла телефон. — Алло? Я наверху, бужу Хартли. — Она бросила на меня многозначительный взгляд. (Да-да, у Стаси и правда был такой большой дом. Ее матери было проще позвонить ей по телефону, чем утруждать себя поисками.)

Настроение было официально испорчено — и даже не по моей вине. Оставив Стасю разговаривать с матерью, я соскочил с кровати, ушел в ванную и, закрыв дверь, включил душ.

Через минуту, пока по моей спине стекала горячая вода, в ванную зашла Стася.

— Уже пришла поставщица, и маме нужна моя помощь, чтобы решить, что куда ставить. Завтрак сегодня будет в столовой, потому что перед вечеринкой террасу освобождают от мебели.

Я высунулся из душа и улыбнулся ей.

— Тогда увидимся внизу? — Я дотянулся до ее руки и привлек к себе для быстрого поцелуя, а она одарила меня своей фирменной усмешкой, после чего поторопилась выйти из ванной, пока ее волосы не начали виться от пара. (Говорите обо мне что хотите, но я уделял внимание маленьким привычкам своей девушки. Намного большее, чем она уделяла моим.)

После самого быстрого душа в мире я оделся в вещи, которые Стася подарила на Рождество. Поскольку ничем, кроме одежды и украшений, моя девушка не интересовалась, она здорово умела их выбирать. Рубашка, которую я нацепил, была дико дорогой вещью из «Thomas Pink». Я подвернул манжеты, чтобы сохранилась небрежность, потому что таким был мой стиль. Но у Стаси реально имелся вкус. Джинсы были такого бренда, о котором я в жизни не слышал, и заказать их можно было только во Франции.

В общем, надев одобренный Стасей наряд, я спустился в столовую. Там во главе длиннющего стола сидел в одиночестве Генри — Стасин отец.

— Доброе утро, мистер Бикон, — сказал я, когда он поднял лицо. Перед ним лежала стопка из трех газет. Кто-то потратил время на то, чтобы идеально их выровнять.

— Доброе утро, сынок, — сказал он. От этого обращения меня всегда пробирала странная дрожь. Ни один мужчина, кроме мистера Би, меня так не называл. — Кофе горячий, и я только что попросил Анну приготовить омлет. Если скажешь ей прямо сейчас, она сделает и на твою долю. — Он потянулся через сияющее пространство стола к верхней газете.

— Похоже на план. — Я пересек столовую и зашел на промышленного размера кухню. Там, среди полированного дерева и нержавеющей стали, стояла и помешивала на сковородке масло их личная повариха Анна.

— *Hola*, Хартли! — прошептала она. — *Qué quieres para el desayuno?* (Привет. Что будешь на завтрак? — прим. пер.)

Если б я попытался ответить ей на испанском, то опозорился бы.

— Омлет, если вы его сегодня готовите.

Она направила на меня указательный палец и перешла на английский.

— Хорошо поджаренный с сыром, луком и ветчиной?

— Вы всегда и все помните. — Анна была классной. Хотелось верить, что Биконы платили ей нормальное жалование, потому что она без вопросов заслуживала его.

— *El café está allí*, — добавила она. (Есть кофе — прим. пер.)

— *Gracias*. А Стася свой уже выпила? — спросил я.

— Я еще не видела ее. — Анна склонилась над разделочной доской, и луковица под ее

ножом начала превращаться в аккуратную горку пластинок.

— Нехорошо, — сказал я, отправляясь за кофе. — Мы не можем оставить Стасю без кофеина.

— Ты знаешь, что делать. — Анна акцентировала это предложение шипением лука, упавшего на сковородку.

Я сделал две чашки кофе и отправился искать свою девушку. Она и ее мать были погружены в беседу с женщиной в переднике с надписью «Кейтеринг Кэти». Я уже давно заметил, что большие, модные компании, которые нанимали для своих нужд Биконы, всегда назывались умилительно по-домашнему. «Такси Томми». «Лесоводство Фрэнки». Но это было обманом. Прямо сейчас по Фэрфилду разъезжало, наверное, штук семнадцать фургонов «Кейтеринга Кэти», с помощью пожарного шланга высасывая из богатых особняков деньги.

— Боже, спасибо тебе, — выдохнула Стася мне на ухо, когда я подал ей ее чашку. Она положила свою теплую ладонь мне на спину и, пока ее мать с поставщицей все обсуждали и обсуждали порядок подачи закусок, сладко улыбалась мне поверх края чашки. То была улыбка из каталога «Victoria's secret», и она предназначалась лишь мне — и мне одному.

И тем не менее, я ощущал... *Черт*. Не знаю, что именно. Ее идеальное тело было таким знакомым. У нее имелись все нужные изгибы во всех нужных местах, и безупречная кожа, и красивые волосы. Но отчего-то я смотрел на нее с расстояния, которого не было прежде.

Возможно, причина заключалась в том, что она несколько месяцев провела на другом конце света, и я от нее отвык. Но я вдруг ощутил нехватку чего-то. Стася всегда удовлетворяла мою извечную тягу к насыщенной жизни с самой прекрасной девушкой. Однако по какой-то непонятной причине теперь у меня внутри жил незнакомый голод, и я не знал, что мне с ним делать.

А может, мне просто нужно было позавтракать.

Я поцеловал Стасю в щеку и оставил женщин планировать вечеринку. Пришла пора съесть свой омлет и позволить мистеру Бикону поболтать со мной о моем курсе экономики в колледже. Что наверняка вызовет у меня мысли о Кори. И я начну думать о...

Фак.

Кори

В Новый год мои родители всегда уезжали в Мэдисон, чтобы встретить там Новый год с шампанским.

— Ребята, поехали с нами, — сказала нам мама.

Но мы с шампанским не ладили.

— Пожалуй, я пас, — ответила я.

— Я потусуюсь с Кори, — сказал Дэмьен.

Когда они ушли, мы с Дэмьеном сделали себе по мороженому с фруктами и орешками и принялись переключать каналы на телевизоре. Смотреть, как на Таймс-сквер опускается шар, было слишком отстойно, так что я выбрала старый фильм. *(в последнюю минуту каждого года с небоскреба «Нью-Йорк Таймс» опускается хрустальный новогодний шар — прим. пер.)*

— Слушай, — проговорил мой брат после того, как прикончил свое мороженое, — а как так вышло, что ты не зависаешь со своими друзьями из школы?

О-оу. Если он задает мне такие вопросы, значит, его, скорее всего, подговорили

родители.

— Тебя не было здесь в прошлом году, но это было сурово. Почти все друзья, особенно с хоккея, от меня отделились. Кроме Кристин, но она на Фиджи с родителями.

— Черт. Сочувствую.

— Да я больше не переживаю. — Это была почти правда. — Но мне не особенно хочется кого-то вызванивать. Все равно через несколько дней я вернусь в колледж.

— Логично. — Брат забрал у меня опустевшую миску. — Но мама с папой считают, что у тебя депрессия. Типа, клиническая.

Черт. Это означало, что мое настроение бросалось в глаза сильнее, чем я надеялась.

— Я не в депрессии, честное слово. В колледже здорово. Мне там все нравится.

— Тебе, похоже, досталась неплохая соседка.

— Она классная!

Он внимательно посмотрел на меня своими голубыми глазами.

— Я сказал, что они надумывают себе. Но продавать им это было непросто, потому что реально, ты ведешь себя очень тихо.

— Наверняка они думают, будто мне тяжело учиться или что-нибудь еще в этом роде. Но серьезно, на самом деле все намного банальней. Просто проблемы с парнями.

У Дэмьена испуганно вытянулось лицо.

— Э-э... даже не знаю, стоит ли мне выслушивать эту часть. Секс — это типа единственное, что я не могу с тобой обсуждать.

Я улыбнулась — впервые за вечер. Всю жизнь я собирала в копилку темы, которые заставляли моего брата ерзать и морщиться. Их было немного.

— Ты не хочешь узнать шокирующие подробности?

Я отчаянно блефовала, поскольку никогда в жизни не стала бы об этом распространяться, но моя уловка сработала. С каждой секундой ему становилось все неудобнее.

— Пожалуйста, скажи, что ты не спишь с Хартли.

Мой ответ был коротким и быстрым.

— Не сплю. — *В том-то и заключалась беда.* Но мой брат по-прежнему выглядел напряженным. — Ни с ним, ни с кем бы то ни было, — прибавила я.

По его лицу разлилось облегчение.

— Так что у тебя за проблема?

Понятно, что ничего ему объяснять я не стала. Но у меня был вопрос.

— Дэмьен, как ты думаешь, женщина в инвалидной коляске могла бы показаться тебе сексуальной?

Он наморщил лоб.

— Ну да. Но я еще не встречал женщин в инвалидных колясках. Исключая присутствующих. А ты, будучи моей младшей сестренкой, не можешь быть сексуальной.

Я фыркнула.

— К сожалению, весь остальной мир согласен с тобой. Когда парни глядят на меня, то, кажется, замечают одно только инвалидное кресло. Словно я и не отношусь к противоположному полу.

— Слушай, Кори, — он подпер кулаком подбородок, — если на улице мимо меня проедет в инвалидной коляске София Вергара, я все равно за ней побегу.

— Значит, будь у меня огромные сиськи и роль в популярном сериале...

Он засмеялся.

— Не забудь сексуальный акцент. У нее он просто чума.

Мда. Надеяться мне и впрямь было не на что.

Когда кино закончилось, мы с Дэмьеном еще раз сыграли в «Реальные клюшки». Он принял недалёковидное решение играть за «Ред Уингз», и я без труда его разгромила.

— Спасибо, что пощадил, — поддразнила я его после, а он закатил глаза и ушел на кухню за пивом.

В этот момент у меня зазвонил телефон. Я подобрала его с журнального столика и увидела номер Хартли. Мое сердце сжалось от неожиданности, и откуда ни возмись появилась моя фея надежды. *Возьми трубку!* Она была одета в искрящееся новогоднее платье.

Девушка поумнее не послушалась бы. Девушка поумнее позволила бы звонку уйти на автоответчик.

Но я, конечно, ответила. И сразу услышала его хриловатый голос.

— С новым годом, Каллахан.

— Привет, — выдохнула я. Сглотнула и попыталась взять себя в руки. — Ты сейчас где? — Где бы он ни был, там было шумно.

— На одной очень нудной вечеринке в Гринвиче, штат Коннектикут. Но я подумал о тебе и вот позвонил.

— Неужели? — Я не хотела, чтобы это прозвучало как вызов, но вопрос о том, что именно он обо мне думал, был для меня больной темой.

— Конечно, — произнес он с теплотой в голосе. — Я подумал, что тебе, наверное, как никому другому, хочется поскорее увидеть задницу уходящего года.

Мне пришлось сделать паузу и ненадолго задуматься. Год моего несчастного случая официально закончился. Поздравить меня с этим было совершенно нормальной идеей — именно так и поступил бы друг в Новый год.

— Ты прав, — произнесла я. — Спасибо, Хартли.

— Надеюсь, следующий год сложится для тебя лучше. Ты это заслуживаешь.

Его слова остались висеть между нами. Они были приятными, но почему-то звучали как «до свидания».

— Спасибо. — Мой голос был тихим. — Уверена, он будет лучше. Как и твой.

— Кто знает, — отозвался он. Его голос зазвучал как-то потерянно. — Посмотри на часы, Каллахан. С Новым годом.

Я посмотрела на время на ресивере кабельного ровно в момент, когда цифры сменились с 23:59 на 00:00.

— С новым годом, Хартли. — Я сглотнула. А потом не смогла удержаться и озвучила свою возникшую следом мысль. — Тебе разве не нужно пойти и кого-нибудь поцеловать?

Он хмыкнул.

— Эх вы, среднезападники. У меня Новый год наступил час назад.

Черт, черт, черт. Моя маленькая промашка с часовым поясом ввергла меня в уныние. Потому что я была человеком, о котором Хартли вспомнил в последнюю очередь. Которому он позвонил, когда настоящий праздник закончился.

— Ладно. Мне нужно идти.

— Береги себя, Каллахан. Увидимся на следующей неделе.

Эх. Наш разговор с Хартли длился всего пару минут, но умудрился залезть мне под кожу. Весь следующий день я анализировала свои слова, думая о том, что стоило говорить, а что нет, и что можно было сделать иначе.

Дэмьен улетел обратно в Нью-Йорк, и отвлекать меня стало некому. Мне было необходимо прекратить думать о Хартли, но мой мозг упрямо продолжал воспроизводить его улыбку с ямками на щеках.

Мечтая о Хартли, я представляла, как он проникает ночью ко мне в комнату, отбрасывает одеяло и ложится в мою постель. Слов в моих грезах было немного. Фактически, всего два. «Прости меня», — шептал Хартли. А потом начинались поцелуи, и торопливое избавление от одежды, и...

Черт. Черт. Черт.

Все, что происходило в моих мечтах, он проделывал не со мной, а со Стасей. И когда я пыталась понять, почему, мое сердце разбивалось на крошечные осколки.

Что-то просто не складывалось. Ведь Стася была ужасной. Прекрасной и ужасной. Не то чтобы я не могла понять, почему Хартли хочется раздеть эквивалент топ-модели. Во время нашего короткого новогоднего разговора он признался, что сидит с ней на каком-то очень нудном приеме. Ради чего? Вывод напрашивался один: привлекательность ее роскошного тела с лихвой компенсировала скуку в общении.

Я просто не могла уложить это в голове. Хартли был секси. Но я желала не только одно его тело. Нам было весело вместе — и очень. Мы спорили и шутили. Я знала — и у меня не было ни малейших сомнений, — что моя компания была ему интересна.

Видимо, этого было мало. Меня самой было мало. В чем я волей-неволей винила свой паралич. *Здоровая* Кори Каллахан — с двумя работающими ногами и без сопутствующего инвалидности багажа, — может, и могла бы переместить меня из категории девушек, с которыми Хартли хотелось дружить, в категорию девушек, которых он хотел бы видеть в своей постели.

Но я застряла в таком состоянии навсегда. Он был с ней, а я была одинока. Совсем-совсем одинока. Мне было необходимо обзавестись собственной жизнью — и поскорей. Проводить все свое свободное время с Хартли было чудесно, но вместе с тем это значило, что кроме него я не нашла новых друзей.

И сейчас это казалось огромной ошибкой.

Уезжая в сентябре в Хакнесс, я оставила на столе брошюру о студенческих внеклассных мероприятиях. Прошлым летом она не вызвала у меня ничего, кроме депрессии. Ничто не могло заменить в моей жизни хоккей, и я не представляла, чтобы хоть что-то из этой брошюры заслуживало внимания.

Теперь же я вцепилась в нее, как в спасательный круг. Мне было необходимо обзавестись новым хобби и окружить себя новыми лицами. Это был единственный способ справиться с влюбленностью в Хартли. Наши с ним задушевные пятничные вечера на диване закончились. Теперь Стася начнет таскать его по танцам и вечеринкам. Довольно скоро его перелом окончательно заживет, и он перестанет спрашивать, на каком этаже вечеринка. Он перестанет быть калекой. Совсем. Даже эта маленькая связь между нами будет разорвана.

И это меня убивало.

Пока я искала свою новую страсть, моя копия брошюры стала потрепанной, как библия

пожилой дамы. Стоит ли говорить, что вещи вроде дискуссионного клуба и политического кружка не показались мне привлекательными. Музыка была не мое, к тому же эти группы были уже сформированы. Драма? Ага, конечно. Следующей большой постановкой в студенческом театре была пьеса «Сон в летнюю ночь». Я с трудом представляла себе Титанию или фею на костылях.

Сильно углубляться в раздел со спортивными секциями я не стала. В Хакнесе факультеты соревновались между собой, накапливая очки. Как в «Гарри Поттере», только вместо квиддича предлагались обычные магловские занятия: футбол, баскетбол и сквош. То есть, ничего для меня. Я задумалась было о бильярде, но в кресле было не достать до стола. К тому же, я и здоровая паршиво играла в бильярд.

Добравшись, наконец, до низа последней страницы, я рассмеялась. Потому что там был мой спорт. Неидеальный. Даже немного нелепый. Но, кажется, в нем я могла преуспеть.

— Мам? — Я нашла ее в прачечной, где она складывала белье моего отца.

— Да, милая?

— Я согласна на эти занятия. Только в бассейне, а не в зале.

На ее лице вспыхнула радость.

— Замечательно! Давай найдем твой купальник.

— Как думаешь, я смогу начать завтра?

Она побежала за телефоном.

Физиотерапию в бассейне вела белокурая амазонка по имени Хизер. Она была на несколько лет старше меня и почти наверняка являлась любимицей у пациентов мужского пола. Они, наверное, выстраивались в очередь на занятия с ней и ее ярко-красным купальником.

Спустя полчаса я, задыхаясь, цеплялась за бортик бассейна. Плавание с помощью одних только рук оказалось выматывающим занятием.

— Кори, серьезно, — произнесла Хизер, — большинство пациентов надевают пояс для плавания, по крайней мере в начале. Он не сделает тебя слабой.

— Но у нас не так много времени, — сказала я.

— Тогда скажи, чего именно ты хочешь добиться за наши занятия? — спросила Хизер, наставив на меня свой безупречный подбородок.

— Научиться как можно уверенней плавать. И еще одно. Мне надо понять, как забираться на надувную камеру так, чтобы в центре была моя задница.

— Потому что ты хочешь... сплавиться на камере по реке? — предположила она.

— Не совсем, — ответила я.

Когда я изложила Хизер свой план, она рассмеялась.

— Что ж, я найду тебе камеру. Это будет весело.

Глава 16

Это мой конек

Кори

Вернувшись в колледж, я за весь вечер ни разу не увиделась с Хартли. Следуя своему

новому плану, я пошла ужинать с Даной и ее подругой из певческой группы в столовую факультета Триндл. Когда мы пришли домой, под его дверью было темно. *Все будет хорошо*, заверила себя я. Наверное, теперь Хартли чаще будет бывать в комнате Стаси, чем у себя, а жила она, вероятно, в Бомоне. Я дистанцируюсь от него и потихоньку начну забывать.

Операция «Забыть Хартли» — или, сокращенно, О. З. Х. — началась.

Спрятавшись в спальне, я сделала важный телефонный звонок. В списке контактов команды по водному поло, в которую я хотела попасть, были указаны имена двух студентов: капитана команды и менеджера. Последнее показалось мне дружелюбнее, так что я нашла в справочнике кампуса ее номер и, пока не растеряла решимость, поспешила набрать. Элисон Ли ответила после первого же гудка.

— Алло, это Элисон? — сказала я. — Меня зовут Кори, я первокурсница и на каникулах прочитала о наборе в смешанную команду по водному поло на камерах.

— Привет, Кори! — сказала она. — Мы с радостью тебя примем. И ты звонишь очень вовремя. Завтра вечером у нас тренировка.

— Что ж... — пискнула я. — Мне только надо убедиться, что вы не шутили, когда говорили, что опыт необязателен.

— Кори, скажу тебе прямо: нам подходят все, у кого имеется пульс. Особенно девушки. По правилам мы обязаны иметь на воде не меньше трех женщин. В прошлом году нам пришлось отменить пару игр, потому что мы не смогли укомплектовать нашу команду. Всего игр одиннадцать — по одной против каждого факультета.

Это звучало многообещающе.

— Здорово, — ответила я. — Мой следующий вопрос тебе, наверное, приходится слышать нечасто. Ты случайно не знаешь, в бассейне есть пандусы для инвалидов-колясок? — Перемещаться по скользкому полу на костылях казалось неудачной идеей.

Если она и сделала паузу, то, к ее чести, совсем небольшую.

— Вроде бы, да. Да — точно есть. Я видела там занятия по физиотерапии.

— Элисон, — сказала я. — Честное слово, плаваю я намного лучше, чем хожу.

Она рассмеялась, и я сразу повеселела.

— Окей, Кори. Ну, тогда до завтра? Мы начинаем в семь.

— Я приду.

И я с чувством небывалого воодушевления повесила трубку.

— Каллахан.

Я медленно просыпалась под звук чьего-то шепота около уха.

— Каллахан, зацени-ка.

Мои глаза распахнулись, и меня резко выдернуло из сна. Потому что возле моей кровати стоял одетый в футболку с шортами Хартли. И у меня при виде него остановилось сердце. Эти карие глаза, эта кривая усмешка были еще более волнующими, чем мне запомнилось.

Возьми себя в руки, приказала себе я.

— Смотри. — Усмехнувшись, он показал на свою ногу.

И тогда я поняла, что он имеет в виду. Хартли стоял, и на ноге у него не было ни гипса, ни даже ортеза.

— Вау, — проговорила я. Приподнялась на локтях и, усадив себя, подняла руку вверх,

чтобы дать ему пять. — Поздравляю.

Он шлепнул меня по ладони.

— Спасибо. Ну, увидимся на экономике. — И он ушел, немного прихрамывая и опираясь на трость, которой я раньше не видела.

Когда за ним захлопнулась дверь, я выдохнула. О. З. Х. обещала быть сложной. Однако пасовать перед сложностями я не привыкла.

После первой лекции в новом семестре — по истории искусств Возрождения — я поехала на экономику, где, как всегда, задом докатила свою коляску до стенки. Через минуту в аудитории появился Хартли. Я скорее почувствовала, чем увидела, как он зашел. Сунув свою трость под сиденье, он сел на стул рядом со мной.

— Как дела? — спросил он. Его голос был теплым.

Я подняла голову и моментально попала в ловушку его кареглазого взгляда. Внутри все скрутилось, и я почувствовала, как моя шея начинает гореть, а пульс ускоряется.

Черт. Черт. Черт.

Он все еще ждал, когда я отвечу.

— Да так, — наконец промямлила я. Почему мне вдруг стало так тяжело говорить?

Скажи ему про водное поло! Моя фея надежды вернулась и трепещущим ореолом закружила вокруг моей головы.

Нет.

Я не собиралась ничего ему говорить. Прежняя я сразу же разболтала бы о том, как я волнуюсь — и как боюсь опозориться. Нет, Хартли, конечно, выслушает меня. Будет смотреть мне в глаза и говорить самые подходящие к случаю вещи. Но мне надоело ему доверяться. Потому что это вело к одному результату — разбитому сердцу.

— Преподаватель в этом семестре, вроде, должен быть поживей, — сказал Хартли. — Но я слышал, что материал будет скучнее.

Сделав глубокий вдох, я открыла лежащий на коленях учебник.

— Да, и впрямь скучновато, — согласилась я. — Торговые балансы и курсы валют? Не скажу, что я в диком восторге.

Тут преподаватель, начиная лекцию, постучал по микрофону, и я была спасена. Я сконцентрировала внимание перед собой и вскоре, когда нам начали описывать концепцию бюджетного дефицита, погрузилась в объяснения преподавателя.

Что я вообще тут забыла? В этот самый момент Дана сидела в соседнем корпусе и слушала свою первую лекцию шекспировского курса. Она звала и меня, но я отказалась. Неожиданно я поняла, что решение снова посещать экономику было унылой попыткой удержать хоть частичку Хартли и продлить наше общение. С помощью предмета, который мне даже не нравился.

Что было по-настоящему жалко.

После лекции мы с Хартли выбрались из аудитории и, как всегда, выдвинулись к столовой.

— Как Дана? — спросил Хартли. — Я еще не видел ее.

— Купила себе полфунта кофейных зерен в шоколаде в качестве средства от джетлага. Судя по всему, каникул хватило только на то, чтобы снова перестроиться на японское время. А потом ей опять пришлось улетать.

— Жесть, — сочувственно произнес Хартли.

И тут я заметила Стасю.

— Привет! — крикнула она и помахала рукой. Через дорогу было сложно понять, относится ли этот жест и ко мне.

Когда мы перебрались на ее сторону, она первым же делом поцеловала его. И не быстрым чмоком. Нет. Она подошла к Хартли вплотную, положила руки на его скульптурные плечи и впиалась в его рот. Целую долгую минуту, пока они целовались, я сидела, застыв от неловкости, и гадала, что же мне положено делать.

В момент, когда я была уверена, что от ощущения дискомфорта скоро взорвусь, Стася сказала:

— Пошли на ланч в «Katie's Deli».

— Что? — спросил Хартли, поднимая больную ногу с дорожки, точно фламинго. — Это же плюс еще два квартала. И потом, мы с Каллахан после экономики всегда ходим в общую столовую. Это не только недалеко, но и бесплатно.

— Но... — начала канючить она, — я четыре месяца мечтала о баклажанах.

Я подняла руку.

— Знаете, вы идите. Мне надо попробовать между лекциями добраться до деканата. Так что увидимся позже. — Я направила свои колеса обратно к Бомону. Немного отъехав, я оглянулась и помахала им.

В ответ Хартли бросил на меня какой-то немного сердитый взгляд, и мне почему-то захотелось расхохотаться. О. З. Х. вернулась в нужное русло.

Я направилась к деканату Бомона — в точности, как и сказала Хартли. К сожалению, оказалось, что к столетнему дверному проему ведут три мраморные ступени и потрясающая, но узкая гранитная арка. На костылях я бы справилась без проблем. Но я не заезжала за ними домой и сидела в кресле. Поэтому, припарковавшись напротив двери, я позвонила в деканат по мобильнику. Я услышала, как внутри зазвонил телефон, и секретарша ответила:

— Да?

— Здравствуйте, — сказала я. — Это Кори Каллахан, и я прямо снаружи, но в инвалидном кресле...

— Конечно, Кори. — Женский голос был дружелюбным. — Тебе надо поговорить с деканом? Сейчас я попрошу его выйти.

Не прошло и тридцати секунд, как на улице с блокнотом в руке появился декан Дарлинг. Бородатый, одетый в вельветовый пиджак с заплатками на локтях, он выглядел так, словно родился прямо здесь, среди пыльных библиотек и гранитных фасадов.

— Прошу прощения, моя дорогая. — У него был красивый, ярко выраженный британский акцент. — Эти старые здания...

— Мне нравятся эти старые здания, —插вила я.

Он сел прямо на ступеньки крыльца.

— Ну что ж. Вы хотели бы поговорить прямо здесь? Или более конфиденциально? Мы можем поискать какой-нибудь...

Я покачала головой.

— Нет, у меня ничего серьезного. Просто хочу заменить один предмет на другой, но мое расписание уже было утверждено.

— Никаких проблем, — просиял он, снимая колпачок со своей золотой ручки. — Итак, что это будет, мисс Каллахан?

— Понедельники, среды и пятницы в десять тридцать, — начала я. — Давайте вычеркнем экономику и заменим ее шекспировским курсом.

— А, курс изящных искусств. Я хорошо его знаю, — сказал он, записывая. — Уверен, он покажется вам восхитительным.

— Я тоже.

— Как у вас дела, Кори? — спросил декан, склонив голову набок. — Ваши предварительные оценки выглядят изумительно.

— Правда? — Я невольно заулыбалась. Нам должны были сказать наши оценки через неделю, но я надеялась, что справилась хорошо.

Он кивнул.

— Вы молодец, — сказал он. — Ну, а как у вас с остальным? Насколько я помню, вы поселились в МакЭррине? Летом, после разговора с вашими родителями, я сам осматривал комнату.

— Все идеально, — сказала я. — И у меня замечательная соседка.

Он довольно покивал головой.

— Хорошо, хорошо. Ну что ж, вы наверняка спешите на ланч. — Декан бросил взгляд в сторону столовой. Затем поморщился. — Лестницы! О, боже. — Он поднялся на ноги. — Я был так сосредоточен на ваших жилищных условиях... каким образом вас приписали к Бомону?

— Я сама туда попросилась. Мой брат был в Бомоне.

Его лицо все еще было искажено тревогой.

— Но... где же вы ужинаете? Ведь вечером общая столовая закрывается.

— Вон там. — Я показала на здание в глубине двора. — Мы с Адамом Хартли еще в самом начале обнаружили технический лифт.

— О! — смутился декан. — Ведущий на кухню?

Я кивнула.

— Они уже привыкли ко мне.

Он совсем покраснел.

— Я чувствую себя просто ужасно. Вы можете перевестись на другой факультет, со столовой на первом этаже.

Я не собиралась этого делать, потому что не хотела терять Дану.

— Все нормально, честное слово. Пожалуйста, не переселяйте меня. Я уже привыкла к этому месту. И потом... тогда я совсем обленюсь, а меня обязали учиться подниматься по лестницам на костылях.

Декан нерешительно помолчал.

— Ну, если вы уверены, мисс Каллахан... — Он откашлялся. — Вы же сообщите мне, если столкнетесь еще с какими-нибудь недоработками с нашей стороны? С любыми, даже самыми незначительными.

— Хорошо.

— Кори. — Он протянул мне ладонь, и я пожала ее. — Я всегда говорю, что не проходит ни дня, чтобы студенты меня чему-нибудь не научили. А вы добавили мне мудрости еще даже до перерыва на чай.

— Мне было приятно, — улыбнулась я.

Вечером я надела под спортивные штаны на липучках купальник и добралась до зала на добрых пятнадцать минут раньше начала тренировки по водному поло на камерах. Я хотела переместить себя из кресла в бассейн без зрителей. Зафиксировав кресло, я отстегнула штаны, после чего с помощью изворотливого маневра соскользнула на пол. Сбросив футболку, я засунула одежду в пакет. Затем сняла с колес тормоз и мягко подтолкнула кресло к стене.

Перемещая свою задницу к краю бассейна, я услышала за спиной голос.

— Ты, наверное, Кори?

Я подняла голову и увидела дружелюбно улыбающееся лицо.

— Элисон? — Она протянула руку, и я пожала ее.

Она присела на краю бассейна рядом со мной и спросила:

— Ты когда-нибудь играла в водное поло?

Я покачала головой.

— Но я много плавала во время каникул. — Я откашлялась. — А раньше много играла в хоккей. Так что, мне нравится обыгрывать вратарей.

Ее глаза распахнулись.

— Здорово!

— Ничего, если я заберусь в воду?

— Конечно, ничего, — усмехнулась она. — Мы начинаем минут через пять.

— Это хорошо, — ответила я. Потом нацелилась плечами на воду, наклонила голову и бухнулась вперед, в синеву.

Вынырнув за глотком воздуха, я увидела, что вокруг бассейна собрались остальные члены команды — человек шесть. Элисон и парень, которого я знала в лицо по столовой Бомона, перетягивали через бассейн веревку, чтобы разделить его пополам.

— Мы займем этот конец, — сказал парень с очень бодрым британским акцентом. Я нырнула под веревку и поплыла к той стороне, где он стоял. — Для тех, кто со мной не знаком, меня зовут Дэниел. И поскольку у нас чертовски хорошо организованная команда, — все засмеялись, — сначала я потрачу пару минут на то, чтобы напомнить вам правила. А потом мы начнем тренировку. Итак, берите по камере, — он указал на груды камер в углу, — и давайте намочим плавки.

Все двинулись в угол, и мой пульс застучал. Камеры лежали футами в восьми от бассейна. Приближался один из тех самых моментов, когда мне предстояло попросить кого-то о помощи.

Я ненавидела такие моменты.

Не зная, что делать, я болталась у края бассейна и смотрела, как игроки берут камеры, а потом прыгают в воду. В мою сторону никто не смотрел, что обычно меня очень даже устраивало. Когда снаружи остались только Элисон с Дэниелом, я начала сверлить ее

взглядом, надеясь, что она обернется.

Это сработало. Она остановилась на полпути и улыбнулась мне. Показала на камеру у себя в руках, потом на меня. Я благодарно кивнула, и она бросила камеру мне. Но как только я поймала ее, то увидела, что на меня смотрит Дэниел. Он огляделся, и его взгляд уперся в мое инвалидное кресло.

Хмурясь, он почесал за ухом. Затем опустил на корточки.

— Знаешь, игра иногда становится несколько жесткой. Удержаться на камере нелегко.

Мое лицо запылало.

— Ничего страшного, — произнесла я. — Я хороший пловец.

Но потом — поскольку время для смертельного унижения находилось всегда — у меня возникли сложности с тем, чтобы забраться на камеру. Она оказалась больше, чем та, которую раздобыла для тренировок водный инструктор Хизер. Так что я смогла подтянуться и перевалиться через край только с третьей попытки. Правила — которые Дэниел начал зачитывать вслух — требовали, чтобы во время приема мяча «ягодицы» игрока находились в отверстии камеры. Кроме того, игрока с мячом разрешалось сталкивать с камеры, чтобы таким образом вынудить его или ее выпустить мяч.

— Ладно, — крикнул Дэниел, — для разнообразия давайте сыграем, период по семь минут. — Он достал из пакета тренировочные манишки и бросил их четырем игрокам.

Я манишку не получила, что поместило меня в команду Дэниела. Элисон оказалась в другой. Большинство членов своей команды я помнила по столовой, но по именам их не знала. Дэниел дал свисток, и игра началась.

Противоположная команда, получив мяч, начала пасовать, а я тем временем наловчилась разворачиваться при помощи рук. Использовать вдобавок и ноги получалось всего у двух человек. Чтобы доставать ими до воды и эффективно отталкиваться, требовался довольно-таки высокий рост. В кои-то веки бесполезные ноги не должны были стать мне помехой. Мы все, пытаясь маневрировать, барахтались в воде, как рыбешки, и кто-нибудь то и дело начинал хохотать над своими усилиями.

Водное поло на камерах не являлось слишком серьезной игрой.

Долговязый парень по имени Майк перехватил мяч и передал его Дэниелу. Быстро развернувшись, я заняла позицию напротив ворот.

— Я открыта! — подняв руки, крикнула я. Но Дэниел сделал передачу другой девушке из нашей команды — той, что была дальше от ворот. Она бросила и промазала.

Затем этот сценарий повторился еще дюжину раз.

К тому времени, как Дэниел дунул в свисток, я кипела от злости. Я знала, проблема была не в том, что мои товарищи боялись, как бы я не потеряла мяч. Такое часто случалось и с ними. Просто все они видели меня на костылях или в коляске в столовой Бомона и считали, будто я хрупкая. Они боялись нечаянно сбить меня с камеры. Что было бредом. И от расстройства мне хотелось шипеть.

— Эй, Дэниел! — донесся голос с противоположного конца бассейна, где тренировалась другая команда. — Погонять не хотите?

Дэниел оглянулся на нас.

— Если «погонять» это грубый американский аналог нашего «поиграть», то мы за.

— Конечно! — воскликнула Элисон. — Давайте покажем Тернеру, кто здесь босс.

Капитан Тернера, тощий парень в крошечных плавках, перевел своих в наш угол бассейна.

— У нас сегодня всего шесть человек. Сыграем шесть на шесть, или вы одолжите нам парня? Или девчонку?

— Возьмите меня! — Я подняла руку.

Он кивнул.

— Супер. Кто последит за временем?

Я погребла на сторону Тернера, к лицам незнакомых людей. Когда прозвучал свисток, я отправила себя прямо в центр действий, и всего через минуту один из моих новых товарищей, увидев, что я открыта, перебросил мне мяч. Я поймала его — слава богу — и сделала передачу. Пару минут спустя, когда я находилась ближе к воротам, мне опять дали пас.

Вратарем в Бомоне был крупный бородатый парень по кличке Медведь, явно поставленный на эту позицию благодаря ширине туловища, а не талантам. Я притворилась, что ухожу влево, и он купился на мой трюк, как младенец. Пока мяч был у меня, никто из команды Бомона не делал и попытки меня утопить. Я могла держать его в руках хоть весь день. Но не стала. А взяла и уверенно запульнула его прямиком в правый угол ворот.

Моя временная команда возликовала, и я начала получать удовольствие.

Далее я несколько раз делала передачи, но когда открылось следующее окно, попробовала повернуть тот же прием. Единственным человеком, которому урок пошел впрок, оказался вратарь — обмануть его во второй раз было сложнее, но у меня получилось. Пока с мячом была я, остальные бомонцы снова робели и не решались приблизиться.

Дурачки. Я забила еще дважды, и только тогда до них наконец-то дошло.

К следующему моему владению Элисон поумнела. Пока я примеривалась к броску, она заплыла в мою камеру и потянула меня к воде, но я успела отдать передачу и только потом с плеском шлепнулась в воду. Когда я вынырнула на поверхность, мы обе расхохотались.

После этого бой стал по-настоящему беспощадным. Бомонцы перестали со мной церемониться, поэтому мне пришлось чаще передавать и реже бросать. Потом, перед самым свистком, когда я находилась прямо напротив ворот, капитан Тернера перебросил мне мяч. Моя фея надежды, одетая в бикини, сплясала молниеносный танец с помпонами. И я, не дав никому опомниться, отправила мяч в угол сетки.

Игра закончилась. С преимуществом Тернера.

К концу я нахлебалась воды и от усталости еле дышала. Ухватившись за край бассейна, я подтянулась и села. Рядом со мной вынырнул из воды капитан Тернера.

— Слушай, спасибо, что сыграла за нас. Вот бы в настоящей игре нам забить хотя бы половину твоих голов.

Я улыбнулась.

— Очень мило с твоей стороны так говорить, но в начале я пользовалась кое-каким странненьким преимуществом.

Он приподнял бровь.

— Я заметил. Но почему?

Я указала подбородком на дальний конец помещения.

— Вообще, мне бы не помешала помощь. Вон то инвалидное кресло принадлежит мне. Ты не мог бы его прикатить?

Он посмотрел, куда я показывала, потом снова перевел взгляд на меня. А потом рассмеялся.

— Окей, я, кажется, понял.

Я кивнула.

— Люди хотят, как лучше. Но иногда им следует преподать урок. Извини, что жадничала с передачами.

Поднявшись, он стряхнул с волос воду.

— Если честно, наблюдать за этим было забавно. — И ушел за моим креслом.

Вытеревшись и высушив волосы, чтобы не замерзнуть на январском ветру, я застегнула свою флисовую толстовку и вывезла себя из женской раздевалки. Рядом с лифтами стоял, прислонившись к стене и сложив на груди руки, капитан Дэниел. Увидев меня, он выпрямился.

— Кори. — Из-за его акцента мое имя прозвучало более весомо. — Мне дико стыдно. Прости меня.

Пожав плечами, я нажала на кнопку вызова лифта.

— Все нормально. Со мной такое часто случается.

Он качнул головой.

— Серьезно, я чувствую себя полным ослом. — Его произношение этого слова было очень британским. Со свистящей «с».

Мы вместе переместились в лифт.

— Надеюсь, ты вернешься на игру в пятницу, — сказал он. — Ты нам нужна.

Я хитро улыбнулась ему.

— И что ты готов ради этого сделать? — Я и впрямь *флиртвала* с ним. Зачем — я понятия не имела. Но это было прикольно.

— Ну... — Он почесал подбородок. — Позволь мне угостить тебя мороженым по дороге домой. У меня от него небольшая зависимость, которую надо удовлетворить.

К своему удивлению я согласилась.

— Философия? Сложно, наверное. — Я сунула в рот кончик вафельного рожка.

— О, на самом деле не очень, — возразил Дэниел. — Всего и надо, что спорить на семинарах. А какую специализацию выбрала ты?

— Пока не решила, — ответила я. — Как и насчет многих других вещей.

— Ну тогда, — проговорил он, — советую сосредоточиться на водных видах спорта. И тебя озарит вдохновение.

— Такова моя стратегия.

— Ты так здорово обыграла нашего вратаря, Кори. Надеюсь, что в пятницу справишься и с вратарем Тернера.

— У него неплохая реакция, но он слишком глубоко забирается в сетку.

Дэниел рассмеялся приятным суховатым смехом.

— Это очень высокий уровень аналитики для водного поло на камерах. Ты немного устрашающая девушка, Кори. Для команды противника, в смысле. — В уголках его глаз, когда он улыбнулся, появились морщинки.

— Раньше я играла в хоккей. Следить за вратарем — мой конек.

— Тогда буду с нетерпением ждать пятницы. — Он отодвинул свой стул.

Когда мы собрались уходить из кафе, Дэниел придержал для меня дверь. Порог был слегка наклонен, о чем я не знала. Я энергично толкнула себя в темноту и чуть не переехала Хартли, который отпрыгнул назад.

— Упс, — схватившись за колеса, сказала я.

— *Иисусе*, Каллахан, — взвыл Хартли. — Ты меня убить, что ли, хочешь?

Дэниел встал рядом со мной.

— Если бы она хотела тебя убить, ты уже был бы трупом. Сегодня Кори это мне доказала.

Я рассмеялась, а Хартли снова перевел взгляд на Дэниела. Его рот сжался.

— Точно.

— Извини, Хартли. Я нечаянно, правда.

В этот момент из соседней двери, за которой стоял банкомат, выпорхнула Стася.

— Добрый вечер, Дэниел, — прошептала она. Потом взяла Хартли за руку и повела его в сторону библиотеки.

Без единого слова в мой адрес, естественно.

— Пока, — сказал им вслед Дэниел, и я поехала за ним к общежитиям.

— Я будто бы невидимка, — сквозь зубы пробормотала я.

— О, она почти со всеми такая. Ты не особенная.

— Рада слышать, — вздохнула я. Будь Хартли влюблен в девушку поприятнее, я, наверное, еще могла бы это снести. Но Стася была чудовищем, а он, судя по всему, ничего не имел против. Это сводило меня с ума.

— В основном она задирает нос перед девушками, — прибавил Дэниел. — А перед симпатичными — с особым упором. — Это что, был комплимент? — Хотя, практически все парни тоже недостаточно хороши для нее. Со мной она вежлива, потому что я из Европы. Но она не настолько хорошо различает акценты, чтобы расслышать, что я не из того конца Лондона.

— Сколько у тебя интересных теорий, Дэниел.

— Интересные теории — мой конек, — ответил он. Мы остановились напротив Бомона. — Обещай, что я увижу тебя в пятницу?

Я подняла ладонь вверх.

— Я приду. И спасибо тебе за мороженое.

— Не за что. — Он шлепнул меня по руке.

Часом позже я, ощущая себя истинной победительницей, отправилась спать. Сегодняшний день стал Самым Отважным Днем с момента моего поступления в Хакнесс. Он не был настолько особенным, как Самая Странная в Истории Ночь, но я впервые почувствовала, что, возможно, снова смогу начать жить.

Я закрыла глаза. Но прежде чем успела заснуть, тоненький голосок феи шепнул мне на ухо: *Хартли не понравилось, что ты была с Дэниелом.*

Мысленно взяв крошечный кусочек скотча, я залепила им ее крошечный рот. А потом я заснула.

Глава 17

Там же не секс-игрушка

Кори

Через десять минут после начала моей первой шекспировской лекции мне пришло сообщение. *Каллахан, у тебя все ОК?*

Переписываться во время занятий было нехорошо, но после того, как Хартли прислал еще одно сообщение, я спрятала сотовый на коленях и ответила.

Все отлично! Прости! Надо было предупредить. Я поменяла курс на другой. Увидимся позже?

Ровно в полдень — как раз, когда мы с Даной обсуждали, в какую столовую отправиться на обед — у меня зазвонил телефон.

— Каллахан! — проревел Хартли мне в ухо. — Что значит — ты поменяла курс на другой?

— Извини, Хартли. — Я прибегла к небольшой лжи во спасение. — Я пролистала учебник, и все оказалось в точности, как ты говорил. Курсы валют и кредитно-денежная политика. К этой книжке должен прилагаться запас крепкого кофе. Я просто не смогла себя пересилить.

На том конце линии повисло молчание.

— То есть, ты просто бросила?

— Что, ты сам никогда не бросал курс?

Еще одна пауза.

— Но ты на обед-то хотя бы пойдешь?

И тут за шорохом телефонного шума я услышала, как кто-то зовет его. Кто-то с пронзительным голосом.

— Хартли!

— Кажется, компания для обеда у тебя уже есть, нет? — произнесла я.

— Ну да, но... — Я еще ни разу не слышала, чтобы он испытывал недостаток в словах.

— Тогда пересечемся за ужином, — сказала я. — Или как-нибудь позже. Может, поиграем в хоккей.

Когда я повесила трубку, Дана весело уставилась на меня.

— Ты реально отшила его, да?

— Похоже на то.

— Разыгрываешь недотрогу? — спросила она.

Я покачала головой.

— Чистое выживание, не более того, — сказала я ей. — И это оказалось не так уж и сложно, как я ожидала.

Хартли

Хьюстон, у нас проблема.

Я лежал на кровати и смотрел на постепенно темнеющий потолок. Занятия на сегодня закончились, шло блаженное начало семестра, когда только заядлые ботаны утруждали себя домашней работой, так что у меня было предостаточно времени на то, чтобы тщательно проанализировать поведение своей подруги.

Видите ли, я не заподозрил ничего странного, когда Кори ни разу не позвонила мне во время каникул. Наша дружба базировалась не на трепе по телефону. Но, вернувшись, она даже не заглянула ко мне. А потом не пошла на обед и бросила наш общий курс. Все это не

могло быть простым совпадением.

Кори избегала меня.

Зачем тебе усложнять нашу дружбу? Спросила она, а я отделался каким-то остроумным ответом. Но черт, если б я знал, что она отбросит меня, точно шайбу, то не стал бы ничего начинать.

Мне не следовало ничего начинать.

Пока я лежал и переживал, сумерки сгустились в чернильную черноту. На кровати загорелся экран телефона. Смска от Стаси.

Ужин?

Было пять тридцать, и мой желудок одобрительно заурчал. Но я не стал отвечать ей, потому что мне надо было кое-что выяснить. Я встал и накинул куртку. Потом пересек коридор и открыл дверь. Дана и Кори сидели бедро к бедру на диване. Перед ними стоял ноутбук. Насколько мне было видно, они смотрели видео с котиками на YouTube.

— Время ужинать, девочки, — сказал я. — Шевелите ногами, сегодня в столовой паста.

— Шевелите ногами? — переспросила Кори. — Ты на самом деле сказал это мне?

— Это была ирония, Каллахан. Seriously, давайте в темпе. Там будет очередь, а инвалидам стоять тяжело.

Дана и Кори обменялись взглядом, интерпретировать значение которого я не смог. Затем Кори пожала плечами, и Дана захлопнула ноутбук.

— Окей. Я за. — Она бросила Кори пальто и надела свое.

Мы вместе вышли в морозный январский вечер. Может, она вовсе и не избегала меня.

— Говорят, скоро выпадет снег, — сказала Кори.

— Передвигаться по утрам станет еще веселее, — недовольно откликнулся я. Снять гипс было здорово, но я восстановился еще не на все сто процентов.

— О, ну и пускай, — сказала Кори. — Я обожаю снег.

— Скорей бы, — согласилась Дана.

— На какие таблетки счастья вы, двое, подсели? — спросил я, волоча свою трость по ступенькам. У меня до сих пор в конце дня побаливала нога. — Отсыпьте немного и мне.

— Нас впирает от самой жизни, — ответила Кори, и Дана бросила на нее удивленно-веселый взгляд.

Когда мы добрались до Бомона, Дана пошла занимать очередь, а мы с Кори снова воспользовались древним техническим лифтом.

— Знаешь, — произнесла Кори, когда кабина поползла вверх, — я скучала по уютному скрипу всех этих механизмов.

— Я тоже. — Поскольку она заговорила совсем как в прежние времена, я начал расслабляться.

Но потом появилась Стася.

Мы сидели и налегали на нашу пасту, когда рядом со мной плюхнулась моя девушка. Не сказав ни Дана, ни Кори ни слова, она начала с жалобы.

— Хартли, ты не ответил на мое сообщение.

Я сделал невинное лицо.

— Прости, сладкая. Что ты хотела?

Она взбила волосы.

— У хоккейной команды в пятницу выходной, и Фэйрфакс устраивает вечеринку. Я сказала ему, что мы будем.

Дана и Кори обменялись еще одним выразительным взглядом. И я не винил их. Стася не была самым дружелюбным существом на земле. Вытерев рот, я обдумал ответ. Я бы предпочел не спорить с ней перед друзьями, но вечеринка у Фэйрфакса не стояла на верхних строчках моих планов на жизнь.

— Даже не знаю, Стася. Может, в следующий раз.

Ее идеально выщипанные брови недовольно сошлись на переносице.

— Но мы *обязаны* быть там. Можешь подниматься по лестнице медленно. Я тебя подожду.

Ха. Я, конечно, порадовался тому, что Стася наконец-то решила вспомнить о моей травмированной ноге, когда та почти зажила, но проблема, на самом деле, заключалась не в этом.

— Спасибо, но я обещал Бриджеру сходить с ним на баскетбол. Ты, конечно, можешь пойти вместе с нами. И вы тоже, ребята. — Я приподнял свою содовую в сторону Кори и Даны.

Стася надулась.

— На баскетбол? А как же Фэйрфакс?

Я не хотел идти к Фэйрфаксу, но она не собиралась оставлять эту тему в покое.

— А что с ним? Если хочешь знать правду, в этом году он проявил себя не таким уж хорошим другом. Черт, да мои виртуальные товарищи по команде в «Реальных клюшках» и то были приятнее.

— О! — Кори хлопнула по столу, а потом повернулась к сумке, которая висела на спинке ее стула. — Хартли, хорошо, что ты мне напомнил. Я еще с прошлого семестра ношу это с собой. — Она выудила из сумки небольшую коробку в подарочной упаковке. — Хотела отдать тебе в день рождения, но как-то не получилось. Не помню, что меня отвлекло.

Она посмотрела мне прямо в глаза — ровно в момент, когда я застыл. Черт, к такому я был не готов. Чувствуя, как горит моя шея, я забрал из ее рук подарок.

— Спасибо, Каллахан. Не стоило. — Я положил коробку на стол и взял свой напиток.

— Что, даже не откроешь его? — спросила она. — Там же... не секс-игрушка какая-нибудь.

Тут я в лучших своих традициях поперхнулся содовой.

— Господи, ты в порядке? — спросила Стася, хлопая меня по спине. Она была единственным человеческим существом на планете, которое умудрялось говорить раздраженно, пока ее бойфренд отчаянно пытался не задохнуться.

— Не в то горло попало? — спросила Кори.

Кашляя, я кивнул.

— Ненавижу такое, — сказала Дана, но что-то в ее интонации подсказывало, что она наслаждается ситуацией.

Я был в дерьме. По уши. И полностью по своей вине.

Собравшись с духом, я просунул палец под крышку Кориного подарка. И открыв его, снова поднял взгляд на нее.

— О, ты купила мне новые «Реальные клюшки»?

— Угу. — Она улыбнулась мне — на сей раз по-настоящему. Фактически, это была первая Кориная улыбка в мой адрес со времени Самой Странной Ночи в Истории. — Они, в общем, такие же, как старая версия, но с добавлением всех последних драфтов.

Я потерял руки.

— Ну все, теперь я стану непобедим.

— *Я тебя умоляю*, — сказала она. — И не мечтай. — Ее глаза сверкнули — прямо как раньше.

Стася нахмурилась, глядя в тарелку, и ничего не сказала.

Кори

— *О боже мой*, — выпалила Дана, как только мы вернулись домой, но вполголоса, чтобы за стеной нас никто не услышал. — Это была умора!

Я перебросила себя из кресла в угол дивана.

— Соглашусь, было весело.

— А ты опасная соперница. Я и не знала.

— Да я и не пыталась соперничать, — призналась я. Если б мне пришлось делать все заново, я бы не стала покупать Хартли игру. Приглашение на хоккей не соответствовало моей О. З. Х.

— Ну тогда у тебя шикарное чувство юмора, — хихикнула Дана. — Ты видела ее лицо, когда он сказал, что никуда не пойдет? Она чуть ножкой не топнула.

— Да уж, — прошептала я, но потом тряхнула головой. — И все-таки он по-прежнему с ней.

Мы обе на минуту затихли. Дана подошла к дивану и села рядом со мной — по-турецки, как нравилось когда-то и мне.

— Знаешь, что? Я думаю, все в любом случае будет хорошо.

— В смысле?

— Ну, или до Хартли дойдет, что надо быть идиотом, чтобы быть с ней, и неважно, насколько она привлекательна внешне. Я надеюсь, что случится именно это

— Или?

— Или тебе станет плевать. Потому что, вот честно, из-за нее он стал менее интересным. Раньше вы всегда болтали за ужином, а теперь она его тормозит. Тем временем, твое внимание может привлечь кто-то еще — какой-нибудь новый парень, который прислушивается к своему сердцу.

— Это было бы замечательно, — сказала я.

— Что именно? — спросила она, выгнув бровь.

— Первое, разумеется.

Глава 18

Поверить не могу, что я додумался спрашивать

Кори

Через пару дней, вечером, я сидела за столом у себя в спальне и писала работу по своему шекспировскому классу.

— Каллахан? — В проеме двери возник Хартли.

При звуке его голоса мой подбородок автоматически дернулся в его направлении.

— Что такое, Хартли? — Я услышала в своем голосе радость и почувствовала, как мое тело качнулось вперед.

Черт побери. Когда уже он перестанет вызывать у меня такую реакцию?

Хартли, потирая руки, зашел ко мне в комнату.

— Сходишь со мной кое-куда в пятницу вечером? Мы будем только вдвоем.

Мое сердце радостно дернулось, но я утянула его обратно в реальность и повернулась к экрану компьютера.

— Извини... я не могу. У меня игра.

— У тебя что? — Он подошел ко мне и встал между кроватью и моим стулом.

— Игра, — повторила я. — Водное поло на камерах. Это такой вид спорта.

Взявшись за спинку стула, Хартли развернул меня к себе лицом. Потом сел на кровать, и мы оказались на одном уровне.

— И ты на него записалась? — На его лице расцвела самая прекрасная в мире улыбка. — Круто!

Стараясь не улыбнуться, я пожевала губу.

— Вообще, он немного дурацкий. Но я решила попробовать.

Он неотрывно смотрел на меня.

— Каллахан, ты потрясающая.

— Думаешь? — Я закатила глаза. — Я очень часто падаю с камеры.

— Ты... — Он посмотрел вниз и покачал головой. А потом парализовал меня очередной улыбкой с ямками на щеках, и я ощутила ее силу, точно удар прямо в грудь. — Ты столько переживаешь о том, что люди пялятся на тебя. А потом вдруг такая: «О, да ну их всех к черту. Запишусь-ка на спорт, где надо носить купальник, и где меня будут топить каждый раз, когда я получу мяч». — Он плюхнулся на спину на матрас и рассмеялся. — Мне уже жалко другие команды, ведь они даже не представляют, с кем им предстоит иметь дело. Ты меня просто убиваешь, Каллахан.

— Угу, — ответила я.

И начала было поворачиваться обратно к компьютеру, но Хартли, сев, поймал меня за руку.

— Слушай, а если перенести с пятницы на субботу, ты сможешь? — В его глазах было столько искренности, столько надежды. — Правда, сначала мне надо кое-что уточнить...

Внезапно я слишком остро ощутила, как близко мы с ним сидим, и что он держит меня за руку. Воздух между нами, казалось, сгустился, и он смотрел мне в глаза, словно мы были единственными людьми на земле.

Увы, но мы ими не были.

Что бы там ни запланировал Хартли, я знала, что оно не облегчит мою сердечную боль. *Только вдвоем*, пообещал он. Но ведь это была всего лишь иллюзия, разве нет?

Я медленно забрала у него свою руку. Покачала головой, и момент был нарушен.

— Что? Каллахан, но почему?

Судорожно вздохнув, я решила открыть горькую правду.

— Я просто не могу, — прошептала я. — Может, я идиотка, но прямо сейчас мне очень тяжело быть твоим другом. — Сглотнув, я откинулась на спинку стула. — Так что, может, в следующий раз.

Долгую минуту на его челюсти двигались желваки.

— Окей, — в конце концов сказал он. — Понятно. — Потом встал и вышел из комнаты.

Щелчок, с которым закрылась дверь, ударил меня, точно кулак. В глазах появились слезы, и я поборола острый порыв прокричать его имя, попросить вернуться назад, сказать, что я согласна на все, что он готов предложить.

Фея надежды шлепнулась лицом в стол и в припадке отчаяния замолотила по его поверхности своими крошечными кулачками.

Несколько долгих минут я была с нею согласна.

Решение оттолкнуть его ощущалось огромной ошибкой. Хартли всегда был мне хорошим другом, и, может быть, поставив на дружбе с ним крест, я поступила глупо...

Вот только все было наоборот.

Я сделала очень глубокий вдох. Суть заключалась в том, что, таскаясь за ним, как влюбленный щенок, я не успела завести новых друзей. Каким бы замечательным ни был Хартли, я не хотела довольствоваться обедами со Стасиного стола в моменты, когда она отворачивалась, чтобы подкрасить губы.

Черт бы ее побрал за то, что вернулась.

Нет, проблема была в другом.

Черт бы побрал *его* за любовь к ней.

Я возвратилась к домашней работе, но слова на экране начали расплываться перед глазами.

В пятницу вечером я снова натянула купальник и выехала к бассейну. На сей раз я догадалась взять камеру до того, как выбираться из кресла.

Крошечная, микроскопическая часть моего сознания гадала, не придет ли на мою игру Хартли. Водное поло на камерах, в общем-то, не пользовалось спросом у зрителей. Но надежда — коварное чувство. Оно подкрадывается к тебе даже в самых непредсказуемых ситуациях.

Он, естественно, не пришел.

Игра была сложной, потому что команда Тернера явилась с седьмым игроком, оказавшимся истинным профи. Крупный и быстрый, он словно чувствовал, в какое место надо переместиться, чтобы перехватить наш пас. И когда мяч попадал ко мне, нисколько не стеснялся сталкивать меня с камеры.

Вот ублюдок, подумала я, когда он утопил меня в четвертый раз. А потом рассмеялась над своим собственным лицемерием.

К счастью, вратарь Тернера был сегодня не в форме, и на последней минуте я сравняла счет, издав отправка мяча в сетку. Когда прозвучал свисток, Дэниел объявил, что игра закончена.

— Как? А овертайм? — завопила я.

— Бассейн нужен другим, — сказал он, — так что овертайм будет за пинтой пива. У меня на подоконнике охлаждается бочонок на восемь галлонов. Одевайтесь, ребята.

Двигаясь вместе со всеми по двору Бомона, я вдруг поняла, как давно не была членом команды — пусть даже такой бестолковой, как наша. Мне и впрямь этого не хватало.

— Отличное начало сезона, — сказала Элисон, шагая рядом со мной. — С Тернером всегда было тяжело. Мы им проигрывали два года подряд.

— С кем играть дальше? — спросила я, словно это имело значение.

— С Эшфортом — в воскресенье. Но они, наверное, пропустят игру, потому что их капитан свинья, и ни одна эшфортская девчонка не хочет залезать с ним в бассейн.

— Фу, — сказала я.

— Не то слово.

Когда команда остановилась около входа, я уже догадывалась, что именно произойдет дальше. Дэниел помахал своим удостоверением перед картридером и открыл дверь. Я слышала, как кто-то сказал «четвертый этаж», и поняла, что мой пятничный вечер заканчивается здесь и сейчас. Можно было, конечно, поехать в МакЭррин, поменять кресло на костыли, потом снова прийти сюда и взобраться по лестнице. Все эти действия должны были занять полчаса. Но я себя знала. Стоит мне вернуться к себе — и я найду оправдание для того, чтобы сесть и включить кино, а не карабкаться по дурацким ступенькам.

Мои товарищи по команде начали заходить внутрь, а я повернула колеса в сторону дома.

— Кори, а ты не идешь? — окликнул меня Дэн.

Я оглянулась через плечо.

— Может, в следующий раз.

— Подвезти тебя? — Надо мной нависла фигура Медведя. — На спине, думаю, будет нормально.

Я открыла рот, чтобы отказаться, потом закрыла его. Именно такого странного внимания я всегда и чуралась.

— Я знаю, что ты чувствуешь насчет овертайма, — сказал Дэниел, открывая дверь шире. — Мы припаркуем твоё кресло внутри, около входа.

— Что ж, спасибо, — ответила я, ощущая, как горит моя шея. — Какого черта. Почему бы и нет.

Поначалу эта идея казалась удачной.

Наш вратарь, поднявшись на три пролета со мной на спине меньше, чем за минуту, усадил меня на диван в общей комнате Дэна. Затем Элисон принесла мне пиво, и я его выпила. Оно было приятно холодным и подавалось в настоящих кружках объемом в пинту. Дэниел не шутил.

— Кусочек Англии прямо тут, в Хакнессе, — сказал он.

У меня получилось. Я окружила себя новыми лицами и нашла себе вечерние развлечения, которые не включали в себя неуместную страсть или виртуальные игры.

Все было бы хорошо, если бы не одна проблема: я застряла на диване у Дэниела. Я общалась со всеми, кому случалось сесть или встать рядом со мной, но без костылей и без кресла моя мобильность равнялась мобильности комнатного растения. Конечно, можно было перемещаться ползком, но я не хотела выглядеть фриком.

Периодически ко мне подходил Дэн — чтобы подлить в мою кружку, когда она становилась пустой, — но он был занят ролью хозяина и не задерживался надолго. Что самое ужасное, вскоре пиво начало оказывать на меня свое пагубное воздействие. Мало того, что я захмелела, так еще мне захотелось по-маленькому. Очень сильно.

А стратегии отступления у меня не было.

На другом конце комнаты Медведь болтал с Элисон. Глаза у него уже были в кучку. Представив себя у него на спине, пока он преодолевает целых три пролета до выхода, я

поняла, что это будет не безопаснее, чем ехать с пьяным водителем. Не пристегнутой.

Спустя еще какое-то время я взвесила свои немногочисленные варианты. Можно было доползти на заднице до двери, а затем вниз по лестнице. Возможно, всего лишь с десяток людей остановится, чтобы посмотреть на мое унижение.

Прикидывая дистанцию, я оглянулась на дверь.

И к своему изумлению обнаружила, что с порога на меня глядит Хартли.

— Вот ты где, — сказал он с мрачным лицом. — Почему твое кресло внизу?

— Меня подняли наверх, — подавив отрыжку, ответила я.

— И костылей нет?

Я уставилась на свои руки.

— Неа.

— погоди. Каллахан, ты что, *напилась*? — Он подошел ближе и, наклонившись, заглянул мне в лицо.

— Ты так говоришь, будто это что-то плохое. — Мой язык слегка заплетался.

— Иисусе, ну все. Думаю, тебе пора уходить.

— *Нет*.

Он начал сердиться.

— Каллахан, я не брошу тебя тут одну. Как ты собираешься спускаться по лестнице?

— *Не знаю*. Кто-нибудь мне поможет. — *Кто-нибудь, кто не ты. Кто угодно, лишь бы не ты*.

Он поскреб подбородок.

— Я бы мог принести тебе костыли, но ты не в том состоянии, чтобы упражняться в спуске по лестницам. — Хартли наклонился и взялся за мои бедра.

— Хартли, *нет*.

Он отпустил меня, но в его карих глазах появилось сердитое выражение. Кого я обманывала? Я оказалась в ловушке, а он хотел мне помочь.

— Лучше на спине, — слабо пробормотала я.

Без единого слова он повернулся и опустился передо мной на здоровое колено. Я обвила его торс руками, а он подхватил меня под коленки. Сидя у него за спиной, я поднялась в воздух, и Хартли поковылял к двери. Стены качнулись, и я поняла, что напилась сильнее, чем думала.

— Так, — сказал он. — Держимся за перила, идем медленно, и у нас все получится.

Идем медленно. Из-за его выздоравливающего колена. Очень медленно.

Черт.

— Хартли? — Я заерзала, когда его спина надавила на мой мочевой пузырь. — Мне надо пописать.

— Серьезно?

— Думаешь, я стала бы врать?

Он остановился на площадке между комнатой Дэниела и соседней дверью. Между ними находилась общая ванная комната. Хартли взялся за ручку двери.

Прежде, чем он успел повернуть ее, соседняя дверь распахнулась и явила нам Стасю в сексуальном шелковом negligé. Неудивительно, что он увидел внизу мое инвалидное кресло — она жила рядом с Дэном.

— Хартли? Какого черта? Ты же сказал, что только почищу зубы. Ты не идешь в постель?

— Похоже, что нет, — проговорил он. — Извини нас.

Когда он открыл дверь в уборную, меня ослепил замигавший под потолком автоматический свет.

— Просто посади меня на унитаз, — выдавила я слабым голосом. — Пожалуйста. — *А затем убей меня. Потому что это до ужаса унижительно.*

Выполнив мою просьбу, он отошел на пару шагов и повернулся ко мне спиной.

— ...Хартли? Может, ты выйдешь?

— Я не смотрю.

— *Пожалуйста.*

— *Господи*, Каллахан, — сказал он, и в этих двух словах чувствовалась тяжесть целого мира. — Только не провались внутрь.

Кто-нибудь, просто пристрелите меня уже, а?

Я подождала, когда он выйдет из комнаты, после чего в безумной спешке начала возиться со своими штанами, надеясь, что мое тело пойдет мне навстречу и продержится еще десять секунд, пока я извиваюсь, как сбрасывающая кожу змея. Спасибо небесам за эластичные пояса.

В коридоре Стася и Хартли начали спорить.

— Моему другу нужна помощь, Стасс. Вот и все.

— Я не понимаю, почему... — заговорила она.

— Ты не понимаешь, — прервал ее Хартли, — потому что это не в твоем стиле — помогать людям.

— Предполагалось, что мы проведем эту ночь вместе, — сказала она.

— Да? Я не знаю, что ты хочешь, чтоб я ответил.

— Что ты идешь!

— Слушай, — сказал он. — Оставь дверь открытой. Нам все равно надо поговорить.

— Вот веселье-то будет, — огрызнулась она. Хлопнула дверь.

Я писала минут, наверное, десять. Потом торопливо, но осторожно — чтобы не упасть в унитаз — привела в порядок одежду. Когда я нажала на слив, Хартли постучал в дверь.

— Все чисто.

Он вошел и присел перед унитазом на корточки, потом снова поднял меня. Стасина дверь была закрыта, и Хартли без комментариев начал спускаться по лестнице. Но дело двигалось туго. Держаться за перила значило отпустить мою правую ногу. Я изо всех сил напрягала квадрицепс, стараясь ее удержать, но она все равно то и дело сползала.

Пока я сидела у него на закорках, мой нос находился в дюйме от его шеи. Той самой шеи, которую я однажды поглаживала, пока мы целовались.

К черту все.

Когда мы добрались до площадки третьего этажа, Хартли со вздохом опустил меня вниз.

— Перерыв. — Он сел рядом со мной и стал разминать мышцы своей травмированной ноги.

— Дополнительный вес тебя убивает, да? — спросила я. Очередной вечер обернулся очередной катастрофой. Я всего и хотела, что выпить пива с командой, но в итоге влипла в идиотскую ситуацию.

— Она все равно болела, — ответил он.

— Обманщик. — Я взялась за свою голень и перенесла ее на ступеньку вниз. Потом проделала то же самое со второй ногой. Потом приподнялась на руках и опустила на

следующую ступеньку и свою задницу. Потом проделала все действия снова. И снова.

Довольно скоро я добралась до самого низа, остановившись всего один раз, когда компания каких-то девчонок зашла в общежитие и стала подниматься по лестнице.

— Привет, Хартли! — проходя мимо, пропели они.

— Вечер, дамы. — Его голос звучал тепло и небрежно, словно сидеть на грязной лестничной клетке с калекой-подружкой было пределом мечтаний.

После того, как они скрылись из вида, я быстро добралась до нижней ступеньки.

— Знаешь, — проговорил Хартли, обходя меня и притягивая к лестнице мое кресло. — Глядя на тебя, кажется, будто это так просто.

— Здорово. — Я вытерла о штаны грязные руки. — Но я ненавижу... — Я не смогла договорить предложение до конца — из страха, что разрыдаюсь. Я *ненавидела* быть одной из тех девушек, которые уползают с вечеринки на четвереньках. Я *ненавидела* быть девушкой, которую надо спасать. Я *ненавидела* быть его маленькой хромоногой подружкой. Смотреть снова и снова «Принцессу-невесту» было куда более приемлемым времяпрепровождением, чем этот сорт унижения.

— Я знаю, — сказал он сквозь зубы. Потом наклонился, чтобы поднять меня, но я его оттолкнула. И совершила маневр, который заставил бы Пат мной гордиться — одним ловким движением усадила себя на сиденье.

Развернув меня, Хартли направил мое кресло к двери.

— Через крыльцо спускаемся задом наперед, — напомнила я.

— Мы все делаем задом наперед, Каллахан, — сказал он.

Я понятия не имела, что это должно было значить, и спрашивать Хартли не стала.

Хартли

Когда мы добрались до выложенной плиткой дорожки, которая шла через двор Бомона, Кори попыталась отослать меня прочь.

— Можешь подниматься назад, — сказала она.

— Каллахан, ты пьяна. Я тебя провожу.

— Ты со мной нянчишься, — посетовала она.

— Ха. Тогда я перенячил всех своих друзей до единого, и в процессе большинство из них на меня наблевало. Бриджер делает это еженедельно. — Пару минут мы двигались молча, после чего я спросил: — О чем ты только думала, Каллахан?

— Я не думала, ясно? Просто хотела хотя бы раз сходить, как все обычные люди, на вечеринку. Почему я должна планировать свою жизнь до минуты на три часа наперед? Больше никто так не делает. — В тишине двора ее голос эхом отражался от стен. — Черт. Я ною.

— У всех есть свое дерьмо, которое приходится разгребать, — пробормотал я. — Как, кстати, сыграли?

— Нормально. В ничью. Три-три.

— Ты забила?

— Естественно, да.

Я рассмеялся.

— Поверить не могу, что я додумался спрашивать.

— *Вот-вот*, — согласилась Кори, ее язык слегка заплетался.

Доставив ее до дома, я задержался в дверях. Она заехала в пустую общую комнату и развернулась в кресле ко мне лицом.

Молчание между нами ощущалось таким неестественным, и я еще никогда не видел на ее лице столько грусти. Я поборол порыв пересечь комнату и сделать... даже не знаю, что. Желание окружить Кори заботой было почти всепоглощающим. Что мне хотелось сделать, так это обнять ее. Казалось несправедливым, что лучший человек из всех, что я знал, будет сидеть в пятницу вечером в одиночестве и грустить.

Она склонила голову набок, открыв изгиб белоснежной шеи.

— Извини, что испортила тебе вечер.

— Скажешь тоже, испортила. — Не думая, я сделал два шага через порог. Фак. Что мне хотелось сделать по-настоящему, так это погрузиться пальцами в ее волосы и поцеловать то местечко под ее челюстью. А потом покрыть поцелуями еще дюжину мест.

Чтоб меня.

Но я всего-то и сделал, что один раз коснулся губами ее макушки. Она пахла, как смешанная с хлоркой клубника.

— Спокойной ночи, Каллахан, — сказал я. Мой голос был хриплым. Потом я сделал необходимую вещь. Развернулся и пошел к выходу.

— Хартли?

Я оглянулся только тогда, когда благополучно добрался до двери.

— Да, красавица?

Она подложила под свою мягкую щеку ладонь.

— Почему ты всегда зовешь меня Каллахан?

Вопрос вогнал меня в ступор, потому что задумываться над ответом я не хотел.

— А ты почему всегда зовешь меня Хартли? — в свою очередь спросил ее я.

— Все зовут тебя Хартли. Но ты единственный, кто зовет меня Каллахан.

На мою «удачу» оказалось, что она может быть пьяной и логичной одновременно. Причина была простой, но я не собирался произносить ее вслух. Я звал Кори Каллахан, потому что таким образом ее имя звучало, как у нас, у парней. Я пытался задать тон нашей дружбе. Но это было всего лишь очередной ложью, которой я себя пичкал. И которых, как выяснилось, было немало.

— Потому что тебя так зовут. — Я откашлялся. — А теперь, если ты извинишь меня, мне надо пойти разгрести кое-какое свое дерьмо. — На этом я окончательно развернулся и ко всем чертям убрался оттуда.

Глава 19

Ты меня обвела

Кори

— О, моя голова... — простонала я, ковыляя на костылях завтракать.

— Надо было выпить перед сном пару таблеток адвила, — заметила Дана.

— Если б я составила список вчерашних событий, которые надо было сделать иначе, этот пункт стоял бы даже не на первой странице.

— Все было настолько плохо?

— Просто позор. Мне пришлось принять помощь. От Хартли.

Дана улыбнулась.

— А мы знаем, как ты обожаешь, когда тебе помогают.

— Особенно *он*. Бр-р. И вдобавок пришлось выслушать Стасины жалобы на эту тему. Ну, а после он наверняка пошел к ней, чтобы сплясать горизонтальное мамбо. — Прошлой ночью я лежала в постели и, глядя на кружащийся потолок, пыталась не представлять, как его большие ладони снимают ее модное неглиже.

— Есть и хорошие новости, — произнесла Дана, когда мы подошли к воротам Бомона. — Сегодня день вафель. Встретимся внутри?

Я покачала головой.

— Сегодня я поднимаюсь по лестнице. Мне правда надо тренироваться.

Через десять минут жизнь стала налаживаться. Я взобралась по лестнице, ни разу не испугавшись и не упав. И нам достался наш любимый столик у двери. Когда я доедала свою порцию вафель, рядом с моим подносом поставил свой Дэниел.

— Доброе утро, прелестницы, — сказал он. — Можно сесть с вами?

— Конечно, — ответила я. — Дана, это Дэниел, капитан нашей команды по водному поло. Дэниел, это моя соседка Дана.

— Очень приятно, — сказал Дэниел. — И будет еще приятнее, если ты присоединишься к команде.

Дана рассмеялась.

— Мы со спортом не ладим.

— Водное поло на камерах это не спорт, а призвание. — С улыбкой прищурившись, он устремил взгляд на Дану, и мне показалось, что она покраснела. У нее была слабость к британским акцентам. — А после игр у нас проходят интересные вечеринки. — Он повернулся ко мне. — Кори, ты вчера так внезапно исчезла.

— Да? — Странно, что он этого не заметил. Я всегда полагала, что мои неуклюжие приходы и уходы бросаются в глаза, как неоновый свет.

— Ты ушла до или после салюта? — спросил Дэниел.

— Какого салюта?

— О... — На его лице появилось заговорщицкое выражение. Заглянув за оба плеча, он продолжил: — Твой друг Хартли и его снежная королева поцапались в коридоре. Это было так драматично. Настоящий скандал.

Дана наклонилась вперед.

— Что случилось?

— Ну...

Напротив Дэниела поставила поднос Элисон.

— Доброе утро!

— Да уж, доброе, — согласился он. — Я как раз рассказывал Кори о соседском скандале. Она его пропустила. — Он подался вперед. — Все началось со Стасиново вопля на все общежитие: «Меня не бросают, Хартли!»

Мое сердце пропустило удар, а Дана ахнула.

— Он ее бросил?

Элисон радостно хлопнула в ладоши.

— Ага. Но не раньше, чем она выдала слово на «Л». На что он ответил, что если б она

любила его, то не стала бы трахаться по всей Европе... — она приснула, — со своим «итальянским жеребцом».

Пока я сидела с ошарашенным видом, в открытую дверь влетела моя фея надежды, пытаюсь по пути отодрать со рта скотч.

— Ого, — выдохнула Дана. — Стася, наверное, пришла в ярость.

— О, да, — кивнула Элисон. — Сразу перескочила от «я люблю тебя» к «ты был огромной ошибкой». А он сказал «мои дела здесь закончены» и ушел.

— А мы начали делать ставки, — вставил Дэниел и, свернув кусочек бекона, отправил его себе в рот.

— Ставки на что? — спросила я.

— На то, кто из них первым найдет себе пару, — ответила Элисон. — Лично я ставлю на Стасю, потому что для нее главное — имидж, и без парня под ручкой она никуда. С другой стороны, есть довольно длинная очередь женщин, которые ждут, когда Хартли станет свободен. Но он не заменит ее прямо сейчас. По крайней мере, я на это надеюсь. Мне нужно время, чтобы попробовать забить гол. — Она изобразила, как бросает мяч в сетку. — В общем, девушке дозволено помечтать.

В этот момент в столовую зашел Хартли, и наша четверка подняла головы достаточно быстро, чтобы он догадался, что мы говорили о нем. Стоило мне увидеть вновь свободного Хартли, и мой желудок совершил небольшой кувырок.

Спокойно, одернула себя я. Нет причин строить надежды.

Но моя фея, наконец-то сорвав со своего ротика скотч, проорала: *НЕТ, ЕСТЬ!*

Дэниел вытер рот.

— Приятель, ты выглядишь немного помятым. — Это была правда. Глаза Хартли были красными и усталыми.

— Возможно, вчера я слегка перебрал. — Поковыляв вдоль стола, он обошел Дану и Дэниела и встал рядом со мной. Потом выудил из кармана таблетки и вытряхнул две себе на ладонь. Забросив их в рот, он взял мой стакан с соком и осушил его.

— Эй! — возмутилась я по привычке.

— Плохая ночь? — спросил Дэниел.

Хартли покачал головой.

— На самом деле, довольно хорошая. Но из всех, с кем я хотел поговорить, не спал только Бриджер и его бутылка бурбона. Погодите. — Он унес мой стакан к автомату с соком и наполнил его. Когда он пошел назад, я увидела, что он сильно хромает. И вина за это лежала, конечно, на мне.

— Твое колено, — проговорила я, когда он вернулся.

Хартли пожал плечом.

— Просто затекло, вот и все. Я сегодня проснулся у Бриджера на полу. Как в старые добрые времена. — Положив мне под подбородок кончики пальцев, он приподнял мое лицо вверх и нахмурился. Потом снова достал из кармана таблетки и вытряхнул еще две на поднос. — Вот, Каллахан, выпей-ка от похмелья. Вечером у нас планы.

У меня подскочил пульс.

— С каких это пор?

Он положил ладони на стол, наклонился, и наши глаза оказались на одном уровне.

— С этих самых. — Не давая мне времени изумиться, он поцеловал меня в губы — нежно и коротко. Затем выпрямился, оставив меня сидеть с потрясенным лицом. —

Каллахан, не заставляй меня умолять. Мне пока тяжело стоять на коленях. — И он ушел в сторону кухни.

Над столом повисла глубокая тишина, которую только подчеркнул писк от Даны. Я почувствовала, как становлюсь пунцового цвета.

— Уже? — ахнула Элисон.

Дэниел усмехнулся.

— Похоже, Кори забила гол еще до свистка.

Это было так похоже на Хартли — поцеловать меня и, не вдаваясь в детали, уйти. Мне хотелось заорать во все горло: «ЧТО ЭТО ЗНАЧИТ?» Но, будучи трусихой, я отправила ему короткий вопрос.

Хартли?

Да, красавица?

Куда мы сегодня идем?

Узнаешь позже, ответил он. Дресскод — очень свободная форма. Бери костыли, а не кресло. Мы поедем на микроавтобусе. Встречаемся в 8 часов у ворот.

Я провела день с целым роем бабочек в животе.

— Как думаешь, что это будет? — спросила Дана в десятый раз. Она красила мне ногти на ногах — розовым лаком.

— НЕ ЗНАЮ! — крикнула я. И этот вопрос был даже не самым большим в моем сердце.

Что это значит?

Дана прочла мои мысли, что, вероятно, было несложно.

— Он бросил ее ради тебя. Кори, это на самом деле случилось. Он наконец-то отрастил себе яйца.

У меня внутри все снова перевернулось. Мне так сильно хотелось, чтобы это было правдой. Но когда я в последний раз получала именно то, что хотела?

— Почему ты не говоришь, куда мы поедем? — спросила я Хартли, пока мы ждали калекомобиль. Стоя с ним рядом и готовясь окунуться в его непонятное маленькое приключение, я ощущала себя положительно легкомысленной.

Но он отделался загадочной крышесносной усмешкой. И когда прибыл микроавтобус, попросил водителя отвезти нас на пересечение улиц Диксвел и Сахем. Я не настолько хорошо знала город, чтобы угадать, что там было.

К моему удивлению микроавтобус остановился напротив хоккейной арены.

— Ты серьезно? — спросила я, перемещая себя с низкой ступеньки на тротуар. — Я туда не хожу. — Я слышала в своем голосе интонацию ужаса.

Когда микроавтобус уехал, я заметила, насколько здесь тихо. Сегодня вечером никто не играл. И вокруг, кроме нас с Хартли, не было ни души.

— Я знаю. — Он подошел ко мне ближе. — Но я хочу, чтобы ты зашла туда вместе со мной. Всего на один раз.

— Но зачем?

Он только покачал головой.

— Если тебе не понравится, обещаю никогда больше не заикаться о том, чтобы прийти сюда. — Он наклонился. И в оранжевом свете уличных фонарей мягко поцеловал меня.

Мое сердце сжалось в груди. Я бы много на что согласилась, чтобы получить еще пару таких поцелуев, но Хартли не знал, что после несчастного случая я ни разу не была на катке. Я не боялась туда заходить — просто мне не хотелось. Я провела на льду слишком много счастливых часов. А теперь та огромная часть моей жизни исчезла.

— Пожалуйста? — произнес он. Обнял меня и поцеловал в макушку. — Пожалуйста.

Кто бы смог отказаться?

Хартли повел меня вдоль арены. Достав из кармана связку ключей, он открыл ведущую на лед дверь.

Внутри на меня моментально нахлынули знакомые ощущения. На всех катках, которые я посещала, был одинаковый запах — свежее благоухание льда, смешанное с запахом тел и бубликов с солью. Я вдохнула его, и у меня скрутило желудок.

— Еще чуть-чуть дальше, — сказал Хартли. Он подвел меня прямо к тоннелю, откуда появлялись перед игрой игроки.

В нескольких шагах от меня поблескивал лед. Я опустила взгляд на порожек между резиновым покрытием пола и гладким краем катка. Память о том, как я ставила на него лезвие одного конька, отталкивалась и улетала вперед, была слишком отчетливой. Комок в моем горле распух.

— Видела такое когда-нибудь?

Я посмотрела вниз. Хартли стоял на коленях перед двумя... санками? На каждом из них было отлитое из пластика сиденье в форме лопатки. Когда Хартли перевернул санки на бок, я увидела внизу пару полозьев.

Я откашлялась.

— Что это? — Мой голос был хриплым. — Какая-то адаптивная хренотень.

Он с беспокойством взглянул на меня.

— Они... они *прикольные*, Каллахан. Я уже испытал их. Можно ездить по-настоящему быстро. — Он поставил санки у моих ног. — Просто попробуй. Если не понравится, вернемся домой.

И все-таки я колебалась. Сколько раз я стояла у бортика и, готовясь выйти на лед, даже не догадывалась, что это огромная привилегия? Тысячу? Больше? Я не подозревала, сколько всего могу потерять, что пара ужасных минут может отнять этот мир навсегда.

Хартли встал, перешел мне за спину и взял меня под руки.

— Просто согнись в талии, и я тебя усажу.

Вздохнув, я сдалась. И согнулась.

На то, чтобы снять мои скобы и пристегнуть меня к санкам, ушла целая вечность. Затем я получила от Хартли не одну, а целых две короткие хоккейные клюшки.

— Будь осторожней с концами, — предупредил меня он, и я, присмотревшись, увидела, что на каждой из клюшек есть по три маленьких железных шипа. — С их помощью можно отталкиваться, — сказал он. — Увидишь сама.

Затем он перащил мои санки через порожек и толкнул меня на каток. Я проехала футов тридцать, а после остановилась. Задрав подбородок, я посмотрела на прожектора наверху. Хакнесс располагал великолепной ареной. Я приходила сюда посмотреть, как играет мой брат. И когда получила письмо о зачислении в колледж, думала, что и я здесь сыграю.

Рядом со мной притормозил Хартли.

— Давай, Каллахан. Поехали.

Я оглянулась и увидела, что до глаз его улыбка не добралась. Он ждал, наблюдая за мной, когда я расправлюсь со своими невидимыми демонами.

— Хорошо, — сказала я наконец. Взяв в руки по клюшке, я дотянулась до поверхности льда и оттолкнулась. Санки уехали фута на три вперед. Полозья под моим сиденьем были, видимо, достаточно острыми.

— Вот так, — сказал Хартли. Он тоже вонзил шипы в лед и отправил себя к синей линии. Я смотрела, как он набирает скорость. Оттуда, где я сидела, пространство льда выглядело огромным. Взявшись за клюшки, я оттолкнулась. Хартли был прав — на санках можно было набрать приличную скорость. Но когда я наклонила тело, чтобы свернуть, она сразу упала. На настоящих коньках для поворота надо было сделать крен на одном лезвии. Санки оказались не такими послушными.

Но тем не менее у меня получалось.

Я сделала несколько глубоких, успокаивающих глотков холодного воздуха. Затем развернулась и поехала по направлению к Хартли.

— Как ощущения? — спросил он. Покопавшись в кармане куртки, он достал шайбу и бросил ее на лед.

— Они не очень маневренные, — ответила я. — Как мне объезжать твою толстую задницу, если я не могу как следует развернуться? — Я рванулась вперед и ударила рабочим концом клюшки по шайбе.

Он усмехнулся.

— Вообще, полозья можно сдвинуть поближе, но тогда ты будешь часто заваливаться. Типа как во время каякинга.

Я резко притормозила.

— Хочешь сказать, эта штукавина стоит на детском режиме?

Хартли примирительно поднял клюшки вверх.

— Остынь. Это был недосмотр. — Он подъехал ко мне. — Наклонись на секунду. — Я перевернула себя вместе с санками на бок, и он поправил полозья. — Вот, попробуй теперь.

Я выровняла себя и немедленно опрокинулась на бок.

— Погоди-ка... — Снова сев, я заработала клюшками, как сумасшедшая, и помчалась по льду, после чего наклонилась и быстро описала дугу. Когда я оглянулась на Хартли, он стоял на коленях, регулируя полозья и под своими санками. Пока он пристегивался обратно, я подобрала шайбу. — Вбрасывание?

— Погнали, — сказал он и направил себя к синей точке.

Я подбросила шайбу в воздух, и владение досталось ему. Хартли зацепил шайбу клюшкой, укрывая ее от меня, но затем он сделал ошибку, попытавшись оттолкнуться не тем концом клюшки. Я метнулась вперед и, перехватив шайбу, помчалась к воротам. В следующее мгновение санки Хартли промелькнули мимо меня. Он развернулся, занимая оборонительную позицию. Его длинные руки, раскинувшись с клюшками в стороны, покрывали почти все пространство ворот. Примерившись для удара, я увидела, как Хартли вытягивается, готовясь принять его. Тогда я в последнюю секунду поменяла руку на левую и отправила шайбу в узкую щель между его клюшкой и санками. Шайба влетела в сетку.

Выражение изумления на его лице было бесценным.

— Ты меня обвела?

Я начала хихикать, и мои санки опрокинулись на бок. Лежа с локтями на льду, я сотрясалась от смеха. Но радость развязала в моей груди что-то еще, и у меня за веками стало вдруг горячо. На льду было чересчур много призраков — маленькие проекции прежней меня, все в поту, шныряли туда-сюда на острых коньках и расстреливали ворота. У меня в груди стало тесно. Дыхание превратилось в тяжелые всхлипы. А потом по моим щекам покатились, капая на лед, слезы.

В одну секунду Хартли оказался рядом со мной. Ласковыми руками он поднял меня со льда и привлек к своему телу. Мне на ухо шептали какие-то утешающие слова, но я их не слышала. Я была слишком занята тем, что дрожала и плакала в воротничок его куртки.

— Ш-ш, — произнес он. — Тише. Тише...

— Просто... — попыталась вымолвить я. — Я была...

Он только обнял меня покрепче и прошептал:

— Зря я это затеял.

Я покачала головой.

— Нет, было здорово. Правда. Но *раньше*... — Я содрогнулась. — Так сложно это... *принять*.

— Мне так жаль, — сказал Хартли, и его голос тоже сорвался. — Черт, как же мне жаль.

— Я была *идеальной*, — всхлипнула я. — И даже не понимала, насколько.

— Нет, — прошептал он мне на ухо. — Нет, нет. Идеальное... оно такое ненастоящее. — Я сделала глубокий, судорожный вдох, и ощущение его сильных объятий помогло мне начать успокаиваться. — Каллахан, идеального больше нет. Есть только чертовски хорошее.

Глава 20

Плакать, как девочка

Кори

В конце концов я перестала плакать. Взглянув на часы, Хартли сказал, что микроавтобус вернется за нами через двадцать минут.

Я вытерла залитое слезами лицо краем куртки.

— Тогда достань шайбу из сетки. Я, наверное, смогу забить тебе еще несколько раз. Между приступами истерики.

— Это мы еще поглядим, Каллахан.

У меня получилось отобрать шайбу и забить гол еще один раз, а у Хартли — три раза. Когда мы сели в микроавтобус, я была потная, хоть выжимай.

— Мы слишком жарко оделись, — сказала я. — В следующий раз я сниму куртку. И нам бы не помешали перчатки и налокотники.

Хартли подмигнул мне.

— В следующий раз.

Я была совершенно без сил. Весь день мне хотелось допросить Хартли на тему того, что будет дальше. Я хотела узнать, где мы находимся, пусть даже спросить об этом было непросто. Но сейчас, когда перед моими глазами еще плясала сияющая поверхность белого льда, меня хватило только на то, чтобы положить голову ему на плечо. Он обнял меня, и всю дорогу до колледжа мы промолчали.

— А откуда взялись эти санки? — спросила я, выбираясь из микроавтобуса.

— Я увидел их в кладовой в прошлом году — их там штук десять. Вот и попросил у менеджера разрешения ими воспользоваться.

— А время на льду? Договориться точно было непросто.

— Это все Бриджер. Я у тренера еще в черном списке.

— Поблагодаришь его за меня? — тихо спросила я.

— Ну конечно.

Когда мы приблизились ко входной двери в МакЭррин, нас догнала Дана.

— Привет, ребята. — Она прищурилась на меня. Я представляла, как выгляжу со своим покрытым испариной лбом и покрасневшими глазами: словно меня переехало поездом. — Все хорошо?

— Абсолютно, — ответила я. — Но мне нужен душ. Ты сегодня рано вернулась.

— Девчонки из группы собрались идти в бар, но поскольку мой поддельный ID полный отстой... — Она пожала плечами. — Попью дома чаю. — Она помахала карточкой и открыла дверь.

Я хотела еще раз сказать Хартли «спасибо», но у него зазвонил телефон. Он взглянул на экран и ответил.

— Привет, мам, — сказал он, зажав телефон подбородком. — Да, я звонил. Хотел сообщить одну новость, которая тебя очень обрадует. — Он пошел к себе в комнату, и я услышала, как он говорит: — С Гринвичем, штат Коннектикут, отныне покончено.

Оставив Хартли заканчивать разговор, я отправилась в ванную.

Причина, возможно, звучала глупо, но перед тем, как забраться под душ, я заколола волосы на макушке. К ним пристал ледяной запах катка, и смывать его я была не готова. Пока я счастливо терла мочалкой вспотевшее тело, в ванную зашла Дана.

— Кори? — позвала она.

Я выглянула из-за шторы.

— Ты должна была постучать! — Дана знала, какой я была психопаткой на тему приватности.

— Извини. — Озорно усмехаясь, она притворила дверь. — Но тебя только что приходил искать Хартли. Он сказал: «Передай Каллахан, что я ее жду». — Она захихикала. — Клянусь у меня лицо даже не дрогнуло. Ну, почти.

— Вау. Окей.

— Так что... — она сверкнула глазами, — я пришла, чтобы сказать, что в случае, если ты не определилась, брить что-нибудь или нет...

Я задернула штору.

— Боже мой. Из-за тебя у меня теперь комплекс.

— Почему?

— Готова поспорить, что у Стаси профессионально ухоженный сад.

Дана прыснула.

— Кори, но она уже в прошлом. Вместе со своим выстриженным садом. — Я услышала, как она, хихикая, вышла из ванной.

Вытеревшись, я завернулась в полотенце и переместилась в кресло. Когда я проезжала через общую комнату, Дана спросила, что я собираюсь надеть.

— Отличный вопрос. Сейчас поглядим. — Потратив на изучение своих ящиков гораздо больше обычного времени, я в конце концов остановилась на леггинсах и крошечном топе.

— *Идеально*, — одобрила Дана, когда я вышла узнать ее мнение. — Секси, но при этом не кажется, будто ты слишком стараешься.

— Дана? По-моему, ты увлекаешься с предположениями.

Она покачала головой.

— Я видела, какое у этого парня было лицо. Кажется, он даже пустил немного слюны на ковер. Ты надела облегающее белье?

— У меня его нет, так что я пойду без белья, — сказала я, проводя расческой по волосам.

Она взвизгнула.

— Думаю, моя помощь тебе не нужна.

— Конечно, нужна. Что выбрать: костыли или кресло? — В моей жизни это был основной вопрос моды.

Дана задумалась.

— Кресло. Да, определенно кресло. Так с тебя будет проще посрывать всю одежду.

Я покатила к двери.

— На этом месте мне, видимо, полагается сказать, чтобы ты меня не ждала?

Она выгнула брови.

— Я потребую подробный отчет.

Ощущая смущение, я постучалась к Хартли. Но услышав доносящийся из его комнаты негромкий ритм музыки, просто открыла дверь. Хартли стоял посреди комнаты и держал баскетбольный мяч. На нем были только джинсы — и все. У меня мигом пересохло во рту. Даже в неярком свете я могла различить каждый мускул на его идеальной груди и дорожку темных волос, которая, уходя от пупка, исчезала за поясом джинсов. Он отбросил мяч в сторону. А потом подошел ко мне.

Ко мне.

Подойти по-настоящему близко к человеку в инвалидном кресле было непросто, поэтому он наклонился, а я обвила его шею руками. Его кожа под моими ладонями была бархатистой. Хартли взялся за мои бедра, поднял меня прямо из кресла и, подсунув руку под мою задницу, разместил у себя на груди. Мы оказались нос к носу. Его серьезные карие глаза внимательно рассматривали меня.

— Каллахан, — прошептал он.

— Что?

Ответом мне был поцелуй, сладкий и медленный. Я так сильно хотела его. Но даже сейчас, когда мое сердце бешено колотилось, я спрашивала себя, что же все это значит. Я чуть-чуть отстранилась, чтобы увидеть его глаза.

— Хартли? Я... я не могу быть просто интрижкой. Может, кто-то и согласился бы, но...

Он приложил к моим губам палец.

— Каллахан, я полностью твой. — Его ладонь скользнула вбок, чтобы накрыть мою щеку, и я прильнула к ее теплу. — Ты — первый человек, с которым я хочу заговаривать по утрам, и последнее, что я хочу видеть перед тем, как заснуть.

Мой счастливый вздох был прерван его губами, прижавшимися к моим. Хартли осторожно усадил меня на кровать и большим пальцем отвел с моего лица пряди волос.

Наши губы снова слились, он застонал, и этот звук прокатился волной по моей спине вниз.

Когда его язык коснулся моего языка, я ощутила его прикосновение всюду.

Приблизив рот к моему уху, Хартли шепнул:

— Прости, что я так долго до этого доходил.

А потом его губы прошлись по моей щеке, а руки обвили вокруг тела, прижимая меня к его голой груди. И мы начали целоваться и перекатываться по кровати, точно двое оголодавших людей, попавших на неожиданный пир. Я ласкала его, дав волю рукам. Больше не существовало причин не притрагиваться к нему, и внезапно я поняла, что хочу трогать его сразу везде — одновременно. Пока мои пальцы исследовали твердые мышцы его груди, Хартли целовал мою шею. Затем, сдвинув край топа, он провел носом по моему животу. Когда его губы очутились на поясе моих леггинсов, у меня захватило дух.

Он поднял подбородок.

— Может, сходить за нашим приятелем Дигби?

— Нет, — покачала я головой.

Хартли ползком поднялся обратно наверх, и надо мною нависло его лицо.

— Мне нужно, чтобы ты сказала, что именно хочешь, — прошептал он, заправив прядку волос мне за ухо. — Я не знаю, к чему ты готова.

Я думала, что уже изучила все его взгляды. Но я ошибалась. Сейчас в его карих глазах горел такой огонь и такое желание, что я едва верила в то, что на самом деле лежу с ним в постели, что это не просто какое-то недоразумение.

— Я хочу, чтобы ты... — Я умолкла, потому что говорить об этом было очень непросто. — Я хочу все. Я хочу, чтобы ты был со мной точно таким, как с другими.

Его взгляд был пронизывающим, как лазер.

— Но с тобой все иначе.

У меня оборвалось сердце.

— Почему?

— Потому что, Каллахан. — Карие глаза приблизились ко мне. — Я никогда никого не любил так, как тебя. — Следующий поцелуй был долгим, и медленным, и полным надежды.

Когда мы оторвались друг от друга, чтобы вздохнуть, я, делая первый ход, потянулась к молнии его джинсов. Хартли с пылающим лицом наблюдал за мной. И когда я, расстегнув молнию, пробралась к нему в боксеры и обхватила рукой его плоть, застонал.

Нащупав край моего топа, он стянул его с меня через голову. Потом положил ладонь на пояс моих леггинсов.

— Можно? — Его голос был хриплым, и он смотрел на меня так, как мужчина смотрит на женщину, которую раздевает — с серьезностью и желанием.

Я кивнула.

Он снял с меня леггинсы, потом сбросил свои штаны. Когда он лег на меня, мы наконец-то соприкоснулись полностью, всей нашей плотью. Настроение ничем не походило на Самую Странную в Истории Ночь. Наши поцелуи были жадными и настойчивыми, а тела двигались друг против друга с такой сладостью, с таким жаром, что у меня защемило за веками.

— Хартли, — шепнула я. — Займись со мной любовью.

— Ты уверена? — выдохнул он. — Я могу тебя подождать. Ты ведь ждала меня. — Он навис надо мной, его нос был в дюйме от моего.

Но для меня с ожиданием было покончено. Я, в общем, не говорила ему напрямую о

том, что я девственница. И не испытывала желания останавливаться и заводить эту беседу сейчас. Я приложила к его губам палец.

— Хартли, не нянчись со мной.

Мышцы его плеча сократились, когда он убрал со рта мои пальцы. А затем он поцеловал меня так, что у нас обоих перехватило дыхание.

— Я никогда не буду нянчиться с тобой, Каллахан. Ты самый сильный человек из всех, что я знаю. — Выдвинув ящик тумбочки, он достал оттуда маленький квадратный пакетик, надорвал уголок зубами и потянулся между нашими телами вниз, чтобы надеть презерватив.

Мое сердце заколотилось от нервного предвкушения. Но Хартли, опершись на локоть, сделал паузу. Свободной рукой накрыв мою щеку, он всмотрелся в мои глаза с такой свирепой настойчивостью, что она опалила меня изнутри.

— Я всегда хотел тебя, Каллахан. — Его пальцы легонько прошли по моей шее к плечу, затем провели трепетную линию по руке. Он поднес мою руку к лицу и прижался губами к ладони. — Просто я был слишком глуп, чтобы в этом признаться.

У меня защипало глаза.

— Мне даже не верится... — Пытаясь остановить поток слез, я начала дышать через нос.

— Что?

— ...Что мы наконец-таки здесь, — промолвила я. — Я так упорно старалась внушить себе, что мне все равно.

Он поднес мою руку к груди и прижал ее к сердцу.

— Это я виноват. Но я начну исправляться прямо сейчас. — Его рука отпустила мою и, оставляя за собой след мурашек, поползла по моему телу вниз. Когда его пальцы впервые коснулись меня именно там, где было нужно, у меня перехватило дыхание.

Хартли не торопился, искушал меня ласками, пока его поцелуи сводили меня с ума. Я закрыла глаза и растворилась в нахлынувших ощущениях. Никогда в жизни я не чувствовала себя настолько везучей, как в этот момент. Несмотря на ужасы минувшего года, со мной было не покончено. Все только начиналось.

— Посмотри на меня, — попросил сверху Хартли.

Я открыла глаза и окунулась в сияние его карего взгляда.

— Я люблю тебя, Коринна, — сказал он. А потом я почувствовала давление между ног и следом резкую боль, как от щипка.

— О, — вздохнула я, изумленная непривычным ощущением заполненности внутри.

— Я делаю тебе больно, да? — спросил он. Его рот напряженно сжался.

Я провела ладонями по его подтянутым бедрам.

— Я тебя чувствую. Но я *хочу* тебя чувствовать. Просто двигайся медленно.

Его глаза чудесно закрылись, а лицо стало безмятежным. Очень нежно он отвел тело назад, и я, перестав его чувствовать, огорченно вздохнула. Затем он снова подался вперед, и прекрасное ощущение заполненности возвратилось. Целуя меня, он снова вышел. Он двигался так неспешно, что я испугалась, что он не вернется. Но он, заставив меня ахнуть от возбуждения, вновь оказался во мне.

Хартли лег на меня.

— Ты даже не представляешь, каким счастливым ты меня делаешь, — прошептал он мне на ухо. А затем его тело и рот начали двигаться в едином ласковом ритме. Когда он вильнул бедрами, я услышала, как у меня вырвался стон.

Больше не было боли, только восхитительное напряжение всех моих чувств. Вкус его поцелуев и жар его кожи были всем для меня. Я погрузилась в его густые волосы пальцами. Но по-настоящему завели меня звуки, которые он издавал. Все началось с щекочущего мое ухо урчания удовольствия. Затем он сделал очень глубокий вдох и застонал. Пока мы двигались вместе, его дыхание изменилось, стало неглубоким и частым.

Все в этом было прекрасно.

Хартли

Мне. Надо. Замедлиться.

Заниматься любовью с самой лучшей девушкой на земле было занятием опьяняющим. Я так долго лгал себе, что не хочу этого, что когда наконец-то отпустил поток напряжения, это повлияло на мой самоконтроль. Я был оголенным проводом. Я был воздушным змеем, парящим в грозу. Я был сейсмографом, иголка которого дрожала, предвкушая землетрясение.

Скорее всего, мне предстояло конкретно перед ней опозориться.

Обхватив Кори руками, я перевернул нас и откинулся на подушку.

— Тайм-аут, — выдохнул я. — А то меня сейчас унесет.

Она лежала у меня на груди — щеки зарделись, губы припухли от моих поцелуев.

— Все нормально, — шепнула она. Ее ладони прошли по моей груди, а ногти задели соски. *Фа-ак.* Она собиралась убить меня.

Я поймал ее за руки, стараясь не смотреть на ее груди, находившиеся совсем рядом с моим лицом.

— Но это... это тоже нормально. — Улыбаясь, я потянул ее руки вниз, пока ее локти не уткнулись в матрас. Затем взялся за ее бедра и качнул ее на себе.

Ее глаза слегка распахнулись. Поскольку происходящее было для нее слишком новым, я не хотел ее испугать. Но Кори была такова, что сказала бы, если б что-то было неправильно. Даже сейчас выражение на ее лице — где изумление смешивалось с отвагой и с шепоткой «о боже мой» — разрывало меня пополам. Кори всегда была искренней — на все сто процентов. В ней не было хитрости или притворства. И с нею я тоже мог быть таким. С нею можно было не строить из себя невесту что. Она хотела всего меня целиком, что бы там ни было.

И я наконец-то мог отдать ей себя.

Закусив губу, она начала двигаться. Сперва осторожно, но через мгновение ее тело, зная в точности, что ему нужно, забрало инициативу себе. Я смотрел ей в лицо, когда она нашла, что искала. Ее веки закрылись, и она вновь издала этот звук — легкий вздох, такой глубокий и замечательный, что я прочувствовал его от макушки до ног. А следом за ним раздался короткий, на выдохе, стон.

Иисусе.

— Мне нравится, как это звучит, — выпалил я. А потом все начало происходить очень быстро. Нырнув вперед, я впился в ее рот поцелуем, а мои руки, ускоряя ее движения, стали направлять ее бедра. Перед глазами у меня потемнело, и я почувствовал, как мое тело замерло, точно воздух перед грозой. Затем я зарычал, и этот звук пронзил нас обоих. Кори выдохнула, когда я толкнулся бедрами вверх, и меня унес водоворот ощущений. Моя разрядка и ее счастливые стоны — ничего, кроме этого, я не чувствовал и не слышал.

Кори

Тяжело дыша, мы лежали бок о бок. Сильные ноги Хартли сплелись с моими ногами. Он ласкал мою грудь, задевая губами мой лоб.

Вау, подумала я. А может, сказала. Я точно не поняла, потому что мой мозг не работал. Он обнял меня у себя на груди.

— Черт. Вот тебе и помедленнее, — выдохнул он. — Я так долго этого ждал. — Он поцеловал меня в лоб, и я усмехнулась, точно маньячка.

Под моей ладонью быстро билось его сердце. Лежать, неуклюже лаская друг друга, пока наше дыхание постепенно выравнивалось, было так замечательно. Нежности после секса — это было занятие, для которого моя инвалидность не создавала ни малейших проблем. Я хмыкнула Хартли в плечо.

— Что смешного? — прошептал он.

— Просто подумала, что для секса не нужны здоровые ноги. Мы совсем как нормальные люди.

Прижавшись лбом к моему лбу, Хартли заглянул мне в глаза.

— Балда, мы и есть нормальные люди. — Он быстро поцеловал меня. — Только красивые. И с оценками выше среднего балла.

— Ты забыл сказать «скромные».

— Точно. — Его карие глаза сияли любовью, и я погрузилась.

— Просто мне жаль, что я могу дать тебе только сломанную себя. А не ту, которой была изначально.

Он закрыл глаза и покачал головой.

— Существует только одна Каллахан: та, которая заставила меня вытащить голову из задницы. И эта Каллахан у меня уже есть.

— Хартли, но ты *обязан* хотеть, чтобы мы были равными. Чтобы я каталась, бегала вместе с тобой. Как можно этого не хотеть?

Его руки обняли меня крепче.

— Я много чего хочу. Пару миллионов долларов, например. Отца, который назвал бы меня своим сыном. Чтобы «Брюинз» выиграли Кубок Стэнли. Но прямо сейчас я безумно счастлив и безо всех этих вещей. Так что раскисать смысла нет.

Я уткнулась лицом ему в шею, где бы с радостью осталась навечно.

— Я все равно иногда раскисаю.

Он пригладил мои волосы под своей рукой и понизил голос.

— Не пойми меня неправильно. Если я когда-нибудь увижу на видео, как ты несешься по льду и забиваешь, то расплачусь, как девочка. — Его губы коснулись моей щеки. — Но потом я сниму с тебя пару предметов одежды и вспомню, что жизнь хороша.

Хоть это и была почти самая приятная вещь, которую когда-либо говорил мне Хартли, меня по-прежнему грызли сомнения.

— Хартли?

— Да, красавица?

— Что, если я не смогу... быть с тобой? И получать удовольствие.

Его рука сжалась вокруг меня.

— Но ты можешь.

— Но что, если потом не смогу?

— Ладно. А что, если я бы сломал не ногу, а шею? Мы можем лежать тут и представлять кучу дерьмовых сценариев. А можем еще немного пообниматься.

— Просто... — Я сделала вдох. — Просто я люблю тебя, Хартли.

— Я знаю, красавица. — И он снова поцеловал меня.

Позже я встала и, следуя совету врача из неотложной помощи, отвезла себя в ванную Хартли, чтобы пописать. Еще я воспользовалась его зубной щеткой, потому что не думала, что он был бы против. А потом вернулась в его постель.

Он спал.

Устроившись рядом с ним, я натянула на нас простыню и покрывало. И перед тем, как закрыть глаза, поцеловала Хартли в плечо. Просто потому, что могла.

Глава 21

Старые дедки

Кори

Когда наутро я открыла глаза, Хартли держал меня за руку, а его большой палец медленно гладил мою ладонь. Я повернулась к нему и увидела на его прекрасном лице безмятежность. Его глаза были закрыты. Поскольку он не смотрел на меня, я не стала убирать с лица огромную счастливую усмешку, которая там появилась.

— Это самая лучшая вещь на земле, — сонно пробормотал он. — Просыпаться рядом с тобой. Наверное, я наконец-то сделал в своей жизни что-то хорошее.

Какое-то время мы лениво нежились и молчали. В воскресенье не было такого места, где мне надо было бы быть, кроме как здесь, рядом с Хартли. Я поднесла его руку к губам и поцеловала ее.

— Хартли, — шепнула я. — В тот вечер, когда я напилась, ты сказал, что тебе надо разгрести кое-какое дерьмо.

— Да, и я это сделал.

— Что это было?

Он повернул голову, открыл глаза и посмотрел на меня.

— Я не хочу говорить о ней, когда лежу рядом с тобой.

— О ней? Стася имеет к этому какое-то отношение?

— Довольно большое, — ответил он. — И даже не знает об этом.

Что?

— Ну, теперь ты *обязан* мне рассказать.

Он лег на живот и положил подбородок на локоть.

— Вообще, никто об этом не знает. Ни одна живая душа. — Его длинные ресницы дрогнули, когда он посмотрел на меня. Я подвинулась ближе, положила ему на шею ладонь, и его глаза снова закрылись. — Ты, наверное, обратила внимание на отсутствие в моей жизни отца.

— Да, — тихо сказала я, поглаживая его шею. Я могла бы ласкать его весь день напролет.

— Он сделал моей маме ребенка, когда им обоим было по восемнадцать. Она работала в его загородном клубе официанткой. — Он открыл глаза и снова взглянул на меня. — Мамина история, кстати, научила меня быть осторожным — очень и очень. Когда ты в следующий раз пойдешь к доктору, можешь спросить его о...?

О противозачаточных.

— Хорошо. — С таблетками, вероятно, могли возникнуть проблемы — из-за тромбов. Но спросить я могла.

Прежде, чем продолжить, Хартли закрыл глаза.

— Когда я был маленьким, родители отца каждый месяц посылали нам деньги. Но когда мне исполнилось шесть, перестали, и начать должен был он. Однако он ни разу не дал нам ни цента.

— Молодец какой, — промолвила я. — И твоя мама ничего у него не потребовала?

Он покачал головой.

— Не захотела публично ставить его в неудобное положение. Хотя у нее самой положение едва ли было удобным. Ни денег, ни мужа, который научил бы меня завязывать шнурки на коньках... — Он замолчал. Я наклонилась и прижалась губами к бархатистой коже его плеча. — М-м-м... — Он улыбнулся. — О чем я там говорил?

Я перестала его целовать.

— О своем засранце-отце.

— Точно. В общем, вот он я, вкалываю, как проклятый, в священных стенах Хакнесса. Я научился не вспоминать о нем, разве что когда вижу его имя в газетах.

— Серьезно?

Хартли кивнул.

— Он кинопродюсер... очень успешный. Важная шишка. И от этого мне тоже срывало башню. Я думал, что если стану успешным, то, может, он признает меня. Даже этот колледж выбрал из-за него.

— Но это замечательный колледж.

— Замечательный, если у тебя нет гигантского предубеждения против богатых людей. Так-то я бы скорее учился по спортивной стипендии где-нибудь в Мичигане. Но я поступил сюда, потому что он — его выпускник.

— Пожалуйста, только не говори, что жалеешь о поступлении в Хакнесс. — Я потерлась о него носом.

— Я этого не сказал. — Хартли поцеловал меня в ухо. — Просто я выбрал Хакнесс по неверным причинам, и от этого моя куча дерьма стала больше.

Я переместила себя на его спину и раскинулась там, словно он был столом.

— А как твой отец связан со Стасей? — спросила я.

— Точно, — сказал он. Потом сделал глубокий вдох. — Каллахан, когда ты прижимаешь к моей спине свою грудь, мне трудно соображать.

— А ты попытайся.

— Окей... — хмыкнул он. — Стася встречалась с Фэйрфаксом, и я считал ее самой стервозной, самой капризной девчонкой из всех, что я знал. Но однажды она обмолвилась о том, что на приеме у ее родителей в Гринвиче побывал один их сосед. Стася любит щегольнуть громкими именами.

— И этим соседом был... твой отец?

Хартли кивнул.

— Ничего себе совпадение. То есть, она заинтересовала тебя только по этой причине? Потому что ты хотел увидеться с ним?

Мгновение он молчал.

— Нет, я никогда не пытался с ним встретиться. Дело было скорее в том, что она... будто находилась внутри, за воротами, тогда как я был снаружи. И потому она стала казаться мне привлекательной. Если она в меня влюбится, думал я, то и я стану членом этого мира. — Он повернул голову, чтобы взглянуть на меня. — Вслух это дерьмо звучит еще хуже, чем в мыслях.

Я нажала большими пальцами на мышцы его плеч.

— Продолжай разгребать его, Хартли. — Я начала разминать его шею, и он благодарно уронил голову вниз.

— Прошлый год вышел отличным. По крайней мере, так мне казалось тогда. Я отбил Стасю у Фэйрфакса.

— Ауч, — сказала я, и он рассмеялся.

— Единственный терпимый момент в этой истории. Потому что Фэйрфакс, в целом, не возражал. Парень может вынести только определенное количество Стаси. В общем, быть с ней было тяжелым трудом. Не то чтобы я просто позвонил и получил приглашение в ее особняк. Я мирился со всем дерьмом, которым она заваливала меня. Но каждый раз, проезжая в ее «мерседесе» мимо дома отца, я ловил такой кайф.

Задумавшись, я остановила руки у него на спине.

— Знаю, я жалок, — проговорил Хартли. — Можешь сказать это вслух.

— В тебе нет ничего жалкого, Хартли, — сказала я. — Я хочу, чтобы ты в это поверил. Ты в итоге встретился с ним?

— Нет и не жду, что когда-нибудь встречу. Он, наверное, почти все время проводит по работе в Лос-Анджелесе. Но однажды я видел, как его дети играют в мяч на газоне. Всего пару секунд, потому что сидел за рулем. Это было тяжело.

— О боже! У тебя есть братья с сестрами? Какие они? Похожи на тебя?

Он пожал плечами.

— Сложно сказать. Они выглядели, как дети с рекламы Ральфа Лорена. Чистенькими и опрятными. Девочка и два мальчика.

Хартли перекатился на бок, и когда я соскользнула с него, мы легли друг к другу лицом. Застеснявшись, я потянула на свою грудь простыню.

— Не прячь их, — усмехнулся Хартли. — Мне потребовалось несколько месяцев на то, чтобы навести в голове порядок и увидеть их.

— Месяцев?

— Именно так. — Его улыбка снова погасла. — Этот год — с переломом, без хоккея и без модной принцессы поблизости — был тяжелым. А потом я начал тусоваться с тобой, Каллахан. И это конкретно прочистило мне мозги.

— Почему?

— Потому что ты была такой *настоящей*. И не боялась называть все те вещи, что пугали тебя. И я осознал, что со Стасей у меня таких разговоров не было — ни единого раза. Я ждал девушку, которую не любил. Но она говорила, что по-прежнему хочет меня, и я продолжал считать это важным. — Его глаза были печальными. — Я боялся перерезать веревку, и из-за этого начал ненавидеть себя.

— Ох.

Он вздохнул.

— В свой день рождения я сидел там и ждал ее, в то время как человек, с которым я хотел быть по-настоящему, находился всего лишь на другом конце коридора. Но даже когда я поднял свою задницу и пошел к тебе, я не был правдивым. Я обернул все в игру, а это была не игра. — Он приласкал мои волосы. — Я мучил нас обоих, да? Извини.

Я улыбнулась.

— По мне все было ясно, да?

— Каллахан, ты была *честной*. Ты не побоялась сказать мне в лицо, что не можешь быть просто друзьями. Это было ударом — то, что тебе, в отличие от меня, хватило яиц это сказать. И я решил все исправить. — Он притянул меня к себе и уложил мою голову у себя на груди. Мне было слышно, как стучит его сердце — *тук-тук*.

Мой пульс зачастил. Я еще не вполне привыкла к тому, что он наконец-то меня обнимал — совсем, как я все время мечтала. Мой план на данный момент был таков: оставаться в его постели, пока он меня не прогонит. И все-таки у меня еще оставались вопросы.

— Твоя мама знает, что ты типа как следил за отцом?

— Нет, — сказал он. — Но даже не зная деталей, она догадывалась, что в моих отношениях со Стасей есть что-то нечестное, и обожала меня пошпынять. «Адам, почему ты с ней? Ты же умный парень и видишь, какая она высокомерная стерва». И так далее, и тому подобное. Моя мать ненавидит Гринвич, Коннектикут, и все, что с ним связано. А Стася, в общем-то, и не старалась завоевать ее.

— Ты когда-нибудь испытывал искушение рассказать ей про отца? — спросила я.

Он покачал головой.

— Стасе нельзя показывать свои слабые стороны. Иначе она тебя слопают.

— Но это же не любовь.

Он чмокнул меня в макушку.

— Теперь-то я понимаю. Черт, ты только взгляни на меня — изливаю перед тобой душу прямо с утра в воскресенье, словно это самое обычное дело. А все потому, что ты всегда прикроешь мой зад.

— Вообще-то... — Я расправила пальцы на его животе. — Я бы лучше прикрыла твой перед.

Он прижался носом к моим волосам.

— Так давай, малыш.

Кончики моих пальцев запорхали по его талии вниз, и Хартли потянулся ко мне.

Ко *мне*.

Когда спустя час я открыла дверь к Хартли, он еще валялся полуодетым и листал спортивный журнал. При виде меня он быстро сел.

— Извини. Не ожидал, что ты соберешься так скоро.

— Мы же договаривались на пятнадцать минут, разве нет?

Усмехнувшись, он потянулся за футболкой.

— Некоторые женщины подразумевают под пятнадцатью минутами все сорок пять. — Хартли нацепил на свою взлохмаченную шевелюру бейсбольную кепку. — Мне же, с другой стороны, требуется всего сорок пять секунд. — Он ушел в ванную, и я услышала, как он

чистит зубы.

Собираясь на завтрак, я распорядилась своими пятнадцатью минутами мудро. Заморочившись больше обычного, я надела новые джинсы и топ. И даже нанесла блеск на губы. Другими словами, мне не хотелось на входе в столовую выглядеть так, словно я только что кувыркалась с Хартли в кровати.

Но несмотря на все эти приготовления, когда мы оказались на лестничной площадке перед бомонской столовой, мое лицо запылало. Замерев у двери, я оглянулась на Хартли.

— У меня словно на лбу все написано, — шепнула я. — И это так странно.

Он только улыбнулся.

— Ты такая хорошенькая, когда паникуешь. Если б я не знал тебя лучше, то подумал бы, что ты стесняешься показываться со мной.

— Может, оно так и есть, — сказала я, сделав глубокий вдох.

Он подошел вплотную ко мне и положил ладонь на мою поясницу.

— Этому колледжу сколько? Лет триста? — Хартли понизил голос до жаркого шепота. — Мы здесь не первые люди, которые занимались сексом еще до воскресного завтрака.

Его губы, согревая меня повсюду, коснулись моей щеки.

— Тут ввели совместное обучение только в семидесятых, — вдыхая его тепло, заметила я.

— Какой облом для всех тех старых дедков. — Он притянул меня еще ближе к себе.

Стоило его рукам вновь очутиться на мне, и я ощутила внутри знакомый зуд возбуждения. Ради сохранения трезвости мыслей я оттолкнула его и сделала вдох.

— Ты не помогаешь мне выглядеть спокойной и невозмутимой. — Я отвернулась от его улыбки и направилась к кухне.

Теперь, когда я была на костылях, а он — нет, нашу еду забрал Хартли.

— Держать поднос всегда было моей работой, — заметила я. От перемены ролей стало больно. Хартли вернулся к нормальной жизни, а я...

Он вздрогнул.

— Каллахан, ты будешь меня ненавидеть, когда осенью я вернусь на каток?

Хм-м... *Осенью*. Хартли подразумевал, что осенью мы по-прежнему будем вместе. Мне это понравилось.

— Нет, — решила я. — Наконец-то увижу, как ты играешь.

Его лицо засияло от счастья.

— Правда? — Наклонившись, он мазнул мою щеку губами. — Я так волновался.

— Только не жди, что я буду визжать, как фанатка, когда ты выйдешь на лед. И надевать джерси в обтяжку с твоим номером на спине я тоже не стану.

— Да ладно тебе. Ты должна, — усмехнулся он, забирая со стойки наши тарелки.

— Удачно тебе помечтать. — У меня в кармане зажужжал телефон. Я достала его, но это был всего лишь мой брат. С ним я могла пообщаться и позже. — Пойду налью кофе, — сказала я Хартли и, опираясь на костыли, пошла по столовой.

Прикидывая, куда можно сесть, я оглядела столики. За самым длинным сидел в шумной компании Бриджер, но еще там была Стася. Так что этот вариант отпадал. А за нашим любимым столиком у двери увлеченно беседовали о чем-то Дана и Дэниел.

— Куда? — спросил Хартли, поставив на поднос наши кружки.

— Ну, — я указала на свою соседку, — им, похоже, и вдвоем очень уютно.

— Любопытно, — проговорил он. — Но мы им нравимся, так что пошли подсядем.

Когда я дошла до Даны, она сразу подняла голову, и на ее лице вспыхнула взбудораженная улыбка.

— Ни слова, — предупредила я. Мое лицо мигом стало красного цвета.

— Оке-ей... — протянула она, усмехаясь в свою чашку с кофе.

Я села около Дэниела, а Хартли, поставив поднос на стол, скользнул на скамью рядом с Даной.

— Доброе утро!

— Хороший сегодня день, не правда ли? — подмигнул ему Дэниел.

— *Очень* хороший, — заговорил было Хартли, пока я не метнула в него убийственный взгляд. — Самый обычный.

Дана хихикнула.

— Мисс Кори, — сказал Дэниел, — если вы не желаете распространения сплетен, то вам не стоило разрешать ему ставить себе на шею огромный засос.

— *Что?* — Я скосила глаза, но, конечно, без зеркала увидеть свою шею было нельзя.

— Видела бы ты свое лицо! — воскликнул Дэниел, и Дана зашлась смехом.

— С такими друзьями, как вы... — пригрозила им я. Но я начала расслабляться. Каждый раз, когда я смотрела на красивое лицо Хартли, мне становилось еще чуточку легче.

— Так, Кори, не позволяй ночи страсти отвлечь себя от истинной цели, — напомнил мне Дэниел. — Эшфорт пообещал не отменять игру, но я опасаюсь, как бы это не пришлось сделать нам.

— Почему?

— У Элисон и Медведя концерт.

— Серьезно? Медведь — музыкант?

— Он играет на тубе, а Элисон — первая скрипка. После завтрака начну всех обзванивать... — Он посмотрел на часы, потом на мою соседку. — Дана, не выручишь парня?

Дану явно раздирали сомнения, из чего я сделала вывод, что она запала на Дэниела. Иначе она не колебалась бы перед отказом.

— Я не смогу, — сказала она после паузы. — Я буду нырять каждый раз, когда рядом появится мяч.

— Это не запрещено правилами, — заметила я.

Мой сотовый звякнул смской от Дэмьена. *Ты где? В столовой Бомона?* Потом он опять зажужжал, и я ответила на звонок.

— Алло? Дэмьен?

— Пожалуйста, скажи, что ты завтракаешь, — ответил мой брат. — Потому что я взбираюсь по лестнице.

— Что... правда? Но зачем?

— В смысле — зачем? Я приехал тебя повидать. Так ты наверху?

Мои глаза переметнулись на дверь. Через пару секунд в проеме, выглядывая из-под козырька своей хакнессовской кепки, появился мой брат. Когда он нашел меня взглядом и улыбнулся, я выронила телефон на стол. А потом он уже стоял надо мной, наклоняясь, чтобы обнять.

— Эй! Я нашел тебя. — Он вытащил стул из-за пустого столика по соседству и, развернув его, уселся между Хартли и мной.

Черт.

— М-м... Дана? — сказала я. — Это мой старший брат Дэмьен.

Дэмьен, похоже, не улавливал моего дискомфорта.

— Значит, ты и есть та самая Дана! Приятно наконец-то с тобой познакомиться.

Она просияла, и они обменялись рукопожатием.

— Может, ты знаком и с Дэниелом? Ну, а Хартли ты точно знаешь. — Произнося его имя, я ощутила, как заливаюсь краской.

— Как жизнь, Хартли? Вижу, тебе сняли гипс. Готов к новым шалостям?

К новым шалостям? Я поняла, что если в следующие десять минут не придумаю, как выпутаться из ситуации, то умру от стыда. Я украдкой взглянула на Хартли. Ему хватило здравого смысла не улыбаться слишком открыто.

Дэмьен оглядел столовую.

— Типичная сцена для воскресенья. Как будто никуда и не уезжал. Пойду возьму себе кофе. — Он снова встал и двинулся к кружкам.

— О дьявол, — пробормотала я.

— Ты красная, как помидор, — прошептала Дана.

Хартли дотянулся до меня через стол и быстро сжал мою руку.

— Спокойно, красавица. Мы ведь всего лишь завтракаем. Ты знала, что он приедет?

— Нет! — прошипела я. — Он ничего такого не говорил.

Мой брат сел за стол и сделал глоток кофе.

— Ну что, как ты держишься? — спросил меня он.

— Нормально, — быстро ответила я.

Его голубые глаза изучали меня так внимательно, что это начинало нервировать.

— Что ж, хорошо, — медленно произнес он. — Мама с папой просили провести тебя.

— Это очень... заботливо, — сказала я с ощущением, что упускаю какой-то важный момент. — Ты приехал на поезде?

— Ну да, — сказал он, все еще рассматривая меня. Намекая таким образом, что он обо всем догадался? Не то чтобы меня волновало его мнение на наш с Хартли счет, но поскольку моя жизнь стала развиваться с головокружительной скоростью, мне бы не помешал один день, чтобы привыкнуть к этой идее. Без давления со стороны брата.

Стася, которая шла между конвейером, где стояли подносы, и дверью, выбрала этот момент, чтобы пройти мимо нас.

— Привет, Каллахан, — внезапно сказала она, и я автоматически оглянулась — за миллисекунду до того, как понять, что она обращается к брату.

К моему хоккеисту-брату. Ну, разумеется.

— Привет, Стася. Как всегда, здорово выглядишь. — Он подмигнул ей. — Ты знакома с моей сестрой Кори?

Температура ее взгляда, когда он перешел с Дэмьена на меня, моментально упала до отрицательных величин.

— О, — сказала она, хмуря брови. — Мы встречались. — А потом размашистым шагом удалилась из помещения.

— Мда. А она все такая же, — хмыкнул Дэмьен. Потом покосился на Хартли. — Черт. Вы же с ней...

Тут даже Хартли смешался.

— Да... Но уже нет.

— Сожалею, чувак. — Мой брат вернулся к своей чашке с кофе. Чувствуя, как поджариваются мои нервы, я собралась было объявить завтрак законченным, но тут появился Бриджер. Подбежав трусой к нашему столику, он остановился за нашими с братом спинами.

— Как дела, Бридж? — прежде чем допить свой сок, спросил Хартли.

— Я собирался задать тебе тот же вопрос, — ухмыльнулся тот. — Пожалуйста, скажи, что кое-кому этим утром пришлось совершить Прогулку Позора на Костылях. Или мне надо пополнить запасы бурбона?

— Бриджер, — выдохнула я.

— Да ладно, Каллахан. — Он дернул меня за хвостик. — Я берег эту шутку все выходные. — Ухмыляясь Хартли, он завернул за наш столик к двери. А потом, присмотревшись, наконец-таки узнал моего брата. — Воу, Каллахан, — сказал он, резко притормозив. — Я тебя не заметил.

В наступившей далее тишине Дэмьен перевел взгляд с Бриджера на меня, а потом медленно повернулся к Хартли.

— Какого хера?

Интересный выбор слов.

Мой новоиспеченный бойфренд потер челюсть. Если и существовала уместная для сложившейся ситуации фраза, то ни Хартли, ни мне она в голову не пришла.

Бриджер по-прежнему стоял, застыв, возле двери.

— Я это... — пробормотал он. — Прости.

Хартли махнул рукой, чтобы тот уходил, затем повернулся обратно к разъяренному взгляду моего брата.

— С моей младшей сестрой? — процедил Дэмьен. — Из пяти тысяч студенток тебе понадобилось сделать своим последним завоеванием не кого-нибудь, а ее?

Хартли, судя по виду, пытался решить, будет ли самозащита верной стратегией или нет.

— Завоеванием? — сказал он, нахмурившись. — Это не так.

Дэмьен покачал головой.

— Можешь не сидеть тут и не придумывать свинские оправдания. Лучше просто свали прямо сейчас, хорошо?

— Вообще-то, Каллахан, — тихо проговорил Хартли, — это как раз-таки и будет свинским поступком.

Дэмьен, весь красный, повернулся ко мне.

— Не понимаю, зачем вообще я приехал.

— Я тоже, — рявкнула я.

От удивления у моего брата даже вытянулось лицо.

— Ты правда не понимаешь?

— Нет, Дэмьен. Может, просто скажешь уже?

— Вау. — Он издал мрачный смешок. — Не волнуйся. Я не скажу маме с папой, почему ты забыла, что сегодня за день.

— А что сегодня за день? — спросила Дана. По крайней мере, не только я была сбита с толку.

— Пятнадцатое января. Я приехал сюда, чтобы убедиться, что у Кори все хорошо.

— О, — сказала я глупо.

О.

Мой желудок вильнул, и на меня обрушились непрощенные воспоминания о прошлом пятнадцатом января. Я не хотела ничего вспоминать. Но внезапно оказалось, что у меня нет выбора. Опустив глаза в стол, я перенеслась на год назад.

Прошрое пятнадцатое января выпало на субботу.

Завтрак я проспала и сделала себе на обед яичницу и сэндвич с беконом. Моя мать, хотя на улице было всего десять градусов, ушла на пробежку. Когда она вернулась домой, я, разыскивая свои хоккейные шорты, переворачивала весь дом вверх тормашками.

— Посмотри в сушилке. Я их постирала, — сказала она.

Я пробежала мимо нее. *Пробежала*. На двух ногах. Я кипела от раздражения, потому что боялась опоздать на игру. Я понятия не имела, что скоро моя жизнь трагично изменится — что пробежка до прачечной станет вещью, которой мне никогда больше не сделать.

— ...Кори?

Моя голова дернулась вверх. Дана пыталась привлечь мое внимание — пока я сидела, уставившись невидящими глазами в тарелку.

— Да?

Она нахмурила брови.

— Что было пятнадцатого января?

— В этот день... — Я сглотнула. Дана и Дэниел смотрели на меня с замешательством. На лицах Хартли и моего брата была только грусть. — Сегодня... — Теперь-то я поняла, почему получила за утро целых два сообщения от родителей — сообщения, на которые я не ответила. *Позвони нам*, писали они. *Мы думаем о тебе*.

Я была не в состоянии объяснять. Я не хотела быть той пострадавшей девушкой, но, похоже, сегодня у меня не было выбора.

Наклонившись, я подобрала с пола свои костыли.

— Я забыла, что должна позвонить маме с папой, — пробормотала я, запинаясь. Я подняла свое тело со стула и начала пробираться к двери. Дэмыен пошел за мной следом.

— Игра в полвторого! — через плечо крикнул Дэниел.

Глава 22

Пятнадцатое января

Кори

— Игра в полвторого, — сквозь зубы сказал мой отец.

Он сидел за рулем нашей машины, а я торопливо запихивала в багажник свое снаряжение. Тренер не должен был прибывать к самому вбрасыванию, и как обычно вина за задержку отца лежала на мне.

— Извини, — ответила я, перебегая к пассажирскому месту.

Я не запомнила, как мы ехали. Пробок, наверное, не было — только не в нашем сонном маленьком городке. О чем я думала по пути на каток? Об уроках? О парне, с которым

только-только стала встречаться — и лицо которого сейчас едва могла вспомнить?

До несчастного случая было так просто смотреть в окошко машины на застывший пейзаж и ни о чем конкретном не думать. Я не знала, что должна была ценить каждый момент, что каждая минута времени, пока я была здоровой, — благословенна. Не знала.

Вернувшись в МакЭррин, я спряталась в спальне.

— Симпатичная комната, — пробормотал Дэмьен.

Я заползла на кровать и сняла свои скобы. Потом подложила под спину подушку и села, прислонившись к стене.

Взгляд на часы сообщил мне, что уже почти полдень. Я задумалась о том, что сейчас делают мама и папа, но слишком трусила им позвонить. У отца, в зависимости от расписания, могла быть игра. Ради его же блага я надеялась, что она выездная. Я надеялась, что в половине второго ему не придется стоять на том самом месте, где он стоял в прошлом году.

На всех моих играх он всегда стоял около бортика со свистком и планшеткой в руках. Без этой пары предметов его было сложно представить. Как-то моя подружка в шутку спросила, берет ли он с собой в постель свисток или нет. Может, потому что он всегда смотрел на меня, я и прилагала столько усилий, играя в хоккей. Он был настолько хорошим тренером, настолько справедливым, как человек, что я, будучи его дочерью и спортсменкой, никогда не ощущала себя чрезмерно им окруженной. Все было хорошо. Пока однажды не перестало.

Бедный мой папа. Все произошло у него на глазах.

Я мчалась обратным ходом, быстро и мощно. В мою сторону полетела по льду шайба. Я наклонилась, чтобы принять передачу, но другой игрок — из команды противника — наклонилась сильнее. Она взмахнула клюшкой в направлении несущейся шайбы, но вместо нее зацепилась за мой конек.

С этого момента мои воспоминания были всего лишь коллажем из рассказов других.

Каким-то образом она перевернула меня так сильно, что я полетела спиной назад. Описав в воздухе дугу, я перелетела через еще одного игрока. А потом приземлилась на спину. А потом на несколько секунд отключилась.

Когда я открыла глаза, надо мной, склонившись, стоял мой отец.

— Кори, всю хорошо? — спросил меня он.

— Ага, — ответила я. И поверила в это. На самом деле, я даже встала и сама покатила со льда.

— Что еще у тебя происходит? — спросил Дэмьен. — Разобралась с новым семестром? Я откашлялась.

— Вроде, да. Я записалась на шекспировский курс вместе с Даной. И на курс психологии, которым все бредят. С профессором Дэвисом.

— Он прикольный, — согласился мой брат, сгибая и разгибая козырек кепки. — Хочешь, сыграем в «Реальные клюшки»?

Я покачала головой. Сегодня я не хотела иметь никаких дел с хоккеем. Даже с виртуальным.

— А что за игру имел в виду тот тип Дэниел?

Я встретила его взгляд — теплый и ясный — и постаралась подавить раздражение, потому что мой брат всего лишь пытался помочь.

— Я вступила в команду по водному поло на камерах. Никогда не играл?

Дэмьен качнул головой.

— Веселая, похоже, игра.

— Неплохая, — сказала я. — Вообще, оказалось, что она лучше тренажерного зала. У нас нет запасных. Так что к концу мы все пыхтим, точно бабули с одышкой.

Дэмьен посмотрел на часы.

— Я приду на твою игру.

Я вновь покачала головой.

— Эту я пропущу.

Остаток игры после своего ужасного падения я просидела. На скамье, прислонившись к стенке, с болью в спине. Но у меня болели и плечи, и голова. Папа думал, это легкое сотрясение. Кроме сильной боли в спине, никаких пугающих симптомов у меня не было. И мы вернулись домой. Я приняла самое обычное обезболивающее и на удивление рано отправилась спать.

Той ночью меня разбудила невыносимая боль в пояснице. Перепугавшись, я встала и пошла в спальню к родителям. Едва сумев добраться до них, я рухнула на матрас с маминой стороны.

— Кори? — сказала она, но ее голос звучал будто издалека. — Что с тобой?

И тогда я потеряла сознание.

Два дня спустя я очнулась в больнице. Мне сделали серьезную операцию по удалению тромба, давившего на спинной мозг. Повсюду были какие-то аппараты, трубки, встревоженные лица. Врачи бубнили фразы вроде «нетипичный случай» и «подождем и увидим».

Потребовалось какое-то время, чтобы всем стало ясно: той ночью, когда я шла в спальню к родителям, я в последний раз передвигалась сама.

В час в дверях моей комнаты появился Хартли.

— Привет, — сказал он.

— Привет. — Мой голос звучал слабо, не в полную силу.

— Уже почти пора собираться в бассейн.

Не желая ничего объяснять или заводить большой разговор со слезами, я отвернулась.

Он все равно зашел, и мой брат, напрягшись, явно приготовился выпроводить его.

— Каллахан, — негромко произнес Хартли. — Мне надо несколько минут наедине с Каллахан.

Дэмьен с недовольным ворчанием встал и вышел в общую комнату. Когда заработал

телевизор, Хартли бросил на пол спортивную сумку.

— Можно тебя проводить?

— Думаю, я не пойду, — прошептала я.

— Ну, а я думаю, что пойти все-таки стоит, — сказал Хартли, садясь на кровать. Он обнял меня, и я позволила ему привлечь себя ближе, а после уткнулась носом ему в плечо и сделала вдох. — Тебя будут ждать. Пусть сегодня и пятнадцатое января. День разгребания дерьма.

— А то я не знаю, — прошептала я ему в грудь. Круг его рук сжался туже, и минуту мы просто сидели и обнимали друг друга. Я подумала, что могу ведь к этому и привыкнуть.

— Я тут трудился кое над чем, и мне интересно узнать твое мнение. — Он наклонился к спортивной сумке и достал оттуда конверт. Развернув единственный лист бумаги, он передал его мне.

Это было письмо, адресованное голливудской знаменитости, известной мне много лет.

Дорогой мистер Келлерс.

Я понятия не имею, что вы решите сделать с этим письмом, но знаю, что обязан его написать. Много лет я пытался внушить себе, что мне все равно, что мы никогда не встречались, или что вы предпочли бы не произносить моего имени вслух. Но недавно я осознал, что многие принятые мною решения были сделаны с надеждой на то, что вы бы одобрили их. Я учусь на предпоследнем курсе колледжа Хакнесс, куда поступил без упоминания вашего имени. Я играю в хоккей. У меня неплохие оценки, и я специализируюсь в политологии.

У меня был тяжелый год. Я получил травму, из-за которой не мог заниматься спортом. Когда у меня появилось большое количество свободного времени, я решил, что надо притормозить и задуматься о по-настоящему важных вещах. И я осознал, что всю жизнь носил за собой тяжесть вашего неприятия.

Сэр, я думаю, вы должны со мной встретиться. Я не собираюсь ни просить у вас деньги, ни требовать публичного признания того, что я ваш сын. Я не могу заставить вас посмотреть мне в глаза, но могу поднять руку и донести до вас, что для меня это важно. Вот почему я прошу вас о встрече — чтобы перестать гадать, согласитесь вы или нет.

С уважением, Адам Келлерс Хартли.

Я подняла глаза на него и выдохнула.

— Вау. Твое второе имя — его фамилия?

Он кивнул.

— На моем месте ты бы его отправила?

— Да, Хартли. Это будет смелый поступок.

— Встреча с ним будет нелегкой.

Я покачала головой.

— Он не поэтому смелый, и мне кажется, ты это знаешь. Тяжелее всего будет, если он не ответит. Если он просто оставит тебя в подвешенном состоянии.

Хартли лег на спину.

— Да. Но мне надоело гадать. Я хочу примириться с этим вопросом.

Я положила руку на его плоский живот.

— Тогда отправь его. Это хорошее письмо.

Он поймал мою ладонь и закружил по ней большим пальцем.

— Давай заключим соглашение. Я отправлю письмо по пути на водное поло.

Я поежилась.

— Все было так хорошо, пока мы обсуждали твои проблемы вместо моих. Ты станешь считать меня тряпкой, если я не пойду на игру?

— Что бы ты ни сделала, я *никогда* не буду считать тебя тряпкой. — Он сел и поднес мою руку к губам. — Но я все равно хочу, чтобы ты пошла.

— Мне нельзя хотя бы раз просто поваляться в кровати и погрузиться?

— Повалешься завтра. Сегодня — водное поло.

— Почему?

Он усмехнулся.

— Потому что я пообещал Дэниелу сыграть вратаря. И мне бы очень хотелось, чтобы ты стала свидетельницей моей крутизны.

— Правда? Из-за того, что я расклеилась, да? — Я невольно заулыбалась. — Ты уверен, что это хорошая идея? Вдруг ты повредишь ногу?

— Не надо со мной нянчиться, Каллахан. — На его щеках появились ямочки.

Я чмокнула его в нос.

— Ты коварный манипулятор.

— Меня называли и хуже. Ну что, где ты прячешь свое бикини?

Я покачала головой.

— Нас все равно не допустят к игре. Даже если я появлюсь.

— А вот и нет! Я уломал Дану и Бриджера тоже сыграть. Сказал им, что сегодня тебе нельзя быть одной, что рядом с тобой должны быть друзья.

Мое сердце пропустило удар.

— Правда? И они придут? Даже Дана?

— Думаю, у нее что-то есть к Дэниелу. — Он улыбнулся. — Но она сказала, что делает это ради тебя.

Я хихикнула. Внезапно жить новой жизнью стало важнее, чем оплакивать старую. Я хотела посмотреть, как полуголый Хартли, защищая ворота, плавает в камере. И увидеть, как Дана пытается не растерять свою храбрость, пока ей в лицо летит мяч.

— Хартли, исчезни на пять минут. Мне надо переодеться.

— Вот и умница. Я принесу твоё полотенце, — сказал он и, отпустив меня, вышел.

После того, как он закрыл дверь, я соскользнула на пол и подползла к комоду, потому что это было намного быстрее, чем возиться с надеванием скоб. Я теперь ползала лучше — спасибо стараниям Пат. Но, чтобы снять джинсы, мне пришлось перекатываться с одного бедра на другое, словно выброшенная на берег рыбешка.

Что было очень сексуально.

В кавычках.

Хартли

Брат Кори смотрел телевизор и изо всех сил старался не замечать меня. Но я все равно уселся с ним рядом.

Я понимал, что он мучается, но ни в коем случае не собирался чувствовать себя виноватым за то, что был с Кори. Наоборот — я чертовски гордился собой. Еще мне теперь

стало легче. После того, как я выложил Кори свою дурацкую семейную сагу, с моей души словно сняли тяжелый груз.

— Чем она там занимается? — не глядя на меня, спросил Дэмьен.

— Надевает купальник.

Он повернул голову.

— Правда? Ты уговорил ее пойти на игру?

— Ага. — Я старался не говорить самодовольно, но оно все равно проскочило. Чуть-чуть.

Он выключил телевизор и всем корпусом повернулся ко мне. В нем чувствовалась некоторая агрессия, но я знал, что это всего лишь для виду.

— Значит, ты и моя сестра, да? — Он провел ладонями по лицу. — Черт. Ну, хотя бы не Бриджер.

— Чувак, я тебя умоляю. — Меня покорило то, как проехали по моему лучшему другу, но в целом Дэмьен был прав. Может, ему и не нравилась мысль обо мне без штанов рядом с его сестрой, но «поматросить и бросить» было не в моем стиле.

— Знаешь, что? Она все праздники была не в себе. И я думаю, что виноват в этом ты.

Окей... Но расстраивать Кори никогда не входило в мои намерения. И если честно, она и словом мне не обмолвилась. Сказала только потом.

— Нам надо было кое с чем разобраться. Что заняло у меня какое-то время.

— Я просто говорю, что знаю, где ты живешь.

Это была она — прямая угроза. Отлично.

— Знаешь, у меня нет младшей сестры. Хотя, это неправда. Есть, но я никогда ее не встречал. — Господи, я сегодня просто фонтанировал откровениями! Дальше, наверное, выложу историю своей жизни на дневном телевидении. — Так что, я не вполне понимаю, к чему ты ведешь. Но я вовсе не против, потому что Кори важна для меня.

Его голубые глаза, которые так напоминали мне Кори, сердито уставились на меня.

— Просто обращай с ней, как подобает.

— Я так и планирую. Кстати, чтобы ты знал. Я прикрыл тебя перед ней.

— В смысле?

— Она как-то спросила, был ли ее брат озабоченным, а я ответил, что ты вел себя не так уж и плохо.

Очень медленно на его лице появилась улыбка.

— Какая разница, был я таким или не был? Главное, чтобы *она* не была с озабоченным.

— Двойные стандарты?

Дэмьен показал мне средний палец, и в этот момент Кори открыла дверь своей спальни.

— ...Ребята?

Я соскочил с дивана и запихал полотенце Кори к себе в сумку. Потом накинул ей на шею ее ID.

— Хартли? — Она положила ладони на мою грудь. — Спасибо тебе.

И я сразу почувствовал себя на миллион баксов. Мысленно послав Дэмьена к черту, я поцеловал ее прямо в губы. Потом засунул свое письмо обратно в конверт, облизнул клапан и заклеил его.

— Ну все, погнали. — Я открыл Корину дверь и подождал, пока Дэмьен накинет куртку. — Знаешь, — сказал ему я, — если хочешь сыграть, я могу одолжить тебе плавки. Ты же, в конце концов, тоже бомонец.

— Ему нельзя! — запротестовала Кори. — Выпускники не допускаются. Еще дисквалифицируют потом нашу победу.

На это мне пришлось запрокинуть голову и громко расхохотаться.

— Иисусе, Каллахан. Я забыл, с кем имею дело. — Пока Кори шла мимо меня, я наклонился, чтобы еще раз чмокнуть ее в макушку.

Даже Дэмьен усмехнулся, и я увидел, что его отношение ко мне на один-два градуса потеплело.

— Каллаханы привыкли играть на победу, — сказал он. — Ну, ведите меня. Покажите, как это делается.

И мы показали.

Глава 23

Лучше позже, чем никогда

Кори. Через три месяца

Мы с Хартли сидели рядышком на диване. Стоял апрель, была суббота, и мы недавно позавтракали. Я пыталась не отвлекаться от шекспировского «Юлия Цезаря», но вот Хартли привлек меня к себе на колени и, отодвинув с плеча мои волосы, поцеловал то место, где они только что были.

— Я не могу читать Шекспира с твоими губами на шее, — пожаловалась я.

— Тогда не читай, — пробормотал он. Он притянул меня обратно к себе, и я почувствовала, как его тело соблазнительно задвигалось подо мной. — Этой пьесе четыреста лет. Она вполне может подождать еще полчаса, а мы тем временем можем... м-м-м. — Его руки соскользнули с моих бедер на попу.

Я закрыла книгу, бросила ее на журнальный столик и развернулась, чтобы поцеловать его.

— О, да, пожалуйста, — произнес он мне в губы и начал пробираться ко мне под футболку.

— Извини, что ввела тебя в заблуждение, — сказала я, поймав его за руки, — но мне пора уходить. Я записана в парикмахерскую. И тебе тоже надо делать дела.

С негромким ворчанием он привлек меня ближе.

— Мне нравится, что у тебя длинные волосы.

— Хартли, — рассмеялась я. — Мне нужно подстричься. Очень. А тебе нужно пару часов подождать, хорошо? После бала я вся твоя.

Он откинул голову на диван и вздохнул.

— Звучит, как очень долгие пару часов. Это ведь не хитрость, чтобы уклониться от бала? Потому что она не сработает.

Я провела рукой по его подбородку, наслаждаясь ощущением его ленивой субботней щетины под пальцами.

— Ни в коем случае, — пообещала я. — Я же купила платье, а походы по магазинам — мое самое нелюбимое занятие на земле. Можешь не сомневаться, я надену его. — Соскользнув с его коленей, я взяла лежащие на полу костыли и поднялась.

Он встал, чтобы поцеловать меня.

— Ты идеальная девушка, — проговорил он мне в губы. — Ты секси, но ненавидишь ходить по магазинам. И то платье будет смотреться роскошно. *У меня на полу.* — Я

рассмеялась, а он разгладил мои волосы по плечам. — Мне правда нравится, что они длинные. Я не просто так говорил.

— Мне тоже. Но хлорка сожгла концы, и я подстригусь. Увидимся позже? — Я еще раз поцеловала его.

— Позже... — сказал он, садясь на диван, — это лучше, чем никогда.

— Вот это другое дело. — Я накинула на оба плеча лямки сумочки, открыла дверь и вышла на костылях в коридор.

Закрыв за собой дверь, я обернулась. И увидела, что напротив комнаты Хартли стоит человек. Он словно только что постучал и теперь дожидался ответа.

— Прошу прощения, — произнесла я. — Вы ищете...? — Он оглянулся, и у меня перехватило дыхание.

Потому что Хартли и впрямь очень походил на отца.

Мне потребовалась минута, чтобы заговорить. Я была слишком занята тем, что рассматривала его — его высокую фигуру и каштановые волнистые волосы. У него был такой же крупный рот, как у сына, и такой же прямой, пропорциональный нос. Только глаза были другими. У этого человека они были не карими, а голубыми, и далеко не такими теплыми, как у Хартли.

— Вы знаете, где он? — спросил незнакомец. Его голос был тихим.

Я кивнула и наконец-то обрела голос.

— Одну секунду. Никуда не уходите.

Когда я снова открыла дверь в свою комнату и зашла, Хартли сказал:

— Что, красавица, уже успела соскучиться? — Потом он увидел мое лицо. — Чтс случилось?

Закрыв за собой дверь, я наклонилась над диваном и прошептала:

— Там в коридоре стоит твой отец.

Его глаза распахнулись от шока.

— Ты уверена?

— Полностью.

Хартли спрыгнул с дивана.

— Черт. Прямо сейчас?

— Ты получил ответ на письмо?

Он покачал головой.

— Вау. Значит, вы наконец-таки встретитесь.

Он — еще в шоке — пожал плечом.

— Наверное, так даже проще. Что не пришлось сначала об этом думать.

Он резко выпустил воздух. Потом по-быстрому оглядел себя. На нем были джинсы, футболка «Ред Сокс» и ярко-оранжевые кроссовки.

— Ты *замечательный*, Хартли, — шепнула я. — А сейчас, если только ты не запретишь мне этого делать, я открою дверь. Вы можете поговорить здесь, хорошо?

Хартли оглядел мою комнату, словно видел ее в первый раз. Потом снова кивнул. Я не знала, прикинул ли он в голове то же самое, о чем подумала я, — что его незаправленная постель будет куда более неудобным местом для встречи, чем моя маленькая общая комната. Я увидела, как он сделал глубокий вдох. Потом повернула ручку, и Хартли широко распахнул для меня дверь.

— Я так сильно люблю тебя, — шепнула я ему на ухо. Повернулась, чтобы уйти, но

Хартли поймал меня за руку. И прежде чем отпустить, поцеловал меня в лоб — прямо на глазах у отца.

Я бросила еще один взгляд на человека, который пришел увидеться с ним. Он стоял и смотрел на Хартли — с покрасневшим лицом и напряженным телом.

— Почему бы тебе не зайти, — услышала я голос Хартли перед тем, как открыть дверь на улицу и выйти наружу.

Хартли

Довольно долго мы с ним молчали. Он сел на Корин диван, а я выдвинул из-за стола Даны стул и уселся напротив. Я много раз видел его фотографии в интернете, но вживую все воспринималось иначе. Я никогда даже не думал, что однажды окажусь с ним в одном помещении. Мне было тяжело справиться с шоком.

Думаю, ему тоже приходилось непросто.

Так что мы с ним несколько минут изучали друг друга.

— Адам, — наконец произнес он и откашлялся. — Прости меня. Я знаю, что приношу извинения до абсурдного поздно, и, в общем, не жду от тебя понимания. Но все равно хочу это сказать.

Я всего и смог, что кивнуть. Теперь, когда он был тут и сидел напротив меня, мою голову заполнили злые вопросы. *Как ты мог? Ты знаешь, как моя мать надрывается на работе? Ты знаешь, сколько издевательств я вытерпел в школе? Мы защищали тебя, но я даже не знаю, ради чего.*

Я знал, что если открою рот, то плотина прорвется, и потому, проглотив горечь в горле, остался молчать. Но в глубине души — и признавать этот факт было стыдно — мне хотелось ему понравиться. После столького времени я по-прежнему надеялся произвести хорошее впечатление.

Он нервно постукивал пальцами по бедру. Его джинсы были дорогого темного цвета — из тех, что купила бы Стася. Еще на нем были стильные черные туфли и пиджак, который, наверное, стоил побольше, чем автомобиль моей матери.

— Я развожусь, — сказал он внезапно.

— Я читал в новостях, — признал я. Я вовсе не хотел дать понять, что следил за ним все эти годы. Но его развод попал на первые полосы сразу после того, как я отправил письмо. Кто угодно мог об этом узнать.

— Твое письмо попало мне в руки только спустя недели. Ты отправил его в Коннектикут, а я все это время был в городе.

Я снова кивнул и попытался сосредоточиться на том, что он говорил. Но серьезно, это было похоже на выход из тела. Я никак не мог перестать глазеть на него и подмечать детали нашего сходства. Его брови были в точности, как у меня.

— Моя жена... моя бывшая жена... сказала мне, что написано на конверте, от кого оно. И тогда я рассказал ей о тебе.

— Да? — пискнул я.

Он кивнул.

— Она ничего не знала. Я наделал много ошибок, Адам. Но в прошлом месяце все равно рассказал ей, пусть она уже и ушла от меня. Хранить секреты — это плохая стратегия. Жаль только, что мне потребовалось двадцать лет на то, чтобы это понять.

Отчего-то мне стало смешно, и я выдавил кривую улыбку.

— Что? — спросил он.

— Ничего. Просто... а я-то считал тугодумом себя.

На это мой отец ответил улыбкой. Но она была грустной.

— В общем, перед встречей с тобой я подождал еще месяц — не хотел, чтобы твое имя очутилось в статьях о разводе. Чтобы какой-нибудь репортер решил, что эти две вещи связаны. Такого рода дрянное внимание тебе ни к чему. — Откинувшись на спинку Кориного дивана, он положил ступню на колено. — И я пока что не рассказал о тебе своим детям. В последнее время им и так пришлось вынести из-за меня немало дерьма.

И вот на этом моменте я немного сорвался. Вероятно, из-за того, как небрежно он сказал «своим детям».

— И поскольку я с твоим дерьмом уже свыкся, то к чему спешить, да? — выскочил из моего рта гневный вопрос.

Сначала вид у моего отца стал пораженным. Затем печальная усмешка вернулась на место.

— Справедливо.

Но я покачал головой.

— Нет, просто... — Я сделал глубокий вдох, затем выдохнул. — Я попросил о встрече не для того, чтобы на тебя наорать. — Однако, сказав это, я осознал, что не имею ни малейшего представления о том, на что я рассчитывал. Я всегда мечтал о нормальном отце, но когда тебе двадцать один, то срок годности этой мечты, вероятно, давно истек.

— Адам, было бы странно, если бы ты *не был* зол на меня. Я знал это, когда ехал сюда.

— Ты застал меня врасплох.

— Я знаю. Но есть вещи, которые нельзя сделать по телефону. — Он неловко поерзал. — У меня есть трое детей. Мальчикам — Райану и Дэниелу — одиннадцать и девять, а моей дочери Эльзе — семь.

Райан. Дэниел. Эльза.

— Это было самым тяжелым, — выпалил я.

— Что именно?

— Иметь братьев, которые не знают, что я существую. — Я видел их в тот раз, по соседству со Стасей. Я сказал Кори, что не смог рассмотреть их, и не соврал, но тот момент все равно отпечатался в моей памяти: один брат закинул за голову руку, а второй бежит по безукоризненному газону принимать пас. Никогда еще я не чувствовал себя таким посторонним.

— Хорошо. На следующих выходных я им расскажу.

Я покачал головой, потому что сообразил, что веду себя эгоистично.

— Знаешь, они во всем этом не виноваты. Так что не беспокойся.

Мой отец подался вперед.

— Нет, ты был прав. Секреты не довели меня до добра. Я расскажу им, и они поудивляются минут десять, а потом ты станешь для них рок-звездой. — Он опять улыбнулся, и это была стопроцентно искренняя улыбка. Было видно, что одна только мысль о детях согрела его. — Серьезно. Старший брат, который играет в хоккей... У тебя будет бешеная популярность. Так что будь осторожен в своих желаниях.

Я потер коленку, думая о том, сколько времени не стоял на коньках.

— Ты не играл в этом году?

— Нет. Сломал в двух местах ногу.

— Неприятно, наверное, было.

Я пожал плечами.

— Да. Но теперь все в порядке. И я встретил чудесную девушку. — Я осознавал, что если б не перелом, то наши с Кори пути, вероятно, никогда бы не пересеклись. Я бы, скорее всего, до сих пор находился в самых патологических в мире отношениях со Стасей.

И так и не разобрался бы со своим дерьмом.

— Мы могли бы все вместе сходить на «Рейнджерс», — сказал мой отец.

Я выгнул бровь.

— «Рейнджерс»?

К моей неожиданности он рассмеялся.

— А ты за кого болеешь?

— За «Брюинз», естественно. «Рейнджерс» — жалкие слабаки.

— Рад слышать, — сказал он, и его плечи немного расслабились. — Рад слышать.

Кори

Стоит ли говорить, что два часа, проведенные в парикмахерской и в последующих делах, превратились в настоящую муку.

Все это время я пыталась представить, как сложился их разговор — первый в жизни. И не могла решить, раздражает меня или нет то, что отец Хартли просто взял и как с неба свалился. Что лучше — приехать без предупреждения или не появиться вообще никогда?

День для апреля выдался теплый, так что по дороге домой я вся взмокла. Я уже месяц носила новые скобы и привыкала к ним достаточно хорошо. Пусть неохотно, но я была вынуждена признать, что эта новая технология и впрямь потрясающая. Без костылей я по-прежнему не могла, но зато теперь я ходила ногами по-настоящему, а не просто переставляла их, как ходули. Передвигаться по лестницам стало намного проще, и я больше не пользовалась инвалидной коляской, разве что дома.

Вернувшись наконец-то к себе, я нашла на диване записку.

Каллахан, мне надо столько всего тебе рассказать, но я одолжил у Стаси машину, чтобы съездить домой и поговорить с мамой. Иначе было нельзя. Я абсолютно точно вернусь обратно к восьми, так что надень то свое платье.

Люблю тебя. Х.

Неизвестность, понятно, убивала меня. Но пришлось набраться терпения. Я написала ему: *Веди осторожно. НЕ РАЗГОНЯЙСЯ. Люблю тебя. К.*

Ужинать я пошла с Даной и Дэниелом, которые горели нетерпением отправиться на бомонский бал вместе. Дэниелу понадобилось два месяца на то, чтобы набраться смелости и пригласить ее на свидание. Теперь они встречались уже пару недель, и я надеялась, что завтрашним утром увижу, как Дэниел тайком выбирается из нашей с ней комнаты. Я даже заготовила шутки для завтрака — просто на всякий случай.

Но сегодня вечером я была настолько рассеянной, что едва могла следить за их разговором.

— Кори, все хорошо? — спросила Дана после того, как я в третий раз не сумела

ответить на простейший вопрос.

— Хм-м? Да. Я в порядке.

— А где Хартли? — спросила она. — Вы же не поругались?

Я покачала головой.

— Он поехал на пару часов к своей маме. Его... в общем, сегодня у него кое-какое семейное дело. Он обещал, что к началу бала вернется.

Дана бросила взгляд на часы.

— Давай собираться. Я могу нарисовать тебе ногти под цвет твоего платья.

Я скорчила гримасу.

— Звучит утомительно.

— Кори, сегодня ты тусовщица, а не спортсменка, — сказала она.

— Как скажешь, — вздохнула я. Честно говоря, мне было безразлично, кем быть, лишь бы мой спортсмен вернулся ко мне в целостности и сохранности.

— Так и не скажешь, что случилось у Хартли? — любопытствовала Дана. Я не могла ее видеть, потому что мои глаза были закрыты. Но я чувствовала ее дыхание на лице, пока она наносила мне тени на веки.

— Извини, — ответила я, — это не мой секрет. Но клянусь, никто не болен и не умирает. Просто семейная драма.

— Что ж, хорошо, — сказала Дана, и у меня не было уверенности, что она имеет в виду: Хартли или мой законченный макияж. — Открывай глаза и смотри.

Я открыла глаза. И когда она отошла, увидела в зеркале практически незнакомую девушку. Я никогда сильно не красилась, а после несчастного случая совсем перестала. Девушка — нет, женщина — в зеркале выглядела куда более эффектно и стильно, чем та, которую я привыкла там видеть. Дана обещала не увлекаться и свое слово сдержала. Но благодаря ее мастерству черты моего лица будто бы стали четче. Золотисто-коричневые тени на веках выгодно подчеркивали оттенок моих волос, которые после посещения парикмахерской были гладкими и завивались на кончиках в кольца.

Но больше всего мне понравилось платье. Его выбрала, разумеется, Дана, и она превзошла себя. Оно было красным и длинным. (Дана назвала его макси-платьем, чтобы это ни значило.) Крой был невероятно простым — топ на лямках постепенно расширялся до водоворота шелка у ног. Завеса ткани, скрыв скобы, вернула моему телу плавные формы, чего я не видела в зеркале больше года.

— Вау, — сказала Дана. — Хартли упадет в обморок. Если он все же появится.

Я не могла оторвать глаз от зеркала. Когда я в последний раз смотрела на свое отражение без критических мыслей? Очень давно. Вечность назад. Сердцем я понимала, что платье и макияж на самом деле не изменили меня. Но они дали мне повод остановиться, посмотреть на себя и порадоваться тем деталям моего облика, которые были здоровыми и нормальными — отросшим волосам, румянцу на коже. Зеркало было по-настоящему дружелюбно ко мне, и все же я относилась к нему с презрением.

— Тебе нравится? — прошептала Дана.

Я знала, она имеет в виду макияж, но с тем же успехом она могла бы спросить о всей моей жизни.

— Да, — сказала я ей. — Нравится. Очень.

Сразу после восьми мой телефон звякнул смской от Хартли. *Прости. Уже еду.*

Не пиши за рулем! — ответила я. *И не спеши. Я ухожу туда с Д&Д.*

За два часа, что нас не было, столовая Бомона преобразилась. Самые большие столы унесли, чтобы освободить место для танцев и группы из пяти человек. На оставшихся столиках мерцали свечи. В центре зала кружились, танцуя, парочки, а остальные стояли по краям и общались.

Я то и дело оглядывалась на дверь и потому не увидела, как ко мне подкрался Бриджер. Прежде, чем я смогла возразить, он подхватил меня за талию и закружил, а потом поставил обратно.

— Кто ты и что ты сделала с Каллахан? — спросил он, возвращая мне костыли, которые соскользнули на пол.

— Хм... спасибо? — За полчаса я получила с десятков комплиментов подобного рода. Все это было лестно, но я начала задаваться вопросом, уж не значит ли это, что мне следует прилагать чуть больше усилий на регулярной основе.

— Серьезно, ты выглядишь потрясающе, — сказал он. — Где, черт побери, Хартли? Если он продинамит тебя, я оторву ему яйца.

— Не нужно, — ответила я. — Он уже едет. С минуты на минуту он будет здесь. — Бриджер нахмурился, но я не стала вдаваться в детали. — Ты не хочешь представить меня своей паре? — За его спиной маячила незнакомая блондинка с выдающимся бюстом. Я никогда не видела Бриджера с одной и той же девушкой два раза подряд. Он их менял, как перчатки.

— Конечно! Это... — Он закашлялся.

— Тина, — сказала она.

— Привет, Тина! — Пытаясь прикрыть прокол Бриджера, я торопливо протянула ей руку. — Приятно познакомиться.

— И мне, — натянуто сказала она.

— Ну, не буду отвлекать вас от танцев, — сказала я.

Тина потянула Бриджера за руку, и он приподнял в мою сторону бровь. Думаю, он решил, что это будет невежливо — пойти танцевать, когда я не могу за ними последовать.

— Идите, — шепнула я.

Бриджер поцеловал меня в щеку, после чего увел свою девушку на танцпол. Несколько минут я наблюдала за ними. Бриджер был хорошим танцором, что наводило на мысль, что и Хартли двигается не хуже. Комплексов у них было не много, это уж точно.

Когда Хартли наконец-то ворвался в столовую и, высматривая меня, завертел головой, я улыбнулась. Было видно, что он забежал к себе, чтобы переодеться, но провел там не особенно много времени. Он надел рубашку и брюки, однако по ним не помешало бы пройти утюгом или хотя бы ненадолго повесить в ванную с паром, пока включен душ. А его наспех завязанный галстук съехал набок.

И все же он был самым красивым парнем не только в зале, но и в радиусе нескольких миль.

Пока я, выпрямившись, наблюдала за ним, моя улыбка становилась все шире. Я ждала,

когда он найдет меня в переполненном помещении. К сожалению, Стася нашла его первой. Я увидела, как она продефилировала к нему, а он что-то достал из кармана — вероятно, ее ключи от машины, — потом поблагодарил ее и быстро поцеловал ее в щеку.

Все это время его глаза не прекращали сканировать зал. Высматривая меня.

Сюда, мысленно направила его я. Его глаза метнулись ко мне и прошли было мимо, но затем вернулись назад, и его взгляд упал на меня. Его лицо озарила самая прекрасная на свете улыбка, и он, огибая танцующие тела и стулья, поспешил в моем направлении.

Я ожидала, что он схватит меня в объятья, но вместо этого он резко остановился.

— *Черт*, Каллахан, — проговорил он, не сводя с меня глаз. — В смысле... вау. — Он подошел на шаг ближе. — Извини, что я опоздал, я...

— Ш-ш. — Я приложила к его губам пальцы. — Ты не так уж и опоздал. — Я поправила его воротничок.

— Да, но... — Он оглядел себя и усмехнулся. — Когда я уговаривал тебя прийти сюда, то собирался сделать все правильно. Я должен был забрать костюм из химчистки. Но она уже не работает. — Шагнув ко мне, он провел ладонями по моему обтянутому шелком торсу. — Черт, ты такая красивая, — сказал он. А потом поцеловал меня в губы — перед Господом и всеми людьми.

И я ему разрешила.

Заиграла медленная мелодия, и Хартли, улыбнувшись, отодвинулся от меня.

— Начинается! Убирай костыли. — Хартли положил ладони на мои бедра, и я, нагнувшись, зафиксировала колени на своих новых скобах. Затем прислонила костыли к стулу у себя за спиной и, глядя вниз, осторожно переставила на ботинки Хартли сначала одну, а потом и вторую ногу. — Вот так, — прошептал он мне на ухо. Маленькими шажками он проник в танцующую толпу — двигаясь задом наперед и с моими ногами у себя на ногах. В точности, как мы с ним тренировались.

И мы начали танцевать, медленно двигаясь вместе и обнимая друг друга. Если кто-нибудь и смотрел на нас, они, наверное, даже не замечали, что стоять без поддержки Хартли я не могла.

— Вот, ради чего я мчался домой, — целуя мои волосы, проговорил он.

— Это здорово, — согласилась я, — но если ты *сию же секунду* не скажешь, что случилось с твоим отцом, я взорвусь.

— Да, мэм, — хмыкнул он. — Но чтобы рассказать тебе все, понадобятся часы.

— Я никуда не спешу.

Он пощекотал мое ухо кончиком носа.

— Клянусь, я расскажу абсолютно все, но у меня до сих пор голова идет кругом. Я даже не знаю, с чего начать.

— Видимо, он получил твое письмо.

Губы Хартли коснулись моей щеки.

— Получил. Но оно пришло прямо в разгар его развода.

Я подняла глаза.

— Я читала об этом. Он был женат пятнадцать лет?

— Да, — сказал он. — Когда я прочитал ту статью, то подумал, может, он вообще его не получит.

— Но он получил.

Хартли кивнул.

— Его жена... бывшая жена, ну, неважно... она позвонила ему и сказала, что на его имя пришел конверт от какого-то Адама Хартли, и что он подписан «конфиденциально и лично в руки». И тогда он рассказал ей обо мне.

Моя голова, когда я подняла глаза на него, дернулась, и это заставило нас на секунду потерять равновесие. Моя ступня соскользнула с ноги Хартли на пол.

— Она ничего не знала?

Хартли покачал головой.

— Но он сказал, что когда она рассказала ему о конверте, он даже не колебался. Он сказал, что если бы всегда был с нею честен — насчет меня и насчет многих других вещей, — то им, возможно, вообще бы не пришлось разводиться.

— Ого, — сказала я. — Похоже, ему предстоит разгрести немало дерьма.

Руки Хартли прошли по моей спине.

— У меня сложилось впечатление, что ему понадобится бульдозер с погрузчиком. Но он, кажется, упорно над этим работает.

— О чем вы с ним разговаривали?

— Обо всем понемногу. Проговорили, думаю, часа полтора. И в следующем месяце мы увидимся снова.

— Вау.

— Знаешь, я никак не мог перестать смотреть на него. Это было все равно, что в кривое зеркало заглянуть — он выглядел точно как я, но по-другому.

— Уверена, он тоже не мог оторвать от тебя глаз. Ведь ты такой симпатичный.

Хартли фыркнул.

— Да ты всерьез в меня втюрилась, Каллахан.

Медленный танец закончился, и группа заиграла что-то быстрое, свинг. Нам пора было покинуть танцпол. Хартли протянул обе руки и пошел задним ходом, а я опиралась на них, используя Хартли, как костыли. Даже с новыми скобами моей походке никогда не суждено было стать грациозной. Но она была в миллион раз естественней прежней.

— Прощу прощения! — вдруг сказал Хартли. Он врезался в декана Дарлинга, пока вел меня.

Декан пошел было дальше, но потом оглянулся на нас.

— Мисс Кори Каллахан! — воскликнул он. — Я не ожидал застать вас на танцполе — еще одно нелепое заблуждение с моей стороны.

— Я тоже не ожидала, — призналась я. — Но мне сказали, что вопрос присутствия на бомонском балу не подлежит обсуждению.

— Так и должно быть. — Декан улыбнулся нам. — Ну, продолжайте.

Устроив меня у себя под боком, Хартли выровнял свое бедро рядом с моим, потом одной рукой обхватил мою талию, а вторую протянул мне, чтобы я могла на нее опереться. Мы с ним разучили несколько новых трюков. И посещать вечеринки стало куда веселее, чем прежде, — теперь, когда у меня был свой собственный страховщик, к которому я могла прислониться. И о которого могла потереться.

Бриджер помахал нам от двери, которая раньше всегда бывала закрыта.

— Что там?

— Терраса, — сказал Хартли. — Хочешь, выйдем туда на минутку?

— Давай. — Я потянулась за костылями, но Хартли остановил меня.

— Иди со мной. Я тебя не оставлю. — Он встал передо мной и, наклонившись,

потянулся ко мне, а я оперлась на его руки. До двери было всего футов пятнадцать. У меня возникли небольшие проблемы с порогом, так что Хартли подхватил меня сзади за бедра и, совершив поворот, поставил на пол с другой стороны. Затем он крепко обнял мою талию, предложил для поддержки свободную руку, и мы выдвинулись вперед — к нашим друзьям в темноту.

Когда я подняла голову, то увидела, что на меня с недоумением на лице пялится незнакомый парень.

— Я не пьяная, — сказала ему я. — Это хроническое состояние.

— О, извини. — Он отвел взгляд.

Я покачала головой.

— Да я просто прикалываюсь над тобой.

Тут я услышала громкий хлопок вылетевшей пробки, и увидела светлые локоны Стаси, которая развернулась с бутылкой в руках.

— Колин, стаканы?

Парень, который смотрел на меня, принес стопку чистых пластиковых стаканчиков, и Стася принялась разливать по чуть-чуть в каждый из них. Стоя под боком у Хартли, я вдохнула воздух апрельского вечера. Приближалась весна. В это было невозможно поверить, но до конца моего первого года в Хакнесе оставалось всего шесть недель.

Когда Колин, передавая стаканчики, дошел по кругу до нас, Хартли покачал головой. Стульев здесь не было, и, чтобы поддерживать меня на ногах, требовались все наши свободные руки.

— Погодите, — сказал Бриджер. Он скрылся в столовой и мгновением позже появился со стулом, который поставил у меня за спиной.

— Спасибо, Бридж, — садясь, произнесла я.

Тут подошла Стася — с двумя стаканчиками для нас.

— Здорово выглядишь, — сказала она.

Когда я поняла, что Стася обратилась ко мне, то от ошеломления едва сумела ответить.

— Спасибо, — пробормотала я. — Ты тоже. Но это и без слов ясно.

Было темно. Но клянусь, она мне подмигнула.

Бриджер поднял стаканчик в воздух.

— За контрабанду, — провозгласил он. Алкоголь на организованных колледжем мероприятиях был под запретом.

— За контрабанду, — согласились все.

Шампанское приятными пузырьками обожгло мне язык. Оно было изумительным. Я потянула Хартли за руку и, когда он склонился ко мне, прошептала:

— Стася сделала мне комплимент, твой отец объявился — и все в один день. Боюсь, приближается конец света.

Он поцеловал меня в шею.

— А бухло первоклассное. Ты заметила?

— Да. Помнишь, что случилось в последний раз, когда мы пили дорогое шампанское?

— Я подумал ровно о том же, — шепнул Хартли мне на ухо.

— Хартли, где ты весь день пропадал? — спросил Бриджер, забросив руку ему на плечо.

— Ты и с тысячного раза не угадаешь.

— Ну, теперь я просто обязан узнать.

— Бридж, выкладывать всю историю целиком я не готов. Но скажу вот что: сегодня я

отвез маме чек с алиментами за двенадцать лет.

— Что? — завопила я. — Об этом ты не рассказывал.

— Терпение. Я же сказал, оно займет не один час.

— Вау, чувак. — Бриджер осушил свой бокал. — Ты прав. Я никогда бы не угадал. Так кто же он?

Хартли покачал головой.

— У него сейчас масса проблем. Мы движемся маленькими шажками.

— Не очень-то это похоже на маленький шаг, — сказала я в следующий раз, когда Хартли склонился ко мне.

Он подхватил меня и со мной на коленях уселся на стул, а когда я обняла его, потер мои голые руки.

— Ты замерзла.

— Ничуть.

— Тот чек был на четверть миллиона долларов, — шепнул Хартли мне на ухо.

— О боже! То есть, он прямо с ним и приехал?

Хартли, кивая, провел по моей скуле носом.

— Он попросил своего адвоката подсчитать, сколько он должен. По формуле, которую использует штат.

— И он просто взял... и отдал чек тебе?

— Угу. Я же говорил, он разгребает свое дерьмо бульдозером. В общем, я отвез чек маме, а она, конечно, сказала, что ничего не возьмет.

— Что? — воскликнула я. — Она *обязана* принять его деньги. Тогда она сможет уволиться со своей ужасной работы.

— Мне понадобилось два часа на то, чтобы уговорить ее. Потому я и приехал так поздно. Зато теперь она может вернуться в колледж. Она думает стать медсестрой.

Мне захотелось запрыгать от счастья.

— Из нее получится отличная медсестра. О... я покажу ей, как снимать капельницу.

— Боже, я тебя обожаю, — обнимая меня, хмыкнул он. — Мою сумасшедшую, храбрую, сексуальную девушку. Я сегодня весь день вспоминал о тебе. Потому что, если б не ты, я бы никогда с ним не встретился.

Я притиснулась ближе.

— Неправда. Вы все равно увиделись бы — не так, значит иначе.

Вместо того, чтобы спорить, Хартли поцеловал меня.

— Идем, — сказал он. — Мы должны станцевать еще один танец.

— Почему?

— Потому что я потащил тебя танцевать. И мы потанцуем — по крайней мере, еще пять минут. А потом я сниму с тебя это платье.

— Звучит очень заманчиво, — прошептала я.

Мое ухо опалило его жарким дыханием.

— Что именно?

— Все, — ответила я.

И это была чистая правда.

Больше книг на сайте - Knigolub.net